

Этнология Британских островов

Р. Г. Лэтэм

The Ethnology of the British Islands

R. G. Latham

Электронная книга проекта Гутенберга по этнологии Британских островов

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Этнология Британских островов

Автор: Р. Г. Лэтэм

Дата выхода: 11 января 2010 [Электронная книга №30931]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Колином Беллом, Стивеном Бланделлом и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Канадскими библиотеками)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ЭТНОЛОГИЯ БРИТАНСКИХ ОСТРОВОВ " ***

Примечание переписчика:

Архаичные, диалектные и варианты написания (включая имена собственные, приведенные в кавычках) остаются напечатанными, за исключением отмеченных случаев. Незначительные типографские ошибки исправлены без указания; существенные поправки перечислены в конце текста.

Греческий текст отображается в том виде, в каком он был напечатан изначально, но с транслитерацией при наведении курсора мыши - βιβλος.

ЭТНОЛОГИЯ БРИТАНСКИХ ОСТРОВОВ

ЭТНОЛОГИЯ БРИТАНСКИХ ОСТРОВОВ

АВТОР Р. Г. ЛЭТЭМ, доктор медицинских наук, ПРОФЕССОР,
ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА, НЬЮ-
ЙОРК, И ДР.

ЛОНДОН:
ДЖОН ВАН ВОРСТ, ПАТЕРНОСТЕР-РОУ.
MDCCCLII.

ЛОНДОН:
Напечатано Т. Э. Меткалфом, 63 года, Сноу-Хилл.

[v]

Содержание.

СТРАНИЦА

ГЛАВА I.

Предварительные замечания.—Современное население Британских островов.—Римляне и др.—Доисторический период.—Ирландский лось.—Насколько современен человеку.—Каменный период.—Способы захоронения.—Физическое состояние почвы. —Ее фауна.—Черепка каменного периода.—Бронзовый период.—Золотые украшения.—Сплавы и отливки.—Насколько местные или иностранные.—Влияние внедрения металлов.—Жилища.

ГЛАВА II.

Авторитетные источники для самого раннего исторического периода.—Геродот.—Аристотель.—Полибий.—Onomacritus.—Diodorus Siculus.—Страбон.—Festus Avienus.—Основные источники.—Дамнонии.—Финикийская торговля.—Оргии.—Юго-Восточные бритты Цезаря.—Подробности его нападений.—Каледонцы из Галгака.

ГЛАВА III.

Происхождение бриттов.—Кельты Галлии.—Белги.—Будь то кельтский или германский язык. — Свидетельство Цезаря.—Аттребаты, Белги, Реми, Дуротриги и Морини, Чаучи и Менапии.

ГЛАВА IV.[vi]

Пикты.—Список королей.— Пенн Фейхел.—Эйбер и Инвер.—Пикты, возможно, но не наверняка, бритты.

76

ГЛАВА V.

Происхождение гэлов.—Трудности его изучения.—Не выяснено ни записями, ни традициями.—Аргументы из разницы между британским и гэльским языками.— Британский язык, на котором говорят в Галлии.—Известно, что на гэльском языке не говорят ни в одной части континента.—Доктрина Лхайда.—Гипотеза Хиберниана.— Каледонская гипотеза.—Постулаты.

83

ГЛАВА VI.

Римское влияние.—Agricola.— Стены и валы Адриана, Антонина и Севера.—Бонос.— Караузиус.—Семья Констанциев.—Франки и алеманны в Британии.Иностранные элементы в римских легионах.

90

ГЛАВА VII.

Ценность ранних британских записей.—Истинные традиции редки.—Гильдас.—Беда.— Ненний.—Камбрэнские анналы.—Разница между хрониками и реестрами.Англосаксонская хроника.Ирландские анналы.—Ценность отчетов Пятого и шестого веков.—Вопросы, к которым они относятся.

104

ГЛАВА VIII.

[vii]Границы Германии: их сравнительная неизвестность.—Примечание Тацита.— Выдержка из Птолемея.—Условия проживания в районе Энгла.—Варини.—Реудиньи и другие популяции Тацита.—Сабалингии и др., Птолемея.— Свевы Англии.Энгл и Онгл. — Первоначальная область угла.

142

ГЛАВА IX.

Саксы—из Верхней Саксонии—из Нижней, или Старой Саксонии.—Нордальбингцы.— Саксы Птолемея.—Современное и древнее население Шлезвик-Гольштейна.—Северо-фризы.—Вероятное происхождение названия саксон.—Саксонский кустарник.—Saxones Bajocassini.

165

ГЛАВА X.

Англы Германии — Несовершенная реконструкция их истории—Их героическая эпоха.— Беовульф.—Завоевание Англии.—Анекдот от Прокопия.—Их сокращение при династии Карловингов.—Углы Тюрингии.

200

ГЛАВА XI.

Обобщения и иллюстрации.—Предположения, касающиеся кельтского характера первоначальных жителей Британии и т. Д. —Отношения между древними бриттами и древними галлами и т. д. — Шотландские гэлы.—Пикты.—Дата германских вторжений.— Имена Англ и саксон.

219

ГЛАВА XII.

Анализ германского населения Англии.—Джутовый элемент сомнителен.—Вероятны фризские элементы.—Другие немецкие элементы, насколько они вероятны.Формы на — ing.

232

Скандинавы.—Формы in -by: их импорт и распространение.Датчане из Линкольншира и др.; Восточной Англии; Шотландии; острова Мэн; Ланкашира и Чешира; Пембрукшира.—Норвежцы Нортумберленда, Шотландии, Ирландии и острова Мэн.—Фризские формы в Йоркшире.—Боги.—Старая царапина.—Пикты, возможно, скандинавы.—Норманны.

[1]

ЭТНОЛОГИЯ БРИТАНСКИХ ОСТРОВОВ

ГЛАВА I.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.—СОВРЕМЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ БРИТАНСКИХ ОСТРОВОВ.—РИМЛЯНЕ И Т.Д.—ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД.—ИРЛАНДСКИЙ ЛОСЬ.—НАСКОЛЬКО СОВРЕМЕНЕН ЧЕЛОВЕКУ.—КАМЕННЫЙ ПЕРИОД.—СПОСОБЫ ЗАХОРОНЕНИЯ.—ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЧВЫ—ЕЕ ФАУНА.—ЧЕРЕПА КАМЕННОГО ПЕРИОДА.—БРОНЗОВЫЙ ПЕРИОД.—ЗОЛОТЫЕ УКРАШЕНИЯ.—СПЛАВЫ И ОТЛИВКИ.—НАСКОЛЬКО МЕСТНЫЙ Или ИНОСТРАННЫЙ.—ЭФФЕКТ ВНЕДРЕНИЯ МЕТАЛЛОВ.—ЖИЛИЩА.

Этнолог, который переходит от истории разновидностей человеческого вида в мире в целом к деталям какой-либо особой семьи, племени или нации, находится в положении натуралиста, который поднимается над таким трудом, как "*Естественная система*" или "*Первобытное животное*", чтобы сосредоточить свое внимание на каком-нибудь особом разделе или подразделе зоологии и ботаники. Если, сделав это, он обратится к какому-нибудь увесистому фолианту, более объемистому, чем тот, который он читал последним, но посвященному предмету настолько специфическому и[2] ограниченному, что ему едва нашлось место во всеобщей истории организованных существ, сравнение будет тем ближе. Предмет по своим основным характеристикам в обоих случаях один и тот же, но разница в деталях существенна. Топографическая карта в масштабе карты мира, манипуляции с микроскопом по сравнению с изготовлением восковой модели - это всего лишь типы и иллюстрации контраста. Небольшое поле требует работы, невозможной для большой фермы; часто с разными орудиями труда и часто с разными предметами. Диссертация о неграх Африки и диссертация о британцах Уэльского княжества, хотя обе этнологические, имеют мало общих вопросов, по крайней мере, при нынешнем состоянии наших знаний; и из ста страниц, посвященных каждой, едва ли на десяти можно найти факты одного и того же рода. Что касается негра, то мы должны искать среди старых путешественников и современных миссионеров такие точные утверждения, которые нам, возможно, посчастливится найти, касающиеся его географического положения, текстуры его волос, оттенка его кожи, особенностей его вероисповедания, структуры его языка; и мы были бы вполне удовлетворены, если бы на нашем пути попало что-нибудь одновременно новое и правдивое. Но в случае с британцем все это уже известно вопрошающему и может быть передано читателю в нескольких предложениях. Что[3] тогда остается? Новая серия исследований, которую развило само наше превосходство в знаниях; исследования, которые при несовершенной известной совокупности были бы невозможны. Кто хоть сколько-нибудь размышляет над такими вопросами, как степень смешения мавров и истинных негров Нубии? Кто занимается такой проблемой, как дата оккупации Новой Гвинеи?

Таких и подобных им моментов избегают просто потому, что не хватает *данных* для их обработки. Тем не менее, в таком регионе, как Британские острова, они возможны и уместны. Более того. В таких странах этнологии либо не должно быть вообще, либо она должна быть минимальной, поскольку на первичные и фундаментальные вопросы, которые составляют девять десятых наших исследований в других странах, уже даны ответы.

Мелкая этнология должна быть более или менее спекулятивной — чем меньше, тем лучше. Однако в какой-то степени это должно быть так, потому что она ставит новые проблемы. Это тоже должно быть важно — чем больше, тем лучше. Часто это работает с незнакомыми инструментами, манипуляции с которыми необходимо объяснить и проверить их мощност. Опять же, хотя область, в которой он работает, широка, путь, по которому он движется, может быть проторенным. Отдаленный вопрос, возможно, рассматривался многими исследователями, и результаты могут быть совершенно разными. В британской этнологии только история мнений, если[4] изложена с должным количеством критики, заполнила бы более одного тома, превышающего настоящий.

Вышесказанное было написано для того, чтобы показать, что любая работа по такому предмету, как настоящая, должна в значительной степени носить характер исследования: возможно, действительно, термин *полемика* был бы не слишком сильным. Неоспоримые и признанные результаты предыдущих исследований являются прописными истинами. То, что бритты и гэлы - кельты, а англичане - немцы, известно везде, где речь идет о несогласии валлийцев, ирландской бедности или плохом управлении Англией. Какое отношение такой кельтизм или германизм может иметь к этим же характеристикам, не так хорошо установлено, но и не так легко обнаружить. Напротив, по этим вопросам есть многое, что может быть хорошо *не* изучено. Кельты, возможно, не так уж сильно кельтские, а немцы - не так уж сильно немецкие, как принято считать; ибо, возможно, очень незначительное преобладание кельтских элементов над немецкими или немецкого над кельтским определило использование этих терминов. Подобный вопрос, безусловно, стоит поднять, и все же на него нельзя ответить сразу. В настоящее время, однако, это упоминается как образец точной этнологии и как предупреждение о исследовательском характере, который следует ожидать от предстоящих страниц, в строгом соответствии с природой предмета.[5]

Таким образом, степень, в которой две породы, населяющие Британские острова, являются чистыми или смешанными; характеристики каждой породы в ее наиболее чистом виде; и последствия смешения там, где оно имело место, - вот некоторые из наших проблем; и если бы на каждую из них можно было дать удовлетворительный ответ, у нас была бы Естественная история нашей цивилизации. Но ответы не являются удовлетворительными; во всяком случае, они не являются окончательными. Тем не менее, частичное решение может быть получено; частичное решение, которое, безусловно, стоит некоторых усилий как со стороны читателя, так и со стороны автора. Другие вопросы, также скорее любопытные, чем имеющие практическую ценность, составляют отдел мелкой этнологии; особенно когда рассматриваемая область представляет собой остров. *Дата* его заселения, хотя и невозможна как абсолютная эпоха, все же может быть установлена в определенных пределах. Однако не окажутся ли такие пределы слишком широкими для кого-либо, кроме геолога, - это другой вопрос.

Теперь, если мне удалось показать, что критика и исследование обязательно должны составлять значительную часть такой этнологии, как рассматриваемая нами, я привел причину

того, что, возможно, может показаться очевидной неправильностью в расположении различных частей предмета. Для историка гражданского общества на первом месте стоят самые ранние события, ибо, прослеживая причины до их следствий, он начинает с самых древних. С другой стороны, этнолог, с другой стороны, всякий раз, когда — что случается редко — он может изложить читателю весь процесс и все этапы своих исследований, меняет этот метод на противоположный и начинает со времен, в которые он живет; так что, проводя, так сказать, длинную серию умозаключений от следствия к причине, он приходит к выводу с самого начала; поскольку его особое дело - рассуждать в обратном или обратном направлении. Однако факты в настоящем томе не будут в точности соответствовать ни одному из этих порядков, хотя, конечно, порядок их изложения будет, в основном, хронологическим. Во многих случаях они будут взяты так, как требуется для целей аргументации; так что, если факт десятого века будет необходим для полного понимания одного из фактов пятого века, он будет взят не в должном порядке. Случайные перестановки такого рода можно найти во всех работах, в которых исследование сомнительных моментов преобладает над иллюстрацией общепринятых фактов, или во всех работах, где обсуждение перевешивает изложение.

Период, когда Британские острова были заселены только кельтами (или, по крайней мере, предполагалось, что это было так), станет темой предыдущих глав. Факты, конечно, будут приведены в том виде, в каком я смог их найти; но, возможно, не лишним будет заранее указать природу основных вопросов, к которым они будут иметь отношение.

Дата первого заселения Британских островов человеком - одна из них. Это может (как уже[7] говорилось) быть приведено только в определенных широких — очень широких—пределах; и то гипотетически или при условии точности нескольких предварительных фактов.

Подразделение человечества, к которому принадлежали самые ранние обитатели, является следующим; и оно тесно связано с первым. Если кельты были первыми жителями Британии, мы можем сказать с точностью до нескольких тысяч лет, когда они прибыли. Но что, если бы Британия была оккупирована раньше, чем они?

Цивилизация первых обитателей - это вопрос, неразрывно связанный с двумя другими; поскольку скорость, с которой она развивалась — если она вообще развивалась — должна зависеть от продолжительности проживания и степени, в которой она была заселена одной или более чем одной частью человечества. Но иностранные контакты, возможно, ускорили этот темп, или иностранная цивилизация могла полностью заменить *туземную*. Доказательством этого является четвертый вопрос.

Все эти вопросы настолько переплетены друг с другом, что, хотя факты первых трех глав будут расположены с особым расчетом на их прояснение, никаких заявлений о результатах не будет дано до тех пор, пока вторжение англосаксов или внедрение крупных германских элементов британской нации не уведет нас из области ранних кельтских исследований к исследованиям ранних тевтонцев; и это не произойдет до тех пор, пока не будут рассмотрены подробности о[8] бриттах в противовес гэлам, о гэлах в противовес бриттам и о пикты (насколько их можно разобрать) были уничтожены.

Одна из популяций Британских островов в настоящее время говорит на языке, принадлежащем к кельтскому, другая - к тевтонскому классу языков. Однако ни в коем случае нельзя быть уверенным в том, что кровь, родословная, раса, происхождение или экстракция совпадают с

формой речи: на самом деле несомненно, что это так, но частично. Хотя немногие лица тевтонского происхождения говорят на каком-либо из кельтских диалектов как на своем родном языке, обратное чрезвычайно распространено; и многие кельты не знают никакого другого языка, кроме английского. Речь, таким образом, является лишь *первичным* свидетельством происхождения; тем не менее, это наиболее удобный критерий, который у нас есть.

Кельтский класс делится на подразделения. Старейшую и наиболее чистую часть гэльских кельтов можно найти в Ирландии, особенно на западном побережье. Поскольку Коннахт расположен на берегу Атлантического океана, он находится вне пределов притока какой-либо новой крови, кроме как с востока и севера; тем не менее, с востока и севера приток свежего населения был незначительным. Итак, здесь мы находим ирландского гэла в его наиболее типичной форме.

Шотландия, как и Ирландия, является *гэльской* по отношению к[9] своей кельтской популяции, но ее происхождение менее чистое. Какой бы незначительной ни была примесь английской крови в Горной Шотландии и на Западных островах, влияние скандинавской очень значительно. В Кейтнесе есть множество географических терминов, значение которых можно найти в датском, шведском, норвежском и исландском языках. *Сазерленд* своим названием демонстрирует свои политические отношения. Это *Южная Земля*; невозможное название, если графство считать английским (поскольку оно находится на самом севере острова), но естественное, если мы относим его к Норвегии, от которой Сазерленд когда-то зависел на юге или (если не зависел) был местом грабежей. Оркнейские и Шетландские острова когда-то были такими же насквозь норвежскими, как Фарерские острова или Исландия.

Третья разновидность нынешнего населения Великобритании проживает на острове Мэн, где все еще говорят на языке, достаточно похожем на гэльский Ирландии и Шотландии, чтобы его можно было отнести к тому же подразделению. И все же кровь смешана. Скандинавы преобладали в человеке; и конституция острова во многих частях скандинавская, хотя язык кельтский.

В Уэльсе язык и население по-прежнему кельтские, хотя и достаточно отличаются от шотландских, ирландских и мэнских, чтобы рассматриваться как отдельная ветвь этого племени. Его удобно называть *британским, кембрийским и камбро-британским*. [10] Это совершенно непонятно любому гэлу. Точно так же ни один гэл, говорящий по-гэльски, не может быть понятым британцем. Однако, с другой стороны, шотландец и ирландский гэл понимают друг друга; в то время как, приложив некоторые усилия, они понимают жителя острова Мэн, и *наоборот*. Таким образом, число взаимно непонятных языков кельтской группы равно двум; другими словами, кельтские диалекты Британских островов можно отнести к двум ветвям — британскому для валлийского и гэльскому для шотландского, ирландского и мэнского языков. Другим языком Британских островов является английский, о котором нет необходимости распространяться; но который делает третий язык реально существующим в настоящий момент, если мы считаем ирландский, шотландский и мэнский диалектами одного и того же языка, и пятый, если мы разделяем их.

Возведя равнинный шотландский в ранг отдельного языка, мы можем увеличить наше разнообразие; но, поскольку в настоящее время мы придерживаемся лишь общего взгляда, лучше не умножать различий. Я полагаю, что, несмотря на некоторые убедительные утверждения об обратном, нет двух диалектов английского языка, на которых говорят на востоке

или западе — в Северной Британии или к югу от Твида, — которые не были бы взаимопонятны, когда их используют так, как это принято. То, что странные предложения могут быть составлены путем подбора странных провинциализмов и[11] связывания их вместе способом, который никогда не встречается в обычной речи, достаточно вероятно; но что любые два человека, говорящие по-английски, окажутся друг перед другом в таком же положении, в каком англичанин перед голландцем или датчанином, так что один не поймет, что говорит другой, - вот во что я совершенно не готов поверить, как из того, что я наблюдал в практике провинциальной речи, так и из того, что я прочитал в виде провинциальных глоссариев.

Однако только что перечисленные популяции представляют лишь часть нашего этнологического разнообразия. Они дают нам данные только о населении девятнадцатого века. Другие секции вымерли, а если и нет, то утратили свои отличительные характеристики, что во многом равносильно полному вымиранию. Этнология этих популяций - вопрос истории. Начиная с тех, которые совсем недавно были ассимилированы с большим количеством англичан, мы имеем —

1. Корнуолльцы из Корнуолла.— Они бритты по крови, и до семнадцатого века были британцами и по языку. Когда на корнуолльском языке перестали говорить, он все еще был понятен валлийцу; однако в правление Генриха II, хотя и понятный, он все еще был другим. Хиральдус Камбренис, в частности, утверждает, что "корнубийцы и армориканцы использовали язык, почти идентичный; язык, который валлийцы,[12] по происхождению и общению, понимали во многих вещах и почти во всем".

2. Камбрийцы из Камберленда сохраняли британский язык до окончания завоевания. Вероятно, на нем говорили далеко на севере, вплоть до Клайда. Однако раньше, чем любой из них был...

3. Пикты. Камбрийские и корнуоллские британцы были просто членами одного подразделения с валлийцами, так сказать, валлийцами, когда территория Уэльса простиралась к югу от Бристольского канала и к северу от Мерси. Пикты, вероятно, принадлежали к другой категории. Возможно, они действительно были гэлами. Они образовали отдельное существенное подразделение кельтов. Возможно, они были вовсе не кельтами, а германцами или скандинавами.

Но ни кельтские, ни тевтонские популяции в разное время не селились в Англии; популяции, которые (подобно нескольким ветвям кельтского племени) либо утратили свои отличительные характеристики, либо смешались по крови, но которые (в отличие от подобных кельтов) не были коренными жителями ни одного из островов. С другой стороны, подобно немцам или тевтонцам, они были иностранцами; но, в отличие от немцев или тевтонцев, они не сохранили своего отдельного субстанционального характера. Тем не менее, часть их крови течет как в английских, так и в кельтских жилах; часть их языка смешалась с обоими языками; и некоторые из их обычаев[13] либо испортили, либо улучшили наш национальный характер. Таким образом —

1. Битва при Гастингсе наполнила Англию норманнами, французами по языку, французами и скандинавами по крови, но (в конечном итоге) англичанами в большинстве своих брачных союзов. И до прихода норманнов...

2. Датчане — и до датчан —

3. Римляне. Таков общий вид основных народов Англии, прошлого и настоящего, из которых, однако, кельты и англичане являются главными.

Англо-шотландцы, норманны, датчане и римляне были завезены на остров в определенный исторический период — некоторые раньше других, но все в течение последних 2000 лет, так что у нас есть достаточное количество информации об их истории; возможно, не так много, как принято считать, но все же достаточное количество. Мы знаем с точностью до нескольких градусов широты и долготы, откуда они пришли; и мы знаем их этнологические отношения к жителям окружающих их местностей.

С кельтами дело обстоит иначе. О гаэле или мэнксмене, бритте или пикте мы почти ничего не знаем об их ранней истории. Мы можем догадаться, откуда они пришли, и можем сделать вывод об их этнологическом родстве; но истории в строгом смысле этого термина у нас нет; ибо кельтский[14] период отличается от всех остальных тем, что он доисторический. Это всего лишь другой способ сказать, что кельтские популяции, и только они, являются аборигенами острова; или, если не аборигенами, то самыми ранними из известных. Тем не менее, возможно, что те же самые кельты, чьи многочисленные племена, кланы и нации населяли как Британские, так и Хибернианские острова на протяжении многих поколений до открытия искусства письма или существования исторических записей, могут быть так же хорошо поняты, как и их захватчики; поскольку этнология делает вывод, что история умалчивает, а история, даже когда она произносится, может быть нечеткой. Во всяком случае, предыдущее упоминание об этнологии Британских островов в течение исторического периода приоткрывает нам немного света для мрачного блуждания в области их ранней древности.

Ничто, как только что было указано, в самых ранних исторических записях Британии не проливает никакого света на первоначальную оккупацию Британских островов человеком; более того, ничто не говорит нам о том, что Британия, когда она была оккупирована таким образом, вообще была островом. Возможно, Дуврский пролив существовал еще тогда, когда нога первого человека ступила на то, что сейчас является землей Кента, или вместо него существовал перешеек. Было ли тогда население Европы распространено в Англии по суше или по воде, далеко за пределами свидетельств какого—либо исторического памятника - далеко за пределами[15] свидетельств традиции. В настоящее время ничто не указывает на природу первичной миграции наших самых ранних предков. Также ни одно историческое свидетельство не сообщает нам, какие люди первыми обосновались в долинах Темзы и Трента или расчистили леса вдоль их водоразделов. Возможно, они были настолько же грубее, чем самое грубое из племен, виденных Паулином и Агриколой, насколько эти племена были грубее нас. С другой стороны, они могли наслаждаться более высокой цивилизацией, цивилизацией, которую Цезарь видел только на поздних стадиях ее развития; цивилизацией, которую, возможно, ослабили галльские войны и другие злые влияния.

Для рассмотрения подобных вопросов не имеет большого значения, начнем ли мы с информации, которую честолубие цезаря дало возможность добыть римлянам, или с рассказов финикийских торговцев, которые нашли отражение в трудах греков; Полибия (например), Аристотеля или Геродота. Несколько столетий, более или менее, не имеют большого значения. Социальные условия в обоих случаях одинаковы. В Корнуолле было олово, а в Кенте - железные мечи; другими словами, существовала цивилизация людей, знавших толк в металлах, как на стороне солдат, последовавших за Кассибелауном в битву против Цезаря, так и среди

рудопромышленников и торговцев на краю Земли. В обоих случаях,[16] также имели место иностранные сношения; с Галлией, где была настойка римской, и с Испанией, где была настойка финикийской цивилизации. Это не период младенчества ни нашего вида, ни какого-либо другого из его подразделений. Для этого мы должны вернуться назад, и еще дальше, от области свидетельств к области выводов, допуская доисторический период с его собственными надлежащими и своеобразными методами исследования — методами, которые этнолог разделяет скорее с геологом и натуралистом, чем с историком гражданского общества. Что касается их результатов, они могут быть бесплодными или плодородными; но независимо от того, бесплодны они или плодородны, их практика и применение являются здоровым интеллектуальным упражнением.

Не следует думать, что использование металлов и контакт с Континентом, на которые только что было обращено внимание, опровергают утверждение о недостаточности наших самых ранних исторических свидетельств. Не следует думать, что они говорят нам больше, чем есть на самом деле. Только на первый взгляд знание определенных металлургических процессов, а также торговля и могущество, которые развивает это знание, являются предположениями в пользу определенной степени древности заселения нашего острова его жителями; и только забыв обостровном характере Великобритании, мы можем позволить себе предположить, что, [17] хотя наши ранние искусства ничего не говорят нам о нашем первом знакомстве, они, во всяком случае, доказывают, что это было *не недавнее событие*. "Время, - справедливо можем сказать мы, - должно быть предоставлено для того, чтобы такие привычки, которые вытекают из использования металлов, развились сами по себе, и, следовательно, поколения, столетия и, возможно, даже тысячелетия должны были пройти между высадкой первого корабля первых бриттов и началом торговли с касситеридами". Как правило, такое рассуждение справедливо; однако самые ранние известные явления британской цивилизации совместимы со сравнительно современным появлением ее населения. Ибо Великобритания, возможно, была заселена подобно Исландии или Мадейре, *то есть* не через одно-два поколения после заселения ближайших частей противоположного континента, а много веков спустя; в этом случае и население, и ее цивилизация могут быть лишь вчерашним днем. В двенадцатом веке в Исландии существовали алфавит и искусство письма. Если бы они выросли на самом острове, можно было бы сделать вывод, что его население существовало в глубокой древности; поскольку для их эволюции необходимо было время — точно так же, как необходимо время для роста желудей на дубе. Но искусство может быть новее населения, или население и искусство могут быть одинаково свежими. Следовательно, поскольку цивилизация древнейших бриттов может быть новее, чем племя, к которому она принадлежала,[18] свидетельства древних авторов о ее существовании далеко не убедительны в пользу позднего происхождения самого племени. Лучше всего признать абсолютно доисторический период, и это без оговорок; и, как следствие, допустить, что он мог отличаться как по характеру, так и по степени от исторического.

Есть еще один факт, на который следует обратить внимание. Языки Великобритании можно разделить на два подразделения, оба из которых во многих существенных моментах совпадают с определенными языками или диалектами Континентальной Европы. Британский язык был тесно, а гэльский - более отдаленно связан с древним языком галлов. Из этого сходства мы получаем аргумент *против* какой-либо крайней древности бриттов Британских островов. Дата их отделения от племен Континента была не настолько отдаленной, чтобы стереть все следы первоначального родного языка. Обычных процессов, посредством которых меняются языки,

оказалось недостаточно, чтобы даже из ирландского гэльского (самого непохожего из двух) были изъяты все слова и интонации, которые прародители нынешнего ирландского языка привезли из Галлии, и заменены другими. Так что, на первый взгляд, у нас есть предел в этом направлении; и все же, пока мы не уладили определенные предварительные условия, предел нереален. Все, что это дает нам, - это сравнительно недавнее появление *кельтской* породы. Разновидности человеческого вида, *отличные от кельтских*, возможно,[19] существовали в неопределенно ранний период и впоследствии были вытеснены кельтами. Таким образом, филология сообщает нам немногим больше, чем история; и, возможно, не лишним будет добавить, что заселение Великобритании племенем рассматриваемого вида, более ранним, чем кельтский, и отличным от него, является не воображаемым случаем автора, а доктриной, которая приняла определенную форму признанной гипотезы и характеризует одну из лучших этнологических школ Континента — скандинавскую.

К амбициозной попытке реконструкции самого раннего состояния человеческого рода в Британии мы можем подготовиться с помощью двойной серии процессов. Взяв общество таким, какое оно существует в настоящий момент, мы отбрасываем те элементы цивилизации, которые привели его к нынешнему состоянию, начиная с самых последних. Затем мы поднимем вопрос поменьше и рассмотрим, какие искусства и какие формы знания — какие общественные условия — существовавшие среди более ранних популяций были утрачены или вытеснены нами. В результате получается приближение к положению вещей в период зарождения нашего вида. Мы вычитаем (например) из суммы наших нынешних средств и приспособлений такие элементы, как знание силы пара, искусство книгопечатания и пороха; все, что мы можем сделать в полном свете истории. Лишенное всего этого,[20] общество принимает более грубую форму. Но это все еще недостаточно грубо, чтобы быть примитивным. В настоящее время на поверхности земли есть участки, где металлы неизвестны. Вероятно, было время, когда о них нигде не знали. Следовательно, влияние такого знания, как это, должно быть вычтено. А затем появляются ткачество и гончарное дело, более грубые формы домашней архитектуры, а также строительство лодок, обжиг извести, крашение, дубление и ферментация спиртных напитков. Когда и где подобные искусства были востребованы сообществами? Ни один человек не может ответить на этот вопрос, и все же наши методы исследования требуют, чтобы этот вопрос был поставлен.

Должны быть предложены и другие вопросы, на которые невозможно ответить, поскольку они служат для демонстрации цепочек рассуждений, которые зависят от них. Была ли Британия (вопрос уже обозначен) отрезана от Галлии Дуврским проливом, когда она была впервые заселена? Если бы это было так, цивилизация, необходимая для постройки лодки, должна была быть одним из атрибутов первых аборигенов; так что, какие бы еще достижения цивилизации ни были развиты на британской земле, искусство выдалбливать дерево и пускать его по волнам было иностранным.

Теперь можно с уверенностью сказать, что авторы, которые охотнее всего приписывают глубокую древность первому заселению Британских островов человеком,[21] никогда не возносили свою эпоху так высоко, как время, когда Британию и Галлию соединил перешеек. Напротив, все они утверждают, что острова были такими же изолированными, как и в настоящее время, и приписывают первым поселенцам постройку и управление каким-то хрупким суденышком - грубым, конечно, но все же пригодным для плавания механизмом - по образцу галльских или германских лодок; и это разумный взгляд на предмет.

В книге Дэниела Уилсона "Доисторические анналы Шотландии" у нас есть лучшие *данные* по следующей части вопроса, а именно о степени геологических изменений, произошедших с момента первого заселения наших островов. В долине реки Форт,[1] изменения в соотношении суши и моря на высоте двадцати пяти футов произошли с тех пор, как в Шотландии было известно искусство изготовления гарпунов из оленьих рогов. Таков, по крайней мере, вывод из находки на землях Карс около Блэр Драммонд Мосс скелета кита с гарпуном рядом с ним, на высоте двадцати пяти футов над нынешним уровнем прилива Форт. Этот факт говорит все, что можно сказать о каком-либо отдельном факте; его оценка полностью находится в руках геологов.

Затем, кость ирландского лося, согласно одной точке зрения (но *не* согласно другой), дает нам второй факт. Ребро с овальным отверстием там, где[22] овальных отверстий быть не должно, и с нерегулярным наростом мозоли вокруг него найдено под одиннадцатифутовым слоем торфа. Доктор Харт приписывает это заостренному инструменту, которым владела человеческая рука, который, не проникая достаточно глубоко, чтобы вызвать смерть, нарушил целостность кости и вызвал воспаление. Но профессор Оуэн считает, что оружие рассматриваемого вида, если оставить его на усмотрение *викс медикатрикс* Природы, было бы смертельным, и, следовательно, он предпочитает представление о том, что рана была нанесена оружием, которое было быстро извлечено, *например*, рогом какого-нибудь воинственного соперника такого же вида, а не человека. Теперь, если трудно сказать, что убьет человека в 52-м году, а что нет, то гораздо сложнее говорить хирургически об ирландских лосях плейстоценового периода. Следовательно, свидетельства того, что человек был современником *Megaceros Hibernicus*, неудовлетворительны.

Таким образом, то, что определенное изменение уровня между сушей и морем в определенной части Шотландии произошло с тех пор, как шотландцы впервые охотились на китов, является главным фактом относительно даты нашего знакомства, который мы получаем из геологии. Из археологии мы узнаем кое-что большее. Те могильные памятники, которые имеют наиболее четкие и удовлетворительные признаки древности, содержат многочисленные орудия труда из камня и[23] кости, *но ни одного металлического*. Когда находят металл, сопутствующие признаки гробницы, в которой он находится, указывают на более поздний период. Если это так, то для археолога-этнолога будет справедливым заключить, что, хотя первые колонисты достигли Британии достаточно поздно, чтобы воспользоваться лодками, их миграция произошла раньше, чем распространение металлургического искусства. И это побудило лучших исследователей обозначить самый ранний этап британской этнологии термином "Каменный период" - техническим и удобным термином.

По общему мнению, в этот период практика ингумации, или простого захоронения, была более распространенной, чем кремация или сожжение, хотя были приняты все методы. Над останками, удаленными прежним способом, были возведены земляные насыпи (*курганы* или *курганы*), груды камней (*пирамиды из камней*) или кромлехи. Есть серьезные подозрения, что практика *Сутти* была признана. Вокруг более или менее целого скелета часто на равном расстоянии находят пепел сожженных тел; точно так же, как если бы вождь был предан земле во плоти, а его подчиненные преданы огню. Такая позиция часто вызывает многочисленные замечания по другую сторону Атлантики. Доктор Мортон заметил, что по всей Америке одной из наиболее распространенных форм захоронения было размещение трупа в полустоячем положении или сидячей позе,[24] с согнутыми коленями и окороками, а руки сложены на ногах.

В настоящее время это обычная поза в Британии — явное доказательство того, насколько подобные практики независимы от имитации. Если при трупе и были найдены какие-либо украшения, то в основном из каннелевого угля. Все орудия труда сделаны из камня или кости — кельт, стрела, наконечник копья, тесло и молоток.

Каково было физическое состояние страны в то время? Настоящее, *за вычетом* вырубок — лес и болото, болото и лес, чередующиеся бесконечно; дубовые леса на глинистых почвах; буковые на меловых; березовые, сосновые и еловые в северных частях острова. Лодки представляли собой, по сути, *моноксилы*, *то есть* одиночные деревья, выдолбленные иногда каменными теслами, чаще всего огнем. Основной одеждой были шкуры зверей.

Так говорит нам археология. Остальные вопросы принадлежат натуралистам. Что представляла собой древняя фауна? Уже задавался вопрос, были ли древнейшие люди одновременны с последними из вымерших четвероногих, но ответ был сомнительным. Насколько ранние охотничьи и одомашненные животные были такими же, как современные, - это новый вопрос. Овцу с полным основанием можно рассматривать как недавнюю интродукцию; но что касается всех других домашних животных, то, возможно, есть не менее веские причины для того, чтобы выводить их из местных видов, чем для того, чтобы считать их иностранного происхождения.[25] Свинья нынешней породы действительно может быть континентального происхождения; то же самое могут сделать нынешние кошка, лошадь и осел. Тем не менее, свинья, кошка, лошадь и осел, кости которых найдены в аллювиальных отложениях, возможно, были одомашнены. Девонширская, херефордская и подобные породы быков могут быть новыми; но *bos longifrons*, возможно, произошли от *некоторых* местных пород, которые могли быть одомашнены обитателями даже самого раннего периода - периода каменных и костяных орудий труда. Мнение профессора Оуэна свидетельствует в пользу этой точки зрения; и, конечно, хотя она не может быть подкреплена простым авторитетом, она рекомендуется своей простотой, поскольку позволяет избежать ненужного умножения причин. Коза, безусловно, была местной, но не более определенно одомашненной, чем столь же местный олень. Этот местный вожжовый олень мог быть дрессирован, а мог и не быть. Скучная пища на пляже - моллюски и ракообразные - составляла немалую часть самой ранней пищи человека; то же самое (по крайней мере, в северной части острова) происходило с яйцами, тюленями и китами. Несомненно, в эти примитивные периоды каменного периода наши привычки должны были приближаться к привычкам племен лап, самейдов и эскимосов, какими бы разными они ни были сейчас.

Но со временем появились металлы; сначала бронза, а затем железо; золото и свинец появились, возможно, раньше, чем те и другие, также раньше[26], чем серебро. На золото мы обращаем мало внимания. Это не был полезный металл; он служил только для варварских украшений. Следующий факт имеет большое значение.

В тех гробницах, где орудия труда сделаны исключительно из камня и где соответствуют другие признаки древности, черепа необычайно малы по вместимости. В следующем периоде они становятся крупнее. Также есть несколько заметных отличий в форме. Таково, по крайней мере, существующее мнение; хотя доказательства того, что такое различие не относится к разнице в возрасте или поле, ни в коем случае не являются неопровержимыми. Тем не менее, мы можем принять этот факт таким, каким он предполагается и каким о нем сообщают.

Если мы сделаем это, то будем готовы к другому вопросу. Насколько широкое распространение металлических орудий труда и новых искусств является признаком появления новой породы или разновидности человеческого вида? Насколько велика также разница в вместимости черепов? Насколько совпадает факт двух изменений? Ответ, как правило, был утвердительным. Люди, пользовавшиеся бронзовыми орудиями труда, были кельтами; люди, которые влачили свое существование, не имея ничего лучшего, чем тесла и каменные наконечники стрел, были не кельтами. Они были докельтскими аборигенами, которых кельтская миграция уничтожила и вытеснила. Такова широко распространенная доктрина. Тем не менее, сомнительно, подтверждают ли посылки вывод — насколько[27] это было признано. Я сам в этом сомневаюсь; потому что, допуская (ради аргументации), что существует разница в размере и форме черепов, из этого никоим образом не следует, что разница в происхождении - единственный способ объяснить это. Усовершенствованные орудия труда, взятые сами по себе, просто обозначают либо прогресс в полезных искусствах, либо, что более вероятно, какие-то новые коммерческие отношения. Те же самые улучшенные орудия труда, если рассматривать их как средство достижения цели, означают улучшение питания людей, которые ими пользовались. Кости человека, который охотится на оленей и быков с бронзовым оружием, будут содержать больше мяса и, следовательно, будут более развитыми, чем кости человека, который, за неимением более совершенных орудий, чем кремневые и костяные наконечники для стрел, питается главным образом китовым жиром и моллюсками. Теперь то, что применимо к костям в целом, применимо — хотя, возможно, в меньшей степени — и к черепу. Таким образом, в различии черепов каменного и бронзового периодов я вижу не появление новой разновидности нашего вида, а просто последствия улучшения рациона питания, обусловленного усовершенствованием инструментов для его получения. Таким образом, если предположение о до кельтском происхождении необоснованно, вопрос о дате заселения нашей территории значительно сужается. Его введение (как уже указывалось), должно быть, произошло достаточно поздно, чтобы сохранить первоначальное сходство между[28] кельтскими диалектами Британских островов и кельтскими диалектами Европейского континента. Но поскольку для противоположного эффекта уничтожения первоначального сходства потребовалось бы много тысячелетий, это мало о чем говорит. Все, что можно с уверенностью утверждать, это —

1. Первобытные бритты заселили острова достаточно *рано*, чтобы относительный уровень суши и моря в долине реки Форт изменился до двадцати пяти футов - там или около того.
2. Что они заселили его достаточно *поздно*, чтобы общее происхождение гэльского и британского языков оставалось заметным и в девятнадцатом веке.

Эта последняя позиция основывается на предположении, что ранние жители, о которых идет речь, были того же происхождения, что и нынешние валлийцы и гэлы — противоположная доктрина считается не ошибочной, а необоснованной.

Теперь мы готовы обнаружить, что в некоторых памятниках, менее древних, чем памятники каменного периода, вложенные в них реликвии сделаны из металла, и что этот металл представляет собой сплав меди и олова — *бронзу*, а не *латунь*, которая представляет собой сплав меди и цинка. Такие реликвии не только более сложны в плане изготовления, но и виды их более разнообразны. Их действительно можно отнести к трем классам военных инструментов, промышленных орудий и личных украшений, но[29] разновидностей каждого вида

сравнительно много. Мечи и щиты, которые в каменный период были практически невозможным снаряжением, теперь входят в обиход; так же как и формы для литья, а также браслеты и ожерелья. Короче говоря, появляются признаки более высокой цивилизации и новые средства для покорения Человека или Природы.

Свидетельства о том, что бронзовый период пришел на смену Каменному, в целом удовлетворительны; действительно, их *априорная* вероятность настолько велика, что немного преувеличивает. В то же время не следует предполагать, что в каждом отдельном случае новейшие памятники, в которых мы находим кость и камень, старше самых старых, в которых мы находим бронзу. Нельзя провести столь четкую демаркационную линию; и нельзя обнаружить никаких доказательств абсолютной преемственности, столь убедительных. В целом, однако, было время, когда ранние бритты были в положении жителей островов Южных морей, когда их впервые обнаружили, *т.е.* не знали об использовании металлов. Пока искусство металлургии неизвестно, внимание к физическим условиям страны ограничивается ее флорой, фауной и каменоломнями. Что там можно было выращивать? На что там можно было охотиться или одомашнивать? Из чего там можно было строить? Теперь, однако, вопросы меняются. Каковы были минеральные ресурсы почвы? Нет необходимости[30] подробно останавливаться на них. Использование угля в качестве топлива появилось совсем недавно. С другой стороны, некоторые его разновидности использовались в качестве украшений — каннельский уголь и битуминозный сланец из Дорсетшира (киммериджская глина). Как и джет.

Первым обработанным металлом было *золото*; и его использование восходит к каменному периоду; на самом деле, он может относиться к самому раннему возрасту нашего острова; поскольку мест, где его находили в Великобритании, отнюдь не мало; и в прежние времена каждое из них было богаче, чем в настоящее время. В Англии на Олстон-Муре; в Шотландии в верховьях Клайда; и в Ирландии в Эйвонморе золото для украшения даже охотников за костяными наконечниками копий и лесорубов - каменными топорами могло быть добыто; и простое искусство обработки этого металла, хотя оно, возможно, и было галльского происхождения, с таким же успехом могло быть местным. Основные золотые украшения, торки, нарукавники и фибулы были найдены в сочетании с бронзовыми изделиями, но не исключительно.

Для тех археологов и этнологов, которые считают, что появление бронзовых орудий совпало с появлением новой разновидности человечества, вопрос о том, было ли искусство легирования и литья металлов местного или иностранного происхождения, является словесным; поскольку оно было родным или иностранным именно в том смысле, в каком мы определяем этот термин — родным для[31] племени, которое ввело его на британскую землю, чуждым самой земле. Но как только мы отказываемся от представления о том, что древнейшие бритты были отдельным и своеобразным племенем, и склоняемся к убеждению, что они были просто кельтами в более грубом состоянии, проблема предстает в иной и более важной форме. Было ли искусство изготовления сплава олова и меди саморазвившимся, или это было искусство, привнесенное иностранной торговлей? Было ли искусство литья таких сплавов британским? Хорошо бы разделить эти два вопроса. Предварительные факты, касающиеся истории металлургии бронзы, следующие:—

1. Своеобразное географическое распределение олова, который из всех металлов, имеющих сколько—нибудь широкое практическое применение, встречается в наименьшем количестве

местностей, причем эти места расположены далеко друг от друга, *например*, Британия и Малакка-

2. Обширная территория, по которой найдены бронзовые орудия труда. За исключением Норвегии и Швеции, где использование железа, по—видимому, сразу же последовало за использованием камня и кости, они были найдены по всей Европе -

3. Узкие ограничения на пропорции сплава — девять десятых меди и одна десятая олова - там или около того - в большинстве случаев.

4. Значительная степень единообразия формы даже тех орудий труда, в которых допустимо значительное разнообразие форм. Таким образом, бронзовый меч — острое, на которое мы обратим внимание позже, —[32] почти всегда длинный, листовидной формы, заостренный и без рукояти.

Последние три из этих фактов наводят на мысль, что бронзовая металлургия зародилась у одного населения; первое, что это население было британским. Однако ни один из этих выводов не является безупречным.

Представление о том, что сами бронзовые орудия были изготовлены в какой-то одной стране и оттуда распространились по другим местам, имеет мало сторонников; поскольку в большинстве стран, где они были найдены, были найдены также формы для их изготовления. Следовательно, доктрина о том, что сырье — только смешанный металл — было получено из какого-то одного источника, является более важной. Однако химические исследования изменили даже это.[2] Рассматриваемые пропорции являются наилучшими, и их легко обнаружить. Экспериментально было показано, что семь частей меди на одну часть олова слишком хрупкие, а пятнадцать частей меди на одну часть олова слишком мягкие для использования. В этих пропорциях находятся основные образцы древних бронзовых орудий. Точное соотношение десяти меди к одному олову, как показал мистер Уилсон, является преувеличением. Таким образом, все, что мы имеем право заключить, - это то, что Британия была главным источником олова.

[33]

Это важный факт в анналах нашей ранней торговли, но не обязательно имеющий большое значение в естественной истории наших изобретений; поскольку из этого никоим образом не следует, что, поскольку Корнуолл поставлял олово таким предприимчивым торговцам, которые стремились его купить, он, следовательно, открыл искусство его обработки.

Главная причина полагать, что искусство обработки любого металла, кроме золота, было столь же чуждо Британии, как алфавит Греции, основана на негативном факте, на который обращалось слишком мало внимания. Медь - металл, которого в Англии производится в изобилии. Это также металл, который легче всего поддается обработке из всех, за исключением золота и свинца. Это металл, из которого работают дикие народы, такие как некоторые американские индейцы, когда они не работают ни с каким другим; и, наконец, это металл, из которого в его чистом виде в Англии не найдено никаких остатков. Сначала камень и кость; затем бронза или медь и олово в сочетании; но не только медь. Я не могу преодолеть этот перерыв — не могу представить, чтобы металлургическая промышленность *начиналась с использования сплавов*. Такое явление представляет собой растение без семени и, как таковое, указывает скорее на пересадку, чем на рост.

Этот взгляд помогает нам в нашей хронологии. Если искусство обработки бронзы является естественным и независимым развитием, его древность может быть любой — начиная с 3000 г. до н.э. так же легко, как и до[34] 2000 г. до н.э., и до 2000 г. до н.э. так же легко, как и до 1000 г. до н.э. Это может быть любой возраст, при условии только, что он позже каменного периода. Но если это экзотическое искусство, то оно должно было появиться после расцвета финикийской торговли. Я полагаю, что так оно и было. Вполне вероятно, что бритты были способными учениками и вскоре освоили это искусство самостоятельно. Существование бронзовых и каменных форм для тесел у кельтов доказывает это.

Эффект от внедрения металлических орудий труда был бы двояким. Это повлияло бы на социальное положение жителей Британских островов и на физическое состояние почвы. Возможности добывания камней и костей для военных целей были бы примерно одинаково распределены по островам, так что средства нападения и защиты повсюду были бы примерно одинаковыми; но использование бронзы дало бы огромный перевес в силе определенным округам, Корнуоллу, Уэльсу и странам, где добывают медь. Обширные леса, на которые каменные топоры также не произвели бы особого эффекта, было бы легче расчищать, и на их обитателей можно было бы охотиться более успешно.

Янтарные украшения встречаются наряду с бронзовыми орудиями труда. Подразумевают ли они иностранную торговлю — торговлю с племенами Курляндии и Пруссии — выдающихся местообитаний янтаря? Не обязательно. Янтарь, в меньших количествах, встречается в Великобритании.[35]

Также встречаются стеклянные бусины. Это, я думаю, действительно подразумевает коммерцию. В любом случае, я не спешу верить, что искусство плавки стекла возникло на местном уровне. Использование его, скорее всего, было сопутствующим торговле оловом.

Несомненные образцы ткачества и несомненные образцы керамики встречаются в бронзовый период. Свинец также содержится в некоторых бронзовых сплавах; само слово, по-видимому, кельтского происхождения. Неясно, нельзя ли отнести его к каменному периоду. Однако вполне вероятно, что, хотя орудия труда были из камня и кости, одежда была из кожи.

О жилищах первых островитян пока ничего не сказано. Это связано с тем, что их останкам трудно установить дату. Они могут принадлежать к бронзовому или каменному периоду. Они могут быть более поздними, чем любой из них. Во всяком случае, однако, существуют реликвии древней домашней архитектуры. Заглубленный в землю фундамент с каменными стенами рыхлой кладки, покрытый, скорее всего, тростником и ветками, наводит на мысль о подземном зернохранилище, за которое ошибочно принимали старые дома первых бриттов; но, тем не менее, оно принадлежало жилому дому. На полу этого помещения мы находим обугленные кости и огромные кучи раковин устриц и мидий. Каменные ручные мельницы также указывают на использование кукурузы; хотя, судя по характеру древней[36] флоры, растительные формы пищи, должно быть, встречались реже, чем животные.

Железо было известно во времена Цезаря. Насколько раньше - сомнительно. Серебро тоже. И то, и другое было более поздним, чем золото и бронза, и говорить о чем-то большем, чем это, небезопасно. Что касается больших монолитных зданий, то разумно предположить, что они относятся к более позднему, чем Каменный, и более раннему, чем Исторический, периоду.

Друидизм, однако, в своих зародышах может иметь любую древность; однако нет, если мы предположим, что первое появление бронзы совпало с первым появлением кельтов.

На смену бронзовому периоду приходит железный; но он не будет предметом нашего непосредственного рассмотрения, поскольку он довольно близко совпадает с исторической эпохой. Последовательность, однако, требует дальнейшего уведомления. То, что в истории человечества был период, когда использование металлов и искусство металлургии были совершенно неизвестны, и что в течение такого периода несовершенные орудия из кости и камня удовлетворяли потребности недоедающего и незащищенного поколения, является не столько частным фактом британской этнологии, сколько общей доктриной, основанной на наших *априорных* взглядах и применимой к истории человека в целом. Ибо если каждое из полезных искусств имеет свое собственное происхождение, относится к какому-то определенному месту, времени и сообществу, то должна была быть эпоха, когда человечеству этого не хватало. Следовательно, [37] дометаллический век - это в такой же степени концепция спекулянта, как и открытие исследователя.

The *Порядок*, в котором обнаруживаются металлы, ведущая проблема в том, что можно назвать естественной историей металлургии, гораздо больше зависит от индукции. Индукция, однако, отдала приоритет меди, как и ожидалось, исходя из сравнительной восстанавливаемости ее руд — о свинце и золоте не могло быть и речи. Таким образом, похвальные исследования британских археологов установили не столько общий факт последовательности каменного, Медного и железного периодов, сколько природу сопутствующих деталей, модификации самих периодов и точный характер их последовательности. Под каждой из этих глав скрывается многое, на что стоит обратить внимание. Широко утверждалась разница между формой и размером черепов каменного и бронзового периодов - возможно, она была преувеличена, во всяком случае, она легла в основу гипотезы. Замена бронзового периода на медный в Британии является важной модификацией, в основном связанной с существованием олова. Интересна сравнительная полнота последовательности. Из этого ни в коем случае не следует, что она должна быть регулярной. В Норвегии вообще нет бронзового периода, но в первую очередь это кость и камень, а сразу после них Железо.

СНОСКИ:

[1] Смотрите "Доисторические анналы Шотландии" Уилсона.

[2] Это хорошо проработано мистером Уилсоном в его "Доисторических анналах Шотландии". - Стр. 238 и с.

[38]

ГЛАВА II.

АВТОРИТЕТНЫЕ ИСТОЧНИКИ ДЛЯ САМОГО РАННЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПЕРИОДА.—
ГЕРОДОТ.—АРИСТОТЕЛЬ.—ПОЛИБИЙ.—ОНОМАКРИТ.—ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ.—
СТРАБОН.—ФЕСТ АВИЕН.—ОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ.—ДАМНОНИЙ.—ФИНИКИЙСКАЯ

ТОРГОВЛЯ.—ОРГИИ.—ЮГО-ВОСТОЧНЫЕ БРИТТЫ ЦЕЗАРЯ.—ПОДРОБНОСТИ ЕГО
НАПАДЕНИЙ.—КАЛЕДОНЦЫ ГАЛГАКА.

The *Сохранившихся* авторов, предшествовавших Юлию Цезарю, в чьих произведениях можно найти упоминания о Британских островах, насчитывается не более четырех. Все они, конечно, греки.

Геродот - самый ранний. Он пишет: "О концах Европы на западе я не могу говорить с уверенностью ... не знаком я и с островами Касситериды, с которых к нам привозят олово.^[3]—iii. 115.

Аристотель - второй. "За Геркулесовыми столбами, — говорит он нам, - океан омывает землю; в этом океане, однако, есть два острова, и те очень большие, которые называются Британник, Альбион и Иерн, которые больше упомянутых выше и лежат за Кельтами; и два других, не менее этих, Тапробане, за Индиями, лежащие наискось по отношению к материку, и тот, что называется Фебол, расположен напротив^[39] Арабского залива; более того, немало маленьких островов вокруг Британских островов и за их пределами. Иберия, окружи, как диадемой, эту землю, которую мы уже называли островом". - *De Mundo*, § 3.

Следующим идет Полибий. "Возможно, в самом деле, некоторые зададутся вопросом, почему, сделав столь длинное рассуждение о местах в Ливии и Иберии, мы не рассказали более подробно ни о выходе из Геркулесовых столбов, ни о внутреннем море и о тех особенностях, которые там встречаются, ни, тем не менее, о Британских островах и разработке олова; ни, опять же, о золотых и серебряных рудниках Иберии, о которых писатели, противореча друг другу, рассуждали очень широко". —iii. 57.

Наконец, приводятся полдюжины строк сомнительной древности, которые редакторы "*Монумента Британники*" исключили из своей серии выдержек на том основании, что они взяты у несуществующего или невозможного автора — барда не меньшей значимости, чем Орфей. Корабль "Арго" должен заговорить, и сказать...

"Ибо теперь печальная и болезненная беда постигнет меня, если я подойду слишком близко к *Иернийским островам*. Ибо, если, обогнув священный мыс, я не поплыву по заливам суши и бесплодному морю, я выйду в Атлантический океан".

Несколькими строками ниже приводится важное предложение. Говорят о Британских островах—

- "где (находятся) обширные дома Деметры".

[40]Это будет замечено в дальнейшем.

Причина исключения этих строк не заключается в том, что они являются подделками. При условии, что они были написаны до правления Цезаря, авторство не имеет большого значения. Если, как это принято, мы приписываем их Ономакриту, современнику Мардония и Мильтиада, то они старше упоминания Геродота.

Нельзя отрицать, что эти *данные* о временах, предшествовавших Цезарю, скудны. Небольшое рассмотрение покажет, что они могут быть дополнены. Со времен Юлия Цезаря и Клавдия — период почти в сто лет — в Рим не поступало никакой новой информации о Британии, кроме той, что была предоставлена самим Цезарем; поскольку ни Август, ни Тиберий не следили за агрессивными действиями Великого диктатора. Следовательно, заметки в "*Bellum Gallicum*" исчерпывают тему настолько, насколько это было проиллюстрировано любыми римскими наблюдателями. Теперь, если мы найдем у какого-либо писателя времен Августа или Тиберия упоминания о нашем острове, которые не могут быть прослежены до Цезаря, их следует отнести к другим, более ранним источникам; и они могут быть добавлены к списку *греческих* авторитетов.

Если мы ограничиваем их слишком сильно, мы ограничиваем самих себя без необходимости. Исследование началось еще во времена Геродота; и с течением времени возможностей становилось все больше. Прибалтику, по—видимому, посещали, когда писал Аристотель; и между[41] его эпохой и эпохой Полибия интеллектуальная деятельность александрийских греков начала воздействовать на многие отрасли науки - ни на одну так остро, как на физическую географию.

С самого начала Исторического периода информация из первых рук — ибо почти излишне отмечать, что ни один из греческих авторов не говорит на основе личных наблюдений — поступает из двух источников: от жителей западной и южной Галлии и от финикийцев. Об этом свидетельствует текст Геродота. В процитированном отрывке он говорит о *касситеридах*; а *касситериды* - это термин, который мог бы использовать только финикиец. Ни один галл не понял бы значения этого слова. Это было азиатское название либо самого олова, либо какого-то сплава, подобного олову; и отрывок, в котором оно встречается, следует за упоминанием о *Африке*.

Однако в двух других отрывках к рассмотрению населения и географии Западной Европы подходят с другой стороны. Течение Дуная находится под пристальным вниманием, и вот что говорится:—

"Река Истер, начинающаяся у Кельтов и города Пирена, течет так, что разрезает Европу пополам. Но кельты находятся за Геркулесовыми столбами; и они присоединяются к *кинезиям*, которые являются самыми удаленными обитателями Европы от заходящего солнца". —ii. 33.[42]

"Истер протекает через всю Европу, начиная с кельтов, которые, после *кинетов*, живут дальше всех на западе Европы". —iv. 49.

The *Кинеты* обоснованно отождествляются с *венетами* из Цезаря, чье родное название - *Гвинед*, и местонахождение которых в Западной Бретани точно совпадает с упоминанием Геродота. Если это так, то название галльское и (как таковое), по всей вероятности, передано Геродоту от галльских информаторов. Таким образом, существовало два пути получения самой ранней информации о Британии — сухопутный (так сказать), по которому сведения были галльского происхождения; и средиземноморский, по которому факты поступали от торговцев из Тира, Карфагена или Гадеса. Прямая информация также, возможно, была получена от марсельских греков, хотя доказательств этому недостаточно.

Два выдающихся писателя, к текстам которых предыдущие замечания были предварительными, - это Диодор Сицилийский и Страбон, оба они жили во времена правления Августа, слишком

рано для получения какой-либо информации сверх той, которую можно было найти на страницах "Цезаря". Однако, поскольку в каждом из них содержится многое из того, о чем Цезарь никогда не рассказывал и, возможно, никогда не знал, непосредственными авторитетами следует считать александрийских географов, одного из которых, Эратосфена, цитирует сам Цезарь; более отдаленными являются[43] Финикийские и галльские торговцы. Полностью финикийское происхождение утверждения этих двух авторов хорошо видно из следующих выдержек, которые мы должны считать столь же мало описывающими Британию Цезаря и римлян, как и Британию 51 года до н.э. Британия Цезаря - это Кент, в последние полвека до христианской эры. Британия Диодора - это Корнуолл, примерно на 300 лет раньше. "Те, кто живет близ мыса Британии, который называется Белериум, необычайно любят чужеземцев и, судя по их общению с иностранными купцами, цивилизованны в своих привычках. Эти люди добывают олово, искусно обрабатывая почву, из которой оно получается; она скалистая, с земляными впадинами, в которых, обрабатывая руду и затем сплавляя, они превращают ее в металл; и придав ей кубическую форму, они перевозят ее на определенные острова, лежащие у берегов Британии, называемые Иктис; ибо во время отлива, когда промежуточное пространство остается сухим, они перевозят туда олово в большом изобилии на телегах. Необычное обстоятельство происходит в отношении соседних островов, лежащих между Европой и Британией; ибо при высоких приливах промежуточный пролив затопляется, и они кажутся островами; но при низких приливах, когда море отступает и оставляет много места сухим, они кажутся полуостровами. Отсюда торговцы покупают олово у местных жителей и перевозят его через границу в Галлию;[44] и, наконец, путешествуя по суше через Галлию около тридцати дней, они перевозят свою ношу на лошадях к устью реки Роны". — ст. 21, 22.

Как и у Страбона. — "Касситерид насчитывается десять, и они лежат недалеко друг от друга в океане, к северу от гавани Артабри. Один из них - пустыня, но остальные населены людьми в черных плащах, одетыми в туники, доходящие до пят и подпоясанные на груди. Ходящие с посохами и бородатые, как козлы; они питаются своим скотом, ведя по большей части бродячий образ жизни. А имея такие металлы, как олово и свинец, а также шкуры, они обменивают их с купцами на глиняную посуду, соль и медные сосуды. Раньше финикийцы одни вели эту торговлю из Гадейры, скрывая проход от всех; и когда римляне последовали за неким судоводителем, чтобы они также могли найти рынок, судоводитель из ревности намеренно загнал свое судно на мель и навлек на тех, кто следовал за ним, такое же разрушительное бедствие, сам он спасся с помощью обломков корабля и получил от государства стоимость потерянного груза. Но римляне, тем не менее, предпринимая частые усилия, обнаружили проход; и как только Публий Красс, подойдя к ним, увидел, что металлы были добыты на небольшой глубине, и что люди, пребывающие в мире, уже начали, вследствие[45] своего досуга, заниматься морем, он указал этот проход тем, кто был готов попытаться это сделать, хотя он был длиннее, чем в Британии". — Lib. iii. p. 239.

Плиний в значительной степени находится в том же затруднительном положении, что и Страбон и Диодор. Некоторые утверждения, которые не являются общими для него и Цезаря, несомненно, относятся к информации, которую предоставило завоевание Британии при Клавдии. Тем не менее, большая часть из них является древним материалом — греческого происхождения, и, как таковые, относятся скорее к Западной, чем к Восточной Британии, и к эпохе карфагенян, а не римлян. Отчет Солина носит такой характер; его *Британия* - это почти исключительно Западная Британия и Ирландия.

Поэма Феста Авиена, написанная не ранее конца четвертого века, завершает список авторов, которые представляют предшественников Цезаря при описании Британии. Каким бы недавним оно ни было, оно важно, поскольку некоторые детали взяты из путешествия Химилько, карфагенянина. Он снабжает нас комментарием к слову *Деметрав* так называемой орфической поэме - комментарием, который вскоре будет представлен.

Тогда точек соприкосновения между Британскими островами и Европейским континентом было всего две. Они находились далеко друг от друга, и посещавшие их народы были разными. Оба, действительно, [46] находились на юге; но один был строго на восток, другой - на запад. Первая, или Кентская Британия, была описана позднее, Цезарем, коммерчески и политически связана с Галлией и известна в значительной степени по галльским рассказам. Вторая, или Корнуоллская Британия, находилась в политических и торговых отношениях с финикийскими частями Испании и Африки или с самой Финикией; была известна современникам Геродота и более чем в одном упоминании ассоциировалась с Ирландией. Оба были британцами. Но кто ответит за единообразие манер во всем? Лучше остерегаться влияния общих терминов и ограничивать, а не расширять некоторые описания ранних авторов. Практика может называться британской, и все же быть чуждой девяти десятым Британских островов. Боевые колесницы были в Кенте и Абердиншире, и до сих пор боевые колесницы были частью британского арсенала; но какой авторитет позволяет нам приписывать древним корнуолльцам и девонцам? Лучше придерживаться подробностей, где это возможно.

Поскольку древнее название популяций Корнуолла и Девоншира было *Damnonii*, *Damnonii* будут рассмотрены отдельно. Пройдет достаточно времени, чтобы назвать их британцами, когда возникнет необходимость в более общем термине. Две трети упоминаний о них уже были даны в выдержках из Страбона и Диодора, в которых [47] для контраста следует обратить внимание на длинные бороды и черную одежду. Британцам восточного побережья такое описание не подошло бы.

Так называемая *орфическая* поэма помещает *обширные дома богини Деметры* в Британии. Сам по себе этот отрывок загадочен. Но было сказано, что отрывок из Авиена поможет объяснить это —

— "Hic chorus ingens

Faminei cœtus pulchri colit orgia Bacchi.

Producit noctem ludus sacer; aera pulsan

Vocibus, et crebris late sola calcibus urgent.

Non sic Absynthi prope flumina Thracis alumnæ

Bistonides, non qua celeri ruit agmine Ganges,

Indorum populi stata curant festa Lyæo."

Среди священных обрядов бриттов были сводящие с ума оргии - оргии, которые, напоминая одному автору вакхические танцы, другому - поклонение Деметре. То, что они принадлежали западным бриттам, следует из факта их упоминания греческими авторами, *то есть* теми, кто больше всего черпал из финикийских авторитетов. Авиен, как мы видели, рассматривает Вакхов как параллель. То же самое делает Павсаний —

"Nec spatii distant Nesidum litora longe;
In quibus uxores Amnitum Bacchica sacra
Concelebrant, hederæ foliis tectæque corymbis."

То же самое делает Дионисий Периегет; действительно, кажется, что все три рассказа относятся к одному источнику. Но[48] не так Страбон. Этот писатель, или, скорее, его авторитет Артемидор, находит параллель в Церере. "Артемидор утверждает в отношении Цереры и Прозерпины, что более достойно уважения. Ибо он говорит, что недалеко от Британии есть остров, где совершаются священные обряды, подобные тем, которые совершаются на Самофракии в честь этих богинь".

Параллель Страбона — или, скорее, Артемидора — совпадает с параллелью орфической поэмы и, вероятно, отсылает к тому же источнику. Итак, в дамнонийской Британии, или стране олова, были свои оргии - оргии, которые с такой же легкостью могли быть финикийскими, как и местными, и столь же легко могли быть коренными, как финикийскими: оргии также могли быть полностью независимы от друидизма и представлять другое суеверие.

До н. э.
57.

Между дамнонскими бриттами Лэндс-энда и бриттами Кента, описанными Цезарем, могли быть, а могли и не быть сильные точки контраста. То, что было несколько незначительных отличий, почти несомненно. *Априорные* вероятности, вытекающие из особенностей их производственных занятий и коммерческих отношений, предполагают такую точку зрения; исторические свидетельства скорее подтверждают, чем опровергают ее. Однако фрагменты этой истории - это все, что можно собрать. Мы следили за александрийскими критиками на западе; давайте теперь последуем за личным[49] наблюдателем с востока, Цезарем, который сам *участвовал в значительной части событий*, которые он описывает. Бритты Кента сначала появляются либо как данники, либо как подданные одного из галльских вождей, Дивитиака, короля Суэссонов, или народа Суассона в Шампани; так что они являются членами значительной империи или, по крайней мере, важной политической конфедерации, прежде чем нога единственного римлянина ступит на их остров. Но вассалитет является частичным или номинальным и не ограничивается членами бельгийской ветви галлов; ибо венеты были народом Бретани, чье название до сих пор сохранилось в форме ванн, названия бретонского округа, и которые были настоящими галлами. Тем не менее, в следующем году они обращаются к британцам за помощью, которая им предоставляется в виде кораблей и матросов; венеты являются одними из самых морских представителей галльского населения.

До н. э.
56.

Рассматривая эти два союза, нам, возможно, будет позволено предположить, что частями, наиболее контролируемыми Дивитиакусом, были ближайшие к нему районы, Кент и Хертс; тогда как именно южное побережье находилось в столь тесных отношениях с венетами. Именно это я имел в виду, когда сказал, что суверенитет Дивитиака мог быть частичным.

До н. э.
55.

Цезарь готовится наказать островитян за их помощь его континентальным врагам;^[50] отчасти соблазненный сообщением о ценности британского жемчуга, фактом, который указывает на коммерцию между двумя народами. Бритты отправляют послов, которых цезарь отправляет обратно, и вместе с ними Коммия *Атребацианца*, человека из окрестностей *Артуа*. *Коммиус Кривой*, как, возможно, его называли от кельтского *Сам*, и тезка доблестного валлийца Дэвида *Гэма*, который так доблестно сражался более 1300 лет спустя при Азенкуре. Он был королем, созданным самим цезарем, и раньше имел дело с бриттами, у которых он также пользовался значительным авторитетом. От него Цезарь, по-видимому, получил основную предварительную информацию. Но он обращался и к торговцам; однако он сообщил нам, что хорошо известно было только побережье Британии. При приземлении ему оказывают сопротивление, лишают припасов и неожиданно нападают после того, как ему это удастся. Так что он находит причину уважать как доблесть, так и благоразумие своих противников; и в конце концов покидает страну и отправляется в Галлию, потребовав заложников от различных государств. Отправь их, только двоих.

До н. э.
54.

На следующий год вторжение повторяется. В первом у нас было несколько деталей, но не было названий ни кланов, ни их вождя. Второй более плодотворен в обоих отношениях. Это дает нам представление о кампании Кассибелауна. Самой грозной^[51] частью британского арсенала были боевые колесницы. Их гнали вверх и вниз, впереди и вглубь вражеских рядов колесничие, достаточно умелые, чтобы сохранять устойчивость на неровностях и спусках, подхватывать своего хозяина, когда на него давят, разворачиваться и возвращаться в атаку с опасной ловкостью. Тем временем сам мастер либо метал свои дротики во врага с небольшого расстояния, либо, прыгнув с колесницы — безразлично, с кузова или ярма, — спускался на землю и сражался в одиночку. Под натиском кавалерии они отступили в леса, которые во многих случаях были искусственно укреплены частоколами.

Примерно в восьмидесяти милях от моря Цезарь достиг границ королевства Кассибелаун, ныне возглавляющего всю Британскую конфедерацию; но до тех пор, пока несогласованное население не объединилось чувством общей опасности, он был агрессивным и амбициозным воином, вовлеченным в непрерывные боевые действия с окружающим населением. Его имя, очевидно, составное. Окончание, *-belaunus*, или *-белинус*, с которым мы еще встретимся. *Касс*-не без оснований предполагается, что в настоящее время существует Сотня *Кассио*, в Херце (откуда *Кассио*-бери).

Это первое британское имя собственное. Следующий — у *тринобантов*, начинающийся с^[52] распространенного кельтского префикса (*tre-*), означающего *место*. Царь Имануций был убит Кассибелауном в ходе какого-то предыдущего акта агрессии, а его сын Мандубратий бежал к цезарю, находясь в Галлии. Теперь он восстановлен после сдачи заложников.

В приводимом ниже списке населения, отправившего заложников цезарю, мы находим имя *Кассия*; это наводит на мысль о том, что собственные подданные Кассибелауна изменили ему. Остальные — сениманьи, сегонтиачи, анкалиты и биброци.

Цезарь, кажется, сейчас находится в Хартфордшире, к западу от Лондона, *то есть*, около Кассио-бери, обнесенной частоколом деревни, или штаб-квартиры Кассибелауна — сам

Кассибелаун находится в Кенте. Здесь ему удастся побудить четырех вождей, Чингеторикса (обратите внимание на кельтское окончание *-орикс*), Карвилия, Таксимагула и Сегонакса, атаковать корабли; попытка отбита с потерей одного из их главных людей, Люго-орикса.

Кампания заканчивается тем, что цезарь договаривается с Кассибелауном, запрещает любые нападения во время его отсутствия на Мандубратия и Тринобантов и возвращается в Галлию с заложниками.

Из случайного упоминания о британских лодках в другой части книг Цезаря мы узнаем, что лодки на Темзе, как и на Северне, были сделаны из прутьев и шкур - *короче говоря, коракли*; а из отрывка Авиена мы узнаем[53], что лодки севернов были похожи на лодки на Темзе —

Non hi carinas quippe pinu texere
Acereve norunt, non abiete, ut usus est,
Curvant faselos; sed rei ad miraculum
Navigia juncta semper aptant pellibus,
Corioque vastum sæpe percurrunt salum.

Завоевание Цезаря, по сути, не было завоеванием вообще. Тем не менее, Август принял британских послов и, возможно, номинальную дань. Вероятно, это объяснялось сильной зависимостью восточных бриттов от какой-то части Галлии. Во всяком случае, вторжения не было.

С
20
по
43 гг.н. э.

Последняя часть правления Тиберия и короткая — Калигулы дают нам лучший период для родной Британии - правление Кинобелина, отца Карактака, последнего из ее независимых королей.

Монеты были найдены во многих местах; но поскольку не всегда можно с уверенностью сказать, что они не были галльскими, доказательства очень ранней чеканки монет в Британии неубедительны. Действительно, предположение о том, что торговля оловом, к которой можно добавить торговлю мехами и солью, осуществлялась по бартеру, является более вероятным. Но монеты Кинобелина многочисленны. Они были хорошо проиллюстрированы;[4] сделаны из золота и серебра; и независимо от того, отчеканены в Галлии или Британии,[54] указывают на цивилизацию торговли и промышленности. Показатель прогресса Британии начиная с каменного периода и далее, частично относящийся к развитию коренных народов, частично к галльским и частично финикийским отношениям, можно найти на этих монетах. Это цивилизация храброго народа, владеющего искусствами земледелия и металлургии, способного к значительной политической организации и имеющего более чем одну точку соприкосновения с континентом — их боевые колесницы, их язык и друидизм являются их главными отличительными чертами. В то время в ходу было железо — хотя, возможно, оно было редкостью.

Завоевания при Клавдии переносят нас на новые территории; и о них рассказывает великий историк, располагающий более чем обычными средствами информации. У Тацита мы читаем рассказы Агриколы. Тем не менее, эта информация, за исключением нескольких интересных деталей, скорее подтверждает то, что нам говорили ранее, чем наводит на мысль о каких-либо существенных различиях между бриттами внутренних районов и бриттами южного побережья. Использование боевой колесницы было ограничено определенными районами. Правление женщины допускалось. Жены и матери наблюдали за битвами мужей и дочерей.

Действительно, можно сказать, что они разделяли их. Их крики, визг и упреки, их растрепанные волосы - все это воодушевляло воинов,[55] которые противостояли Светонию Паулину в крепостях острова Англси. Друиды подливали масла в огонь возбужденной таким образом энергии. Существовала политическая организация, которая объединяла королевства. Существовал дух фракции, который их разлагал. Какими были Бриганты, такими были и ицени; какими были ицени, такими были Силуры и Ордовичи. Повсюду прослеживается одно и то же фамильное сходство; сходство в основных чертах, различие в деталях. На Каледонии волосы были льняными; в Южном Уэльсе - вьющимися и черными. Цвет лица тоже был румяным, из чего Тацит сделал определенные выводы.

Завоевания Веспасиана уводят нас еще дальше, в Шотландию, к Грампианцам, против каледонцев под командованием Галгака. Степень, в которой они отличались от бриттов, не может быть получена из рассказа Тацита. Мы ожидаем, что они будут такими же храбрыми, но более грубыми. Тем не менее, подробностей, которые мы узнаем из жизни Агриколы, немного. Они сражались на колесницах, и их мечи были широкими и тупыми. Поскольку мечи бронзового периода были тонкими и заостренными, это аргумент в пользу того, что железо стало обычным материалом для изготовления воинственного оружия далеко на севере, вплоть до Грампианцев. Историческое свидетельство о низшей цивилизации северных бриттов, или каледонцев, можно найти у более позднего автора, Диона Кассия, в его истории[56] кампаний Севера. "Среди бриттов два величайших племени - каледонцы и мааты; ибо даже названия других, как можно сказать, слились в них. Мааты живут рядом со стеной, разделяющей остров на две части; каледонцы за ними. Каждый из этих народов населяет горы, дикие и безводные, и равнины, пустынные и болотистые, не имеющие ни стен, ни городов, ни полей, но живущие пастбищами, охотой и определенными ягодами; ибо их рыба, хотя и обильна и неистощима, они никогда не пробуют. Они живут в палатках, голые и босые, имеют общих жен и растят все свое потомство. Их государство в основном демократическое, и они больше всего наслаждаются грабежом; они сражаются на колесницах, у них маленькие быстрые лошади; они сражаются также пешими, очень проворны в беге и наиболее решительны, когда вынуждены стоять; их оружие состоит из щита и короткого копья с медным набалдашником на конце древка, которое при встряхивании может устрашать врага своим шумом; они также используют кинжалы; и способны переносить голод, жажду и лишения любого вида; ибо, увязнув в болотах, они остаются там много дней, а затем погибают. из воды торчат только головы; в лесу они питаются корой и кореньями; они готовят на всякий случай[57] определенный вид пищи, которой они не испытывают ни голода, ни жажды, если съедают ее в количестве размером с фасолину. Таков, стало быть, остров Британия и таковы обитатели той его части, которая враждебна нам".

Об Ирландии у нас нет точных сведений гораздо позже, так что, за исключением нескольких деталей, характеристики социального положения этого острова должны быть выведены по аналогии с Великобританией и из последующей истории ирландцев. Итак, даже приблизительное представление о британских особенностях - это все, что было предпринято в

настоящей главе. Не было рассказано ни о каких исторических событиях, кроме как в той мере, в какой они проясняют некоторые национальные или местные обычаи; и такие привычки и обряды не были отмечены, если только их нельзя было отнести к какой-либо конкретной ветви нашего населения; ибо целью было уточнение, а не обобщение, указание на определенные *корнубийские*, *кентские* или *каледонские* особенности, а не на *британские*. В то же время тот факт, что все обитатели Британских островов относятся к великому кельтскому племени, подразумевает вероятность того, что эти различия лежат в пределах сравнительно небольшого диапазона.

Следующий шаг - это история самой акции.

СНОСКИ:

[3] Переводы этого и всех последующих греческих выдержек взяты из "*Исторического памятника Британии*".

[4] Смотрите статьи мистера Била Поста в "Археологическом журнале".

[58]

ГЛАВА III.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БРИТТОВ.—КЕЛЬТЫ ГАЛЛИИ.—БЕЛГИ.—КЕЛЬТСКИЕ Или GERMANSCHE.—СВИДЕТЕЛЬСТВА ЦЕЗАРЯ.—АТТРЕБАТЫ, БЕЛГИ, РЕМЫ, ДУРОТРИГИ И МОРИНИ, ЧАУКИ И МЕНАПИИ.

Из двух ветвей кельтского племени первой будет рассмотрена британская, и то в связи с ее происхождением.

Редко бывает, чтобы население острова не имело четкого, определенного и не очень отдаленного сходства с населением ближайшей части ближайшего континента. Происхождение цейлонцев можно проследить до Индии; суматранцев - до Малайского полуострова; жителей Курильских островов - до полуострова Сагалин; гуанчей Тенерифе - до побережья Берберии. Ближайший подход к изоляции находится на острове Мадагаскар, где наблюдается родство с Суматрой, Молуккскими островами и малайским племенем, а не с противоположными частями Африки, побережьями Мозамбика и Зангидара. Но Мадагаскар долгое время был великой этнологической загадкой. Исландия тоже была заселена выходцами из Скандинавии, а не из Гренландии.

Таким образом, именно в Галлии мы должны искать родину кельтов; по крайней мере, в первом[59] примере, поскольку Галлия является ближайшей точкой — белые скалы Фолкстона находятся в пределах видимости с противоположного берега. Тем не менее (как пример того, до какой степени один этнологический вопрос зависит от другого) против галльского происхождения первых бриттов выдвигались возражения. Для *кельтского* населения, действительно, это было признано естественной территорией; но мы видели, что на основании формы черепов и других явлений каменного периода было сделано предположение о населении, отличном от кельтского и более раннем. Итак, для такого населения, как это, Ютландия или Слесвик считались более вероятным местонахождением, поскольку черепа, о

которых идет речь, были сопоставлены с черепами лапландцев и финнов; и, если это верно, то чем дальше на север мы удаляем родину британских аборигенов, тем меньше мы считаем необходимым переселять семьи финнов или лапландцев на юг. Это рассуждение справедливо, если исходный факт существования какой-либо докельтской популяции верен. Тем, однако, кто сомневается в этих предпосылках, нет необходимости уточнять нынешнее представление о том, что Галлия была исконной родиной бриттов. Таким образом, Галлия - это почва, с которой мы рассматриваем великое кельтское подразделение человеческого рода в его целостности; ибо до сих пор мы видели лишь его западные ответвления.

То, что страна между Сеной и Гаронной, соответствующая провинциям[60] Нормандия, Бретань, Мэн, Анжу, Пуатье, остров Франция и Орлеанна, была кельтской, никогда не подвергалось сомнению. Свидетельство Цезаря однозначно; и против него нет ни возражений, ни придилок. Вот он, где в настоящий момент кельтский бретонский язык Бретани продолжает оставаться языком простых людей.

Центральная и юго-восточная части Франции — Нивернуа, Бургундия, Бурбоннуа, Лионнуа, Овернь, Дофини, Лангедок, Савойя и Прованс — были преимущественно кельтскими. Возможно, они были полностью правы; но поскольку прямо указано, что лигурийцы Италии и иберийцы Испании встречались в низовьях Роны, лучше всего уточнить это утверждение. В то же время можно привести веские основания считать, что лигурийцы лишь немногим отличались от других галлов.

К югу от Гаронны древнее население было *иберийским*.

Швейцария, или древняя Гельвеция, была кельтской, и за пределами Швейцарии, вдоль берегов Дуная и на плодородных равнинах Северной Италии, вторгшиеся кельты-завоеватели распространялись на восток до Штирии и на юг до Этрурии; но это были отступления от основной массы племени, истинной территорией которого были Галлия и Британские острова.[61]

Районы между Сеной и Рейном, долины Марны, Уазы, Соммы, Самбры, Мааса и Мозеля были *бельгийскими*. Тревес был бельгийцем; Люксембург - бельгийцем; Нидерланды - бельгийцем. Прежде всего, французская Фландрия, Артуа и Пикардия — части, ближайšie к Британии, части в пределах видимости от Кента, части, откуда Британия, скорее всего, была заселена, — были бельгийскими.

Теперь, поскольку Британия изначально была кельтской, если только Бельгия тоже не была кельтской, мы столкнемся с трудностями.

По моему собственному мнению, Бельгия *была* изначально кельтской; и, возможно, девять этнологов из десяти придерживаются того же мнения. В то же время можно привести веские причины для противоположной доктрины, веские причины полагать, что *белги* были немцами — такими же немцами, как древние англй, такими же немцами, как нынешние немцы Германии, такими же немцами, как голландцы Голландии, и, что более важно, такими же немцами, как нынешние фламандцы Фландрии, возможно, обитатели древней и, безусловно, современной Бельгии.

Последнему факту мы должны придавать большое значение. Современная Бельгия - это такая же страна двух языков и двойного населения, как Уэльс, Ирландия или Шотландия. Есть

французский, который распространился с[62] юга, и фламандский, который принадлежит Голландии и ее частям к северу; форма речи, которая отличается от истинно голландского языка меньше, чем шотландский язык низменностей от английского, и гораздо меньше, чем сам голландский язык от немецкого. Больше, чем это. К югу от линии, разделяющей французский и фламандский, следы предыдущего использования последнего языка очевидны и многочисленны, встречаясь главным образом в названиях таких мест, как *Дюнкерк*, *Висани* т. Д.

Теперь, когда французский язык вторгся во фламандский, а фламандцы отступили перед французами, нет ничего более законного, чем вывод о том, что в какой-то более ранний период диалекты великого германского племени простирались так далеко на юг, как Дуврский пролив; и, если это так, немцы могли проникнуть в юго-восточные графства Англии 2000 лет назад или даже раньше. Следовательно, вместо того, чтобы англы и саксы были первыми завоевателями бриттов и более ранними распространителями английского языка, белги из Кента, Белги из Суррея, Белги из Сассекса и Белги из Хэмпшира, возможно, сыграли важную, хотя и незарегистрированную роль в том долгом и малоизвестном процессе, который превратил кельтскую Британию в Германскую Англию, землю валлийцев и гэлов в землю англов и датчан, представителей кланов Кассибелауна, Боадицеи, Карактак и Галгак[63] в подданных Эгберта, Ательстана и Альфреда.

Таких взглядов не только придерживались, но и подкрепляли важными свидетельствами и законными аргументами. На первом месте среди первых стоят два текста Цезаря, один из которых относится к хорошо известным белгам континента, другие - к некоторым малоизвестным белгам Великобритании. Когда Цезарь расспросил легатов Реми, древних жителей под их древним именем, о частях, прилегающих к Реймсу, о том, какие государства составляли власть белгов и какова была их военная мощь, он обнаружил следующее: "*Большинство белгов произошли от германцев (plerisque Belgas ortos esse ab Germanus)*. Перейдя в древности Рейн, они поселились в своих нынешних странах из-за плодородия почвы и изгнали галлов, населявших те места, которые были до них. Только они, памятуя о наших отцах, когда вся Галлия подвергалась нападениям тевтонов и кимбров, запрещают этим врагам пересекать их границу. В силу этого они приобрели огромный авторитет в военных делах и проявили высокий дух. Их численность была известна, потому что, объединенные родством (*propinquitatibus ad finitibusque conjuncti*), можно было установить, какое количество каждый вождь мог привести с собой[64] на общий сбор для войны. Первыми по численности, доблести и влиянию были белловачи. Они могли составлять до 100 000 бойцов. Из них они пообещали 40 000; за это они должны были взять на себя все руководство войной. Их соседями были суэссьоны, владельцы обширной и плодородной территории. Их короля Дивитиака все еще помнили как величайшего властителя всей Галлии, чье правление охватывало и часть Британии. Их нынешним королем был Галл. Его справедливость и благоразумие были таковы, что все ведение войны было добровольно передано ему. Их городов было двенадцать; их контингент составлял 50 000 солдат. Нервии, самые свирепые и отдаленные части конфедерации, послали бы столько же; атребаты — 15 000, амбиани - 10 000, морини - 22 000, менапии - 9 000, калети - 10 000, велокасси и вероманди - 10 000, адуатики - 29 000; кондрузи, эбуроны, кера-зи и пемани, которых все вместе называли *немцами (по праву именуемого германским апеллянтом)*, можно было бы оценить в 40 000 человек". - Белл. Галл., ii. 4.

Давайте рассмотрим это как доказательство (в определенной степени) того, что север Галлии был германским, не задаваясь в настоящее время вопросом, насколько это убедительно. Если

мы обратимся к описанию Британии Цезарем, мы найдем элементы второго утверждения, а именно: "то, что верно для северного побережья[65] Галлии, верно и для южного побережья Британии".[5] Таким образом, если белги были немцами во времена Цезаря, население Кента, Суррея и Сассекса также было немцами.

Утверждение Цезаря таково: "внутренняя часть Британии населена теми, кто, согласно записям, родился на самом острове; тогда как морское побережье занято иммигрантами из страны белгов, привезенными сюда либо для войны, либо для грабежа. Все они называются именами, почти такими же, как у государств, из которых они пришли, именами, которые они сохранили в стране, с которой они вели войну, и на земле, на которой они поселились". — Б. Г., ст. 12.

Я утверждаю, что эти два утверждения дали бы нам неопровержимые доказательства в пользу того, что белги были немцами, а юго-восточные бритты — белгами, в случае, если бы у них не было противоречащих друг другу утверждений, которые можно было бы противопоставить им, и никаких предположений в пользу противоположной доктрины; в этом случае вывод о том, что Кент был немцем, был бы неопровержимым и стоял бы так:

Белги были немцами[66]—

Юго-восточные бритты были одного класса с белгами—

Следовательно, они были немцами.

Повторяю, такой силлогизм имел бы надлежащую форму, а вывод был бы удовлетворительным.

Но есть многое, что можно противопоставить обоим: настолько, что становится чрезвычайно вероятным, что максимум, что можно извлечь из первого утверждения, это то, что часть белгов, и особенно кондруси, эбуронеси, керези и пемани, были немцами только в том смысле, в каком жители Гернси и Джерси являются англичанами, *т.е.*, политически, но не этнологически; и что второе только доказывает, что определенные национальные названия встречались по обе стороны ла-манша.

Если мы посмотрим на многочисленные местные, национальные и индивидуальные названия белгов, мы обнаружим, что они настолько близки по форме к названиям несомненных галлов, что их совершенно невозможно отличить. Города оканчиваются на *-акум*, *-брива*, *-магус*, *-дунуми* *-дурум* и начинаются на *Вер-*, *Кер-*, *Кон-* и *Тре-*, как и в Центральной Галлии; так что нам не нужно идти дальше обычных карт — Вириови—*акум*, Минори-*акум*, Ориги-*акум*, Терн-*акум*, Баг-*акум*, Камар -*акум*, Намет-*акум*, Катузи-*акум*, Джемини-*акум*, Блари-*акум*, Медери-*акум*, Толби-*акум*; Самаро-*брива*; Новио-*магус*, Мосо-*магус*; Веро-*дунум*; Марко-*дурум*, Тео-*дурум*; Вер-омандуи; Кер-аси; Кон- *drusi*; Тре-*virī* - все[67] галльские соединения на бельгийской земле и все формы, либо полностью чуждые какой—либо области Германии, либо чрезвычайно редкие. Теперь он не возражает против этого замечательного и исключительного преобладания галльских имен в Бельгии географии, чтобы сказать, что нет никаких доказательств обозначения на вопрос-уроженец; и что, хотя они существовали в языке кесарево информаторов, которые были галлы, они были странными для Belgæ, даже как слово *валлийский* это странно *Cambro*-британец—оздоровительная имя, под которым он известен англичанин, но не истинные и родные деноминации. Я утверждаю, что все аргументы такого рода, справедливые во многих других случаях, когда они никогда не применялись, здесь неуместны; поскольку

информаторами Цезаря о белжском населении были сами белги, и немыслимо, чтобы они использовали только галльские термины, когда говорили о себе, если бы они не были галлами.

Имена отдельных бельгийских вождей такие же галльские, как и названия городов и народов, например, *Коммий* и *Дивитиакус*, как и у таких бриттов, как *Кассибелаун*.

Я утверждаю, что это, насколько это возможно, причина для ограничения, а не расширения всех подобных заявлений, подобных рассматриваемым. И она ни в коем случае не единственная. Утверждение Страбона подтверждает это: "Аквитанцы совершенно отличаются"[68] (*т.е.* от других галлов) "не только языком, но и телосложением, в чем они больше похожи на иберов, чем на галлов". Остальные выглядят как галлы, но не все похожи по языку. Некоторые *немного* отличаются. Их политика тоже *немного* отличается, как и образ жизни". —Lib. iv. c. 1.

Таким образом, поскольку внешние свидетельства Страбона совпадают с внутренними свидетельствами, полученными из географических, национальных и индивидуальных названий, представляется незаконным выводить из текста "Цезаря" больше, чем было предложено.

Если мы не считаем, что белги Пикардии были немцами, второй факт, установленный Цезарем, а именно бельгийское происхождение юго-восточных бриттов, сравнительно неважен, поскольку он просто показывает, что между бриттами юго-восточного побережья и жителями внутренних районов были определенные различия, причем первые были недавними иммигрантами, а Бельгия - страной, из которой они мигрировали. Тем не менее, это создает трудность; поскольку, проводя различие между жителями Кента и жителями Срединных графств, мы лишаемся возможности утверждать, что бритты в целом принадлежали к тому же классу, что и галлы; поскольку описание Цезаря, как справедливо можно сказать, применимо только к *бельгийским бриттам*.

Я лично думаю, что заявление Цезаря следует[69] воспринимать скорее как *вывод*, чем как *доказательство*; другими словами, нельзя считать, что он сказал, что определенные *аттребаты* и *белги* пересекли Дуврский пролив и поселились в Британии, но что, поскольку определенные части Бельгии и Британии носили одинаковые названия, миграция имела место; таково объяснение совпадения. Или, если мы предположим, что сам Цезарь был слишком проницательным мыслителем, чтобы путать заключение с фактом (как, возможно, он и был), мы можем приписать этот вывод его информаторам. Любой, у кого есть привычка анализировать этнологические данные, хорошо знает, что путаница такого рода, о которой идет речь, является одной из самых распространенных трудностей, с которыми ему приходится сталкиваться.

В то же время то, что в Британии действительно было несколько белгов, достаточно вероятно; но то, что они были отдельным значительным населением, которого было достаточно много, чтобы его можно было найти во всех частях Британии, где встречались бельгийские имена, и тем более то, что они были германцами, является небезопасным выводом; возможно, безопасным, если два текста Цезаря стояли отдельно, но небезопасным, если мы примем во внимание многочисленные факты, утверждения и презумпции, которые усложняют их и противоречат им.

Сами бельгийские названия, возникшие в Британии, были следующими:—

а. *Оскорбляет*.—Были *Attrebates* как в Бельгии, так и в Великобритании; гэльские в *Артуа*, [70] который является только *Attrebates* в современной форме. Большое значение придается тому факту, что перед тем, как цезарь лично посетил Британию, он отправил перед собой *Коммия*, атребацианца. Так вот, этот Коммий был сначала завоеван цезарем, а затем поставлен царем над моринами. Вполне вероятно, что Коммий передал Цезарю большую часть своей информации о Британии; возможно, он был его главным информатором. Он также был тем, кто, зная о существовании *Attrebates* в Британии, вероятно, сделал вывод, который был предложен так недавно, а именно, о миграции белгов или их серии. Однако завоеватели Британии находились так далеко от побережья, что, должно быть, располагались к западу от Лондона, в Беркшире и Уилтсе; поскольку Цезарь, который продвинулся, по крайней мере, до Чертси, где он пересек Темзу, не встречает ничего, кроме Кантий, Тринобантов, Сениманьи, Сегонтиахи, Анкалитов, Биброци и Касси. Именно Птолемей первым упоминает о британских *аттребатах*; и он помещает их между Добуни и кантиями. Теперь, поскольку Добуни лежит строго к западу от Силуров Южного Уэльса, мы не можем подвести Аттребаты ближе к побережью, чем Виндзор.

б. *Белги*. Они, подобно Аттребатам, впервые упомянутым Птолемеем, расположены к югу от Добуни и на морском побережье между Кантиями и Дамнониями в Девоншире; так что Сассекс, [71] Хантс и Дорсет могут быть отнесены к их области.

с. *Реми* упоминаются не кем иным, как Ричардом Сайренсестерским, как Биброци под другим именем.

г. Также и *дуротриги*, или люди из *Дор*-сета, по утверждению того же источника, назывались *морини*.

е. *f*. В Ирландии у нас есть две популяции с немецкими названиями; *менапии* и *чаучи*, обе в окрестностях Дублина и по соседству друг с другом. И о них упоминает Птолемей.

Итак, что бы ни доказывали эти бельгийские названия, они не подтверждают утверждение Цезаря о том, что именно *приморские части Британии были бельгийскими*; поскольку менапии и Чаучи, должно быть, были ему совершенно неизвестны, а *Аттребаты* находились в глубине материка.

В то же время они кое-что доказывают. Они также вносят трудности в очень простое представление о том, что Британия была исключительно британской. Это приводит к дальнейшему рассмотрению деталей. *Отреми* можно избежать в первую очередь. Они основаны на плохом авторитете, а именно на авторитете монаха двенадцатого века.

Пусть и *Моринитоже*. Хотя я признаю изобретательность и обоснованность доктрины о том, что существование двойной номенклатуры, подобной той, [72] по которой дуротригов называют морини, а морини - дуротригами, хорошо объясняется предположением о существовании второго языка и представлением о том, что жителей определенных районов иногда называли британским, иногда немецким именем, гипотеза несостоятельна, если факты легче объяснить иным образом. Никто бы так объяснить такие слова, как *жителя низин* и *Borderer* случае люди Чевит-Хилс. Тем не менее, оба они актуальны; одно дается, когда выражается их отношение к Англии, другое - когда выражается их отличие от газлов-горцев.

Так получилось, что *Morini* и *Durotriges* - это слова, которые так же мало можно рассматривать как синонимичные термины, принадлежащие к разным языкам, как *Lowlander* и *Borderer*;

поскольку можно привести веские причины для отнесения их *обоих* к кельтскому. Их *точное* импорт трудно определить; но если мы предположим, им означает, *подставки* и *watersidemen*, соответственно, мы получим четкое представление о вероятности, одна из которых на немецком и других кельтских. Таким образом —

Duro-triges совпадает с латинским составным *ponticolæ*, поскольку *dwr* на валлийском, корнуолльском и армориканском языках означает *воду*, а *trigau* означает *оставаться* или *населять*; *trig-adiad* обозначает *обитателей*, или обитательниц, как хорошо заметил Причард, v. iii. 128.[73]

Môr в *Morini* означает ни больше, ни меньше, чем латинское слово *mare*.^[6] Несомненно, это отбрасывает все аргументы, основанные на предполагаемом двуязычном характере слов *Морини* и *Дуротриджи*.

Ирландские *каучи* и *Менапии* рассказывают другую^[74] историю. Одно название без другого мало что доказало бы; но когда мы находим *Sauci* в Германии недалеко от *Менапии*, а *Menapii* в Ирландии недалеко от *Чаучи*, аргументы становятся убедительнее. Тем не менее, вероятность того, что *Менар* - это то же самое слово, что и *Менаи* из *Менайского пролива* в Уэльсе, предполагает вероятность того, что это слово является географическим термином. Тем не менее, соседство двух наций является аргументом в той мере, в какой это возможно.

И здесь я должен заметить, что процессу, посредством которого слова, изначально очень разные, могут стать идентифицируемыми, когда они переходят в новый язык, уделяется недостаточно внимания. *Sauci* - это форма, которую ирландское, *Чаучи* то, что немецкое, слово принимает на латыни. И эти два слова похожи. И все же далеко не факт, что они были бы настолько похожи, если бы мы знали либо гэльский оригинал одного, либо немецкий - другого. Можно было бы выделить дюжину чрезвычайно различных форм, которые, при условии, что все они были бы странными для римлянина, при преобразовании в латинскую форму стали бы похожими. Тем не менее этот аргумент, насколько это возможно, справедлив.

Таковы основания полагать, в одно и то же время, что бритты пришли из Белгской Галлии, а белги, откуда они пришли, были кельтами.

Однако мы не можем пока считать, что происхождение^[75] британской ветви кельтского племени полностью исключено, чтобы сразу перейти к гэльскому языку; другая популяция требует предварительного уведомления. Это пикт.

СНОСКИ:

^[5] Это точные слова одного из самых способных сторонников германского происхождения юго-восточных бриттов, мистера Э. Адамса, в статье, озаглавленной "Замечания о вероятности готских поселений в Британии до 450 г. н.э.". — *Philological Transactions*, № ciii.

^[6] Этот корень важен. Поскольку оно означает *море* во многих европейских языках, это создало филологическую трудность в случае с очень интересным глоссарием, *Мори-маруса*, что означает *мертвое море*; где по странному совпадению повторяются одни и те же согласные (*m-r*), но с другим значением.

Причард, который обратил внимание на это замечательное соединение, заявил, что отрывок из Плиния сообщает нам, что *кимвры* называли море по соседству *мори-маруса*, сделал вывод, что название было кимбрийским; и далее утверждал, что, поскольку *мор маут* по-валлийски означало то же самое, кимбрийский язык был валлийским, кембрийским или британским. Насколько можно было судить, вывод был действительно законным; но рассуждения, которые привели к нему, были недостаточными. Вероятность существования нескольких языков, в которых и *мор* означало *море*, и *мор* означало *мертвый*, была упущена из виду; хотя одним из языков, обеспечивших совпадение, была латинская—*mare mortuum*.

Другим таким языком был славянский; и я полагаю, что к этому языку относится *моримаруса*. Я также предполагаю, что под *кимврами* Плиний подразумевал *киммерийцев*; так что море Азоф было настоящим Мертвым морем; или, возможно, Пропонтидой; в этом случае объясняется его нынешнее название, *Мраморное море*.

Название провинции, *Ar-mor-ica*, означает *страну у моря*, и если перевести его на латынь, то это было бы *ad mare*. *Ар-гейл* - это такое другое слово; и это было название места высадки *гэлов*=*ad Gallos*.

Гэльскому *Ar-mor-ica* у славян есть точная параллель в слове *Ро-мор-анія*; где *ро* означает *на*, а *мор* *море*.

[76]

ГЛАВА IV.

ПИКТЫ.—СПИСОК КОРОЛЕЙ.—ПЕНН ФЕЙХЕЛ.—ЭЙБЕР И ИНВЕР.—ПИКТЫ, ВЕРОЯТНО, НО НЕ НАВЕРНЯКА, БРИТТЫ.

Пикты никогда не считались римлянами; но, за этим исключением, для них было заявлено родство со всеми жителями Британских островов. Как германцы, основываясь на описании Тацитом их физического облика каледонца, и как германцы, основываясь на предполагаемом германском происхождении белгов, пикты считались предками нынешней Равнинной Шотландии. Их также считали скандинавами. С другой стороны, их сделали гэлами, и в этом случае их потомками являются горцы. Их считали британцами, и они считались отдельной породой.

То, что они были кельтами, а не германцами, является самой распространенной доктриной, и то, что они были бриттами, а не гэлами, является распространенной доктриной; аргументы, доказывающие последнее, доказывают *первое* тем более.

Мы подходим к этой теме с упоминанием ирландского миссионера святого Колумбануса, родным языком которого был, конечно же, ирландский гэльский. Это было [77] непонятно северным пиктам, как прямо указано у Адаммана: "*Alio in tempore quo Sanctus Columba in Pictorum provincia per aliquot demorabatur dies, quidam cum total plebeius familia, verbum vitæ per interpretatorem, Священный закон виро, доверие публики, крещение христа есть*". —*Adamn. ap. Colganum. л. ii. с. 32.*

Это, однако, только показывает, что пикт не был полностью ирландским. Возможно, он к нему приближался. Кроме того, он может быть гораздо более непохожим на валлийский.

Документ, известный как рукопись Кольбертина, опубликованная в библиотеке Кольбертина, содержит список пиктских королей. Это было проанализировано Иннесом и Гарнеттом; и в результате только два имени более гэльские по своей форме, чем валлийские, а именно: *Синеод* или *Кеннет*, и *Домналл* или *Доннелл*. Остальные либо абсолютно противоположны тому, какими они были бы, если бы были гэльскими, либо скорее британскими, чем какими-либо другими. Таким образом, валлийский *Гургуст* фигурирует в ирландских летописях как *Фергус*, или *наоборот*. Теперь пиктская форма этого имени - *Wrgwst*, с окончанием *Т* и без начальной *Ф*. *Элпин*, *Драст*, *Дростан*, *Врад* и *Нектон* являются близкими и несомненными пикт-эквивалентами валлийских имен *Оуэн*, *Трвст*, *Трвстан* (*Тристрам*), *Гвриад* и *Нвифон*. [78]

Читателям "Антиквара" хорошо известно, какое большое значение придается единственному существующим двум общим терминам пиктского языка "*пен вал*", или как оно фигурирует в старейшей рукописи Беды *пеанна фахеля*. Это *начало стены*, или *caput vall*, являющееся восточной оконечностью (там или около того) вала Антонина. Нынешняя валлийская форма *головы - перо*; гэльское *сеап*. В чем здесь сходство, очевидно. Для *фахеля* (или *вэла*) ситуация менее ясна. Гэльская форма - *fhail*, валлийское *gwall*; гэльский является наиболее близким.

Но некоторые дополнительные свидетельства по этому вопросу более чем справляются с этой трудностью. "В Даремской рукописи Ненния, написанной, по-видимому, в двенадцатом веке, есть вставленный отрывок, утверждающий, что место, о котором идет речь, на шотландском или гэльском языке называлось *Сенайл*. Иннес и другие отметили сходство между этим названием и нынешним *Kinneil*; но, похоже, никто не заметил, что *Senail* точно отражает *произношение* гэльского *сеап fhail*, буквально *голова стены*, *f* будучи неподвижным в конструкции. Замечательный пример такого же замалчивания встречается в *Атоле*, как написано сейчас, по сравнению с *Ам-фотлой* ирландских летописцев. Предположим, тогда, что *Сенайл* был заменен на *пеанн фахель* гэльскими завоевателями округа, из этого следует, что более старое название [79] было *не* гэльским, и вывод был бы очевиден". [7]

Превращая, таким образом, *rep val* в пиктский лоск, я ни в коем случае не предполагаю, что какая-либо из трех форм вообще изначально была кельтской; поскольку *val*, *gwal*, *fhail* все кажутся вариациями римского *vallum*, по крайней мере, в отношении их непосредственного происхождения. И все же, если из трех языков, заимствуя одно и то же слово, каждый придает ему различную форму, то возникающее в результате изменение в такой же степени отражает блеск языка, на котором оно встречается, как если бы это слово было местным. Следовательно, говорим ли мы, что *rep val* являются пикт-глоссами, или что *rep* - это пикт-глосс, а *val* пикт-форма, практически безразлично.

The *Валлум Антонина* был делом рук человека, и его название имеет меньшую ценность, чем названия природных объектов, таких как *горы*, *реки* или *озера*. Тем не менее, эти последние были изучены: таким образом, холмы *Очел* в Пертшире лучше объясняются валлийской формой *uchel*, чем гэльской *назальной*. Но самое важное слово из всех - это первый элемент слов *Aber-nethy* и *Inver-nethy*. Оба означают одно и то же, т.е., *слияние* водили что-то очень похожее. Оба свободно входят в состав, и образовавшиеся таким образом соединения встречаются на большей части Британских островов в виде названий устьев более крупных и важных [80] рек. Но

это лишь несколько районов, где эти два названия встречаются вместе. Точно так же, как мы ожидаем, *априори ошибка* возникает, когда *инверсия* не может быть найдена, и *наоборот*. Из двух крайностей Ирландия - это область, где *aber*, Уэльс, где *inver* является более редкой из двух форм; на самом деле они настолько редки, что одна (*aber*) редко, если вообще когда-либо, встречается в Ирландии, другая (*inver*) редко, если вообще когда-либо, встречается в Уэльсе. Теперь, поскольку Ирландия является гэльской, а валлийский - британским, эти два слова можно справедливо считать указывающими на то, где они встречаются, наличие этих двух разных языков соответственно.

Распределение рассматриваемых слов долгое время было инструментом критики при определении как этнологического положения народа пиктов, так и его территориальной протяженности; и подробности хорошо представлены в следующей таблице мистера Кембла:

"Если мы теперь возьмем хорошую карту Англии, Уэльса и Шотландии, мы найдем следующие данные:—

"В Уэльсе:

- "Абер-айон", лат. 51° 37' северной широты, долгая. 3° 46' W.
- Абер-афон, лат. 51° 37' северной широты
- Абергавенни, лат. 51° 49' северной широты, долгая. 3° 0' W.
- Абергвилли, лат. 51° 51' северной широты, долгая. 4° 16' W.
- Абериствит, лат. 52° 24' Северной широты, долгая. 4° 6' W.
- Аберфрау, лат. 53° 12' Северной широты, долгая. 4° 30' W.
- Аберджи, лат. 53° 17' Северной широты, долгая. 3° 17' W.

"В Шотландии:

- "Аберлади", лат. 56° 1' Северной широты, протяженность. 2° 52' W.
- [81]Абердур, лат. 56° 4' северной широты, протяженность. 3° 16' W.
- Аберфойл, лат. 56° 11' северной широты, протяженность. 4° 24' W.
- Абернети, лат. 56° 20' северной широты, протяженность. 3° 20' W.
- Абербротический, лат. 56° 33' северной широты, протяженность. 2° 35' W.
- Аберфельди, лат. 56° 37' северной широты, протяженность. 3° 55' W.
- Абергельди, лат. 57° 5' северной широты, протяженность. 3° 10' W.
- Аберхальдер, лат. 57° 7' северной широты, протяженность. 4° 44' W.
- Aberdeen, lat. 57° 8' Северной широты, протяженность. 2° 8' W.
- Аберчирдир, лат. 57° 35' северной широты, протяженность. 2° 34' W.
- Абердур, лат. 57° 40' Северной широты, протяженность. 2° 16' W.
- Инверкейтинг, лат. 56° 2' Северной широты, длинный. 3° 36' W.
- Инверэри, лат. 56° 15' Северной широты, протяженность. 5° 5' W.
- Инверарность, лат. 56° 36' Северной широты, протяженность. 2° 54' W.
- Инверберви, лат. 56° 52' Северной широты, протяженность. 2° 21' W.
- Инвергельди, лат. 57° 1' Северной широты, протяженность. 3° 12' W.

- Инвернахаван, лат. 57° 2' северной широты, протяженность. 4° 12' W.
- Инвергельдер, лат. 57° 4' Северной широты, длинный. 3° 15' W.
- Инверморисон, лат. 57° 14' северной широты, протяженность. 4° 34' W.
- Инвернесс, лат. 57° 29' Северной широты, долг. 4° 11' W.
- Инвернетти, лат. 57° 29' Северной широты, протяженность. 1° 51' W.
- Инверэсли, лат. 57° 59' Северной широты, протяженность. 4° 40' W.
- Инверсия, лат. 58° 10' северной широты, долг. 5° 10' W.

"Таким образом, линия разделения между валлийцами, или пиктами, и шотландцами, или ирландцами, кельтами, если измерять по встречаемости этих названий, проходила бы наискось от юго-запада до Северо-востока, прямо вверх по озеру Лох-Файн, почти следуя границе между Пертширом и Аргайлом, простираясь к Северо-востоку вдоль нынешней границы между Пертом и Инвернессом, Абердином и Инвернессом, Банфом и Элджином, примерно до устья реки Спей. Граница между пиктами и англичанами, возможно, была гораздо менее устоявшейся, но, вероятно, она проходила от Дамбартона вдоль верхней границы Ренфрушира, Ланарка и Линлитгоу примерно до Аберкорна, то есть вдоль линии Клайда до Фрит-оф-Форт."^[8]

Нельзя отрицать, что при нынешнем состоянии наших знаний вывод из предыдущей^[82] таблицы заключается в том, что, будь то пикт или нет, более двух третей Шотландии демонстрируют признаки *британского* а не *гэльского* населения.

Это все, что можно сказать в настоящее время: ибо следует добавить, что вся предыдущая критика исходила из представления о том, что PENN FANEL и др. являются пиктскими словами. Что, однако, если они будут пиктоваться только в том смысле, что *мужчина*, *женщина* и т. Д. Являются валлийскими; т.е. Слова, используемые населением в пределах области пиктов, но на самом деле не пиктованные? Предлагаемое в настоящей главе уточнение мнения, вытекающее из этой точки зрения, будет замечено после рассмотрения некоторых других вопросов.

СНОСКИ:

^[7] Мистер Гарнетт, *Филологические труды*, № II.

^[8] Саксы в Англии.—Том ii. стр. 4, 5.

^[83]

ГЛАВА V.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГЭЛОВ.—ТРУДНОСТИ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ.—НЕ ВЫЯСНЕНО НИ ЗАПИСЯМИ, НИ ТРАДИЦИЯМИ.—АРГУМЕНТЫ, ОСНОВАННЫЕ НА РАЗЛИЧИИ Между БРИТАНСКИМ И ГЭЛЬСКИМ ЯЗЫКАМИ.—БРИТАНСКИЙ ЯЗЫК, НА КОТОРОМ ГОВОРЯТ В ГАЛЛИИ.—НА ГЭЛЬСКОМ, КАК ИЗВЕСТНО, НЕ ГОВОРЯТ НИ В ОДНОЙ ЧАСТИ КОНТИНЕНТА.—ДОКТРИНА ЛХЕЙДА.—ГИПОТЕЗА ГИБЕРНИАНЦЕВ.—КАЛЕДОНСКАЯ ГИПОТЕЗА.—ПОСТУЛАТЫ.

Вопрос о происхождении бриттов не представлял большой трудности. Они не могли прийти с запада, потому что Британия лежит почти на краю древнего мира; поэтому мы смотрим в

сторону европейского континента и обнаруживаем, что, в противоположность бриттам, галлы говорят на понятном для обоих языке. На этом мы остановимся, просто сделав короткую паузу, чтобы внести одно или два уточнения в естественный вывод.

Но если бы не был открыт такой язык, как у древних галлов, язык, *очень* родственный британскому, этнолог оказался бы в затруднительном положении; более того, ему пришлось бы удовольствоваться утверждением, что Галлия была наиболее вероятной частью Европы, откуда могли произойти бритты. Не более того. Сильная самонадеянность - это все, чего он добился бы. Однако сходство языков помогло ему.

Теперь трудность, которая только что была замечена[84] как возможная при исследовании происхождения бриттов, является реальной в случае с гэлами. Точную параллель гэльскому языку нельзя найти ни в одной части континента. Следовательно, в то время как британская ветвь кельтского языка встречается как в Англии, так и в Галлии, — как на континенте, так и на Островах, — гэльский язык ограничен исключительно Британскими островами. Ни в самой Галлии, ни в частях к северу или югу от Галлии нельзя найти ни одного представителя гэльской ветви.

Даже на Британских островах гэльский язык ограничен в своем распространении. В Ирландии нет британцев, а в Южной Британии нет гэльского языка. В Шотландии встречаются оба языка, причем на гэльском говорят к северу от Британии. Положение гэльского языка к западу и северу от британского увеличивает трудность, поскольку он отрезан от всех связей с континентом и не представлен ни одним континентальным языком.

Таким образом, история гэлов - это история изолированной ветви кельтского племени; и именно эта изоляция создает трудности их этнологии. Никакие исторические записи не проливают никакого света на их происхождение — утверждение, которое должен признать самый оптимистичный исследователь. Но традиция, возможно, менее некоммуникабельна. Многие исследователи верят в это. Со своей стороны, я был бы только рад иметь возможность сделать это. Поскольку[85] это так, однако, аргументы настоящей главы будут продолжаться так, как если бы вся легендарная история Ирландии и Шотландии, поскольку она относится к миграциям, в результате которых острова были первоначально заселены гэлами, была пустым звуком — причины для скептицизма пока умалчиваются. Но только пока. В седьмой главе они будут приведены настолько полно, насколько позволит место.

Настоящие рассуждения полностью опираются на факт, важность которого уже не раз подчеркивалась и который читатель предвосхищает. Давайте скажем, ради иллюстрации, что британский и гэльский языки отличаются друг от друга так же, как латынь и греческий. Параллель грубая, но ее будет достаточно в качестве основы для некоторой критики.

Языки, связанные таким образом, не могут быть связаны отношениями матери и дочери, *т.е.* Одно не может быть производным от другого, как английский происходит от англосаксонского, или итальянский от латыни. Истинная связь иная. Это связь брата и сестры, а не родителя и ребенка. Фактическим источником является какой-то общий родной язык; родной язык, который может исчезнуть после эволюции его потомства. Следовательно, в рассматриваемом нами конкретном случае гэльский и британский языки, должно быть, развились сами по себе, каждый независимо от другого, из какой-то общей[86] формы речи. И развитие, должно быть, происходило на Британских островах; доктрина состоит в том, что из

языка, который в какой—то отдаленный период не был ни британским, ни гэльским, но который содержал в себе зачатки обоих, западная форма речи приняла одну форму, южная - другую, в результате чего в одном случае получился британский, в другом - гэльский язык.

Но на этом общем родном языке в рассматриваемый отдаленный период, период самого раннего заселения Британии, должно быть, говорили по обе стороны Ла-Манша — как в Галлии, так и на Британских островах. И здесь (*то есть*, в Галлии) он, возможно, сделал одну из двух вещей. Возможно, он остался неизменным; или, возможно, претерпел изменения. Теперь в любом случае он отличался бы как от гэльского, так и от британского. В первом варианте он был бы как бы стереотипным и поэтому сохранил бы свои первоначальные символы, в то время как гэльский и британский языки переняли бы новые. В последнем он изменился бы на свой особый лад; и именно эти особенности сделали бы его отличным от британского, равно как и от гэльского. Но что же это за факт? Древний язык галлии, хотя и был настолько непохож на гэльский, насколько это могло быть возможно в результате отдельного и независимого развития, не отличался от британского. Напротив, [87] это было достаточно похоже на то, чтобы быть понятным британцу. Теперь я считаю это сходство убедительным доказательством против доктрины о том, что британский и гэльский языки развились из какого-то общего родного языка *на Британских островах*. Если бы это было так, диалекты Галлии были бы гораздо более непохожими на британские, чем они были на самом деле.

The *Британский* тогда, по крайней мере, приобрел свой британский характер не в Британии, а на континенте; и он был введен в Англию как язык, ранее сформировавшийся в Галлии.

Для гэльского языка нет такой необходимости в континентальном происхождении; действительно, на первый взгляд, вероятность того, что он возник в Британии. Его нельзя найти на континенте; и, в таком случае, его континентальное происхождение является гипотетическим. Однако в одном можно быть уверенным, а именно в том, что если гэльский когда-то был единственным языком Британских островов, то завоевания и посягательства бриттов, вытеснивших его, должны были быть огромными. Во всей Южной Британии он, несомненно, был вытеснен, а также в половине Шотландии: хотя, если бы до его появления в Великобритании на нем говорили в какой-либо части континента, вытеснение должно было быть еще большим.

Итак, гипотеза о происхождении гэлов может принимать множество форм. Я указываю на следующие три.[88]—

1. Первую можно назвать *доктриной* Лхайда, поскольку ее предложил Хамфри Лхайд, один из лучших наших ранних археологов. мистер Гарнетт говорил об этом с уважением, но он, очевидно, не решается признать это. И упоминать об этом следует только с уважением, ибо это весьма вероятно. Это означает, что первоначальное население всех Британских островов — Англии, а также Шотландии и Ирландии — было гэльским, за исключением каких бы то ни было британцев. Он также составляет значительную часть гэльского языка на континенте. Вследствие этого бритты являются более поздним и вторгшимся населением, населением, которое произвело большое и полное вытеснение ранних гэлов по всей Южной Британии и южной части Шотландии. За исключением того, что они были ветвью того же происхождения, что и гэлы, их отношение к аборигенам было таким же, как у англосаксов к самим себе в более поздний период. Сначала гэлы; затем бритты; наконец, англ. Такова последовательность. Общее распределение этих двух ветвей кельтского племени приводит к гипотезе Лхейда;

другими словами, предположения в ее пользу. Но это еще не все. Безусловно, и в Англии, и в Галлии можно найти некоторые слова — названия географических объектов, — которые лучше объясняются гэльским, чем британским языком. Наиболее[89] примечательными из них являются названия таких рек, как *Эксе*, *Акс* и (возможно) *Уз*, что лучше иллюстрируется ирландским термином *uisge* (*вуски*, *вода*), чем любым валлийским или армориканским.

2. Вторую доктрину можно назвать *хибернианской* гипотезой. Это позволяет британцам Англии и Южной Шотландии сохранять любое количество древности, делая их аборигенами Великобритании. У гэлов Шотландского нагорья оно происходит из Ирландии; эта точка зрения подтверждается отрывком из Беды.[9] Таким образом, Ирландия является самым ранним островным поселением гэлов. Но откуда они прибыли в Ирландию? Из какой-то части к югу и западу от старейших известных юго-западных границ кельтской области, возможно, из Испании; в этом случае следует предположить последующее вытеснение первоначальных кельтов континента иберами — древнейшей известной группой населения полуострова. Но поскольку где-то должны быть какие-то предположения, единственный вопрос заключается в их легитимности.

3. Третья гипотеза — *каледонская* — опровергает вторую и выводит ирландских гэлов из Шотландии, а шотландских гэлов из какой-то части к северу от древнейшей известной кельтской границы в направлении Скандинавии. Как и в обоих других случаях, это предполагает последующее вытеснение материнского поголовья.

СНОСКИ:

[9] See Главу viii.

[90]

ГЛАВА VI.

РИМСКОЕ ВЛИЯНИЕ.—АГРИКОЛА.—СТЕНЫ И ВАЛЫ АДРИАНА, АНТОНИНА И СЕВЕРА.—
БОНОС.—КАРАУЗИУС.—СЕМЬЯ КОНСТАНЦИЕВ.—ФРАНКИ И АЛЕМАНЫ В БРИТАНИИ.—
ИНОСТРАННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РИМСКИХ ЛЕГИОНАХ.

Можно сказать, что устойчивое и непрерывное влияние Рима началось в правление Клавдия в 43 году н.э.; скипетр Кинобелина перешел в руки его сыновей. Против них, а также против других принцев Британии, таких как Карадок (Карактакус) и Картисмандуа, задействованы активные командиры Авл Плавтий и Осторий Скапула. Три линии, расходящиеся от частей о Лондоне, указывают нам направление их завоеваний. Один из них, идущий вдоль долины Темзы, приводит нас к добуни в Глостершире и силурам в Южном Уэльсе; оба они специально занесены в список умеренных популяций. Другой, почти под прямым углом к последнему, описывает операции против города Камелодунум в Эссексе, иценов, которые впоследствии восстали, и бригантов Йоркшира. На третье указывают кампании Паулинуса в Северном Уэльсе и его кровавые деяния на острове Англси, линия завоеваний, которая, вероятно, возникла в результате сокращения графств Мидленд[91] Нортгемптона, Лестера, Дерби, Стаффорда и Шропшира. Я не говорю, что они дают нам представление о действительных передвижениях

римской армии. Однако они служат для того, чтобы отметить моменты, в которых особые свидетельства римской оккупации являются наиболее определенными.

В правление Веспасиана завоевания были не только закреплены, но и расширены. Агрикола строит свою линию фортов от Форта до Клайда и проникает так далеко на север, как Грампианс. Были ли воины, которых он встретил здесь под командованием Галгака, бриттами, как те, кого он видел на юге, или гэлами, вопрос, который будет рассмотрен позже; но он сражался против них как с иностранными, так и с римскими солдатами. Германские усипии составляли одну, если не больше, из его когорт; обстоятельство, которое показывает то, что будет проиллюстрировано с более полными деталями в дальнейшем, а именно, что римские завоеватели Британии были далеко не исключительно римлянами. Усипии, однако, являются первыми не римскими солдатами, упомянутыми по имени. На западном побережье Британии Агриколе пришлось иметь дело с пиратами из Ирландии — несомненными гэлами, какими бы ни были воины грампианцев.

Римская цивилизация быстро пустила корни в Британии, хотя и в плохом состоянии. Об этом свидетельствует раннее существование юристов и ростовщиков. Во время правления Домициана защитники Британии были[92] известны римским сатирикам; и еще при Нероне обращение философа Сенеки за кредитом помогло спровоцировать великое восстание при Боадиее. Но за исключением использования римского языка, сомнительно, чтобы культура сильно отличалась от той, которая сложилась при Кинобелине — цивилизации, которая, хотя и была в значительной степени обязана Галлии, также, более или менее косвенно, была римской; но, тем не менее, цивилизация, которая не подверглась какой-либо потере национальности.

Крепостной вал от устья Тайна до Солуэя относится ко времени правления Адриана; превращение линии фортов Агриколы в сплошную стену относится к периоду правления Аврелия Антонина. Эти границы дают нам две области. К северу от границы Антонинов римская власть так и не была консолидирована, хотя восточную половину иногда пересекали активные военачальники, такие как император Север. Это было графство каледонцев и маатов.

Между границей Агриколы и крепостным валом Адриана оккупация была менее незавершенной. Неполным, однако, он был; даже когда в четвертом веке Феодосий сделал его провинцией и в честь императора Валента назвал Валенти. 211 г. н.э. Север, после укрепления укреплений Антонина, умирает в[93] Йорк; его правление является эпохой, имеющей определенное значение в истории Римской Британии. Во-первых, только до этого правления наши власти являются сколько-нибудь удовлетворительными. Цезарь, Тацит и Дион Кассий до сих пор были нашими проводниками. Однако в течение следующих восьмидесяти лет мы вообще не найдем ни одного современного историка, и когда наши авторитеты возьмутся за дело снова, первым будет один из никчемных авторов Панегириков. Во-вторых, до сих пор основными разделителями населения Британии были только два — собственно бритты и каледонцы. Следующий класс авторов усложнит этнологию, говоря о пиктах. Однако главное изменение заключается в самом населении Британии. Соперничество, за исключением границ Уэльса и Шотландии, ведется больше не между римским захватчиком и коренным населением Британии; но между Британией как романо-британской провинцией и Римом как центром и главой империи: другими словами, ссоры с метрополией заменяют войны против аборигенов. Это, однако, скорее часть гражданской истории Рима, чем естественной истории Британии. Состязания Альбина против Севера и Прокула и Боноса против Проба являются самыми

ранними примерами покушений на императорский титул из этих кругов; попыток, которые дают нам представление о том, в какой степени[94] остров был скорее римским, чем кельтским — по крайней мере, в отношении его политической истории.

В жилах самого Боноса текла британская кровь, хотя он и родился в Испании, поскольку его мать была галлкой; но поскольку его называют "британцем по происхождению", мы можем заключить, что его отец был с нашего родного острова. Пробус предоставил британцам привилегию *выращивать виноградные лозы и производить вино*.

В последние десять лет третьего века события обостряются. Восстание Караузия, принятие империи Аллектом и принятие Констанция Хлора Диоклетианом в качестве цезаря являются событиями, имеющими как этнологическое, так и политическое влияние. Таковыми они являются, потому что указывают либо на внедрение иностранных элементов в Британию, либо на вливание британской крови в другие круги. Караузиус, например, был менапианцем, и вряд ли он был единственным в своем роде. Семья Констанциан, я полагаю, была в большей степени британцами, чем даже принято считать.

Небольшое рассмотрение покажет нам, что три имени из этой важной родословной — Констанс, Констанций и Константин - не имеют этимологической связи с существительным *Constantia*; другими словами, что *Constans* не означает *постоянного Человека*, точно так же, как *prudens* означает *благоразумного* или *sapiens* *мудрого*. Никакое[95] такое значение не будет учитывать формы в *-ius* и *-inus*. К этому можно добавить, что семья была иностранного происхождения, как и семьи почти половины последующих императоров. Имя, я полагаю, тоже было иностранным. Если это так, то, скорее всего, оно было кельтским; поскольку *усоли* как простой отдельный термин, и как элемент соединений является распространенным кельтским именем собственным. Единственным фактом, противоречащим этой точке зрения, является происхождение первого из трех императоров - Констанция. Он не родился ни в Галлии, ни в Британии. Напротив, его отец был высокопоставленным чиновником Иллирийской епархии, а мать - племянницей императора Клавдия;[10] обстоятельства, которые, на первый взгляд, противоречат выводу из названия. Однако они делают это только внешне. Самый маловероятный человек, занимавший высокий пост в Иллирии, был уроженцем Иллирии; ибо политика Рима заключалась в размещении кельтов в славянских, а славонцев - в кельтских провинциях; точно так же, как в настоящий момент Россия размещает финские полки на Кавказе, а кавказские - в Финляндии. Если эта точка зрения верна, кельтское имя, насколько это возможно, свидетельствует о кельтской крови.

В следующем поколении нам придется иметь дело как с историческими фактами, так и с традициями, связанными с родословной Константина Великого. То, что он родился в Британии и что его[96] мать была низкого происхождения, является историческими фактами; то, что она была дочерью короля Козла Колчестерского, является традицией. Последнее в какой-то степени бесполезно, и на нем не делается никакого акцента. Первые считаются подтверждающими настоящую точку зрения. Главная поддержка, однако, заключается в британском характере названия.

В Панегирике Мамертина императору Максимиану, одному из августов, разделявшему императорскую власть с Диоклетианом, мы встречаем первое упоминание о пиктах. Какими бы бесполезными ни были составители панегириков, когда нам нужны конкретные факты, у них есть большое достоинство в том, что они современны событиям, на которые они ссылаются; ибо

намеки дразнящего и неудовлетворительного характера - это все, что мы получаем от них. Однако Мамертинус - первый писатель, который упоминает пиктов, и он делает это в своем уведомлении о восстании Караузия.

Важнее этого отрывок, который сообщает нам об армии откровенных наемников в Лондонском сити еще в 290 году н.э. — там или около того. Это отрывок, на который до сих пор обращалось слишком мало внимания: "По столь полному согласию Бессмертных Богов, о непобедимый цезарь, было предписано истребление всех врагов, на которых ты напал, *и особенно франков*, что даже те из твоих солдат, которые, сбившись с пути в[97] туманном море, достигли города Лондона, истребили беспорядочно и по всему городу все остатки того множества наемных варваров, которые, избежав нападения врага". битва, разграбление города и попытка к бегству все еще оставались — деяние, благодаря которому ваши провинциалы были не только спасены, но и восхищены зрелищем резни".

Таким образом, по крайней мере, одно германское племя ступило на землю Британии еще во времена правления Диоклетиана, и то как враги. Насколько их поселение было постоянным и насколько конкретная их часть, упомянутая Мамертином, представляла собой все вторжение, неизвестно. Первостепенным фактом является существование враждебных франков в Мидлсексе почти за 200 лет до эпохи Хенгиста.

Были ли там и саксы? Это вопрос к продолжению. В настоящее время я замечаю, что Мамертинус упоминает их по имени, но не помещает на территории Британии. Они просто досаждали британским морям.

Были ли там еще какие-нибудь немцы? Аврелий Виктор предполагает, что были. В 306 году н.э. Констанций умирает в Йорке, и Константин, его сын, "которому помогают все, кто был поблизости, но особенно Эрок, король алеманнов, принимает империю". Теперь Эрок сопровождал Констанция в качестве союзника (*auxilii gratii*); так что в Йоркшире были алеманны[98], а также франки в Мидлсексе, силы которых более или менее приближались к силам независимого населения; во всяком случае, положение отличалось от простых германских легионеров, о которых вскоре будет рассказано подробнее.

Во времена правления Юлиана пикты, скотты и аттакотти преследовали южных бриттов. Это основано на современном и неоспоримом свидетельстве Аммиана Марцеллина. И те же самые современные и неоспоримые свидетельства добавляют *саксов* к его списку опустошителей — "пиктов, *саксонских*, и шотландцев, и нападающих на британцев, которые вечно ведут войну". Отметьте слово *continuis*.

The *Алеманны* Британии упоминаются тем же автором в отрывке, который следует принять вместе с упоминанием алеманнов при Эроке. "Валентиниан назначил Фраомария царем над буччинобантами, народом алеманнов, недалеко от Менца. Вскоре после этого, однако, нападение на его народ опустошило их страну (*па- гум, гау*). Затем его перевели в Британию и поставили трибуном над алеманнами, *в то время процветавшими как по численности, так и по могуществу*".

Теперь мы можем спросить, какие иностранные элементы были привнесены в Британию римскими легионами; поскольку нет ничего более определенного, чем то, что римские армии состояли, но в небольшой степени, из[99] Римляне. Гиперссылка *Notitia Utriusque Imperii* помогает нам здесь; действительно, может быть, что она предоставляет нам полный список

имперских сил во всей их этнологической неоднородности. Некоторые названия полков и рот (*alæ, numeri, cohortes*) необъяснимы: некоторые, однако, взяты из страны, где находились солдаты, из которых они состояли.

В списке указаны поселенцы в Британии германского, галльского, иберийского, славянского, арамейского и берберского происхождения.

НЕМЦЫ.

Тунгрикани.— Либо солдаты, отличившиеся в боях при Тонгресе, либо настоящие тунгрийские немцы под командованием Прэпоситуса, расквартированные в Дубрисе (*Дувр*).

Тунгри.— Настоящие тунгрийские германцы. В Борковикуме. Когорта.

Поворачивается ко мне лицом.— Либо солдаты, отличившиеся в боях около Турне, либо настоящие турнейские немцы под командованием Прэпоситуса, расквартированные в Лемане (*Лимне*).

Батавы.—Когорта, расквартированная в Проколиции.

ГАЛЛЫ.

Нервии.— Многочисленная когорта под командованием префекта Диктума.[100]

Нервии.— Когорта в Алене.

Нервии. - Когорта вирозидов. Насколько это были галлы, или, если галлы, то несмешанной крови, неизвестно. Говорили, что во время войн Цезаря храбрый народ нервиев был истреблен. Этого не было. От него остались отдельные фрагменты. В то же время сокращение было настолько велико, а последующий приток немцев с Нижнего Рейна был настолько значительным, что солдаты, о которых идет речь, были, вероятно, в такой же степени римлянами и немцами, как и галлами.

Морини.—галлы из окрестностей Кале. Когорта, расквартированная в Гланнобанте.

Галли.—Когорта в Вендолане.

ИБЕРИЙЦЫ.

Испанцы. - Когорта. Расквартирована в Акселлодуне.

СЛАВЯНЕ.

Далмата. -Кавалерия. Расквартирован в Браннодунуме.

Далмата.— Когорта в Президиуме.

Далмата.— Когорта в Магне.

Дачи.— когорта в Амбогланне.

Фракия.—Когорта в Габрозенте.

Тайфаль(?)- Кавалерия. Возможно, немцы, но более вероятно, славяне, печально известные своими порочными привычками.[101]

АРАМЕИ.

Сириец.—Кавалерия.

БЕРБЕРЫ.

Маури.— При префекте в Абаллабе.

Если мы спросим, какое отношение эти чужеродные и разнородные элементы в римских легионах Британии имели к истинным римлянам, мы напрасно будем ждать ответа. Это происходит потому, что состав других частей армии неизвестен. Кто (например) входил в состав *Fortenses*, *Stablesiani*, *Abulci* многих других компаний? Возможно, римляне; в этом случае доля сирийских, славянских и других нероманских элементов уменьшается. Возможно, сирийцы, славонцы или германцы; в этом случае она увеличивается. Однако то, что вышеназванные войска принадлежали к этнологическим подразделениям, обозначенным названиями, в высшей степени вероятно. Также вероятно, что список может быть увеличен; таким образом, *Пасенсес*, *Асти*, *Фриксагори* и *Лерги*, хотя в каждом случае есть сомнения относительно прочтения и еще больше относительно значения, обоснованно считалось, что это были полки или роты, названные по местностям, где они были набраны; но, как уже говорилось, эти местности сомнительны.

Как кровь, чуждая как британцам, так и римлянам, была завезена в Британию, так и британская[102] кровь была завезена в другие места. Все зарубежные пункты дислокации британских войск неизвестны; но то, что они были, по крайней мере, по одному в каждой из следующих стран, несомненно — Иллирии, Египте, Северной Африке. История иностранной крови в Британии и британской крови в зарубежных странах - это параллельные вопросы.

Линии римских дорог являются лучшими *данными* для определения частей нашего острова, где смешение римской и иностранной крови было наибольшим: поскольку справедливо предположить, что наименее доступные районы были самыми кельтскими. Это Северный Уэльс, Корнуолл и Девоншир, богатства Сассекса и Кента, Линкольншир и округ Крейвен. С другой стороны, преимущественно римские трактаты - это...

1. Долины Тайн и Солузэй, или линия стены и валов, отделявших Южную Британию от Северной.
2. Долина Уз, или окрестности Йорка.
- 3, 4. Долины Темзы и Северна.
5. Чешир и Южный Ланкашир.
6. Норфолк и Саффолк.

Таким образом, римская кровь в Британии, по-видимому, была незначительной, даже если мы причисляем к римлянам все, что не было британским. То, что язык, однако, был в основном латинским — более[103] или менее измененным — это то, что мы выводим из аналогий Галлии и Испании. История четырех столетий цивилизации и коррупции тоже римская. То, что римляне полностью покинули Британию, спрятали сокровища и переселились в Галлию, основано не на

каких-либо авторитетных источниках, более ранних, чем у англосаксонских авторов, примерно пятью столетиями позже. Страна была скорее театром действий узурпаторов и мятежников; нельзя доказать, что ни один из них не покинул остров или был истреблен англосаксонским вторжением — вторжением, которому в одной из будущих глав будут приписаны более ранняя дата и более постепенная операция, чем обычно назначается.

СНОСКИ:

[10] Лекции Нибура, стр. iii, 312.

[11] Относится к некоторому времени между правлениями Валента и Гонория.

[104]

ГЛАВА VII.

ЦЕННОСТЬ РАННИХ БРИТАНСКИХ ЗАПИСЕЙ.—ИСТИННЫЕ ТРАДИЦИИ РЕДКИ.—ГИЛЬДАС.—БЕДА.—НЕННИЙ.—КАМБРЕНСКИЕ АННАЛЫ.—РАЗНИЦА МЕЖДУ ХРОНИКАМИ И РЕЕСТРАМИ.—АНГЛОСАКСОНСКАЯ ХРОНИКА.—ИРЛАНДСКИЕ АННАЛЫ.—ЦЕННОСТЬ ОТЧЕТОВ ПЯТОГО И ШЕСТОГО ВЕКОВ.—ВОПРОСЫ, К КОТОРЫМ ОНИ ОТНОСЯТСЯ.

До сих пор не было сказано ни слова о ранних традициях ни бриттов, ни гэлов. Также ни слова об их ранних записях. Ничего о Триадах, Аневрине, Талиессине, Курице Лливарч и Мерлине на стороне валлийцев; ничего о милезийских и других ирландских легендах. Почему это молчание? Были ли предыдущие исследования настолько исчерпывающе ясными, что привели нас к отказу от всех лучей света, кроме самых безупречных?

Это необычная удача, когда подобное происходит где угодно; и, конечно же, на британской или ирландской земле такого еще не случалось. Или свидетельства таких ранних записей и традиций были несовместимы с доктринами предыдущих глав и, в силу их неудобства, были утаены? Если это так, то со стороны автора имело место гнусное лицемерие. Но он не признает себя виновным в этом. Он[105] не придает большого значения свидетельствам ранних британских летописей; и содержание настоящей главы призвано оправдать его пренебрежение к ним.

Автор, утверждающий, что древнейшее произведение на любом языке настолько древнее, что его отделяет от следующего по древности какой—либо очень большой интервал - интервал, оставляющий широкую пропасть между первым и вторым образцами литературы, которую не удастся заполнить никакими фрагментами или следами каких—либо утраченных сочинений, - делает утверждение, которое он обязан подкрепить доказательствами самого убедительного рода. Ибо не всегда достаточно показать, что против древности рассматриваемого произведения нет никаких внутренних возражений. Она может быть настолько короткой или настолько общей по своему предмету, что не оставляет места для противоречивых и невозможных предложений или выражений. Недостаточно показать, что не было никаких причин против разработки такой литературы; поскольку трудно сказать, какие условия абсолютно запрещают выпуск произведения, не имеющего каких-либо определенных характеристик. И все же недостаточно сказать, что сохранение такого произведения вероятно.

Все, что можно извлечь из всего этого, - это предположение в его пользу. Великий факт существования произведения, не давшего толчка к созданию других, подобных ему, и тот факт, что те же средства сохранения[106] полностью игнорировались в других случаях, все еще остаются неоспоримыми. Они не являются убедительными против определенных позиций; но это обстоятельства, которые должны быть честно соблюдены; обстоятельства, которые, если один писатель упустит из виду, другие не упустят; обстоятельства, на которых будет настаивать критик; и обстоятельства, которые, если ослепление парадоксом или апелляция к врожденной и всеобщей симпатии к древности на некоторое время отодвинут их на задний план, рано или поздно восстанут против автора, который их упустил.

Также не являются убедительными аргументы, основанные на древности языка. Когда два произведения отличаются друг от друга признаками древности, проявляющимися в их фразеологии, вывод о том, что самое древнее по смыслу речи *пропорционально* древнее по времени, не единственный. Легко сказать, что в латинской литературе язык Энния обозначает дату на сто лет раньше, чем у Цицерона, а язык Цицерона - на 400 лет раньше, чем время Боэция, и что когда мы встречаем в других местах сочинения, которые отличаются друг от друга, как латынь Энния от латыни Боэция, разница между ними составляет 500 лет. Ни в коем случае нельзя быть уверенным, что любые два языка изменяются с одинаковой скоростью.

Но можно привести среднее значение и сказать, что большая древность выражения является *первичным*[107] *внешним* свидетельством большей древности даты. Это так, но только тогда, когда мы совершенно уверены, что *диалекты* двух образцов одинаковы. В этом же году в Исландии были напечатаны произведения, которые, если бы их даты были неизвестны, можно было бы считать на сто лет старше шведских одиннадцатого века.

Только когда сторонник подлинности произведения исключительной древности может начать со сравнительно недавней эпохи и аргументировать в обратном порядке, проходя через серию непрерывных работ, каждая из которых старше другой, до одной, которая еще старше любой другой, он может обоснованно обвинить критика, который возражает против его выводов, в придирчивости. Таким образом, древность древнейших китайских летописей аннулируется: таким образом, датируется индийскими Ведами (1400 г. до н.э.). Но великие классические произведения выдерживают проверку, и от настоящего времени до Клавдиана, от Клавдиана до Энния и от Энния до Архилоха мы прослеживаем классическую литературу со всеми ее произведениями в преемственности; каждое указывает на кого-то более древнего, чем оно само. Даже это исключает чрезмерную древность Гомера.

Опять же, необходимо постоянно помнить о вероятности подделки; настолько, что даже в безупречной классической литературе, если бы можно было показать, что любая эпоха между настоящим и восьмым веком до нашей эры была эпохой, в[108] которой греческая драма, греческий эпос, греческие истории или греческие речи могли быть подделаны, многое было бы вычтено из доказательств их древности. Я не говорю, что это отбросило бы их в сторону, потому что все подобного рода - вопрос степени; но аргумент в их пользу был бы менее убедительным, чем есть на самом деле.

Ибо нельзя слишком настаивать на том, что сохранение записей глубокой древности само по себе естественно и по существу маловероятно. Более половины древностей мира были утрачены, и одно это дает нам шансы на то, что хоть один случай уцелеет. На этом настаивал не один археолог — более осторожный и откровенный, чем большинство его собратьев. Тот, кто

сомневается в этом, должен оглянуться вокруг. Как мало народов имеют литературу! Насколько очевидно, что отсутствие постоянной литературы является скорее исключением, чем правилом! И даже когда появляются записи, насколько велики шансы против их сохранения. Разрушение - это общий закон: продолжение - счастливая редкость. Для экстраординарных явлений у нас должны быть экстраординарные доказательства.

С настоящего времени до XI века мы можем непрерывно проследить родную валлийскую литературу, но не дальше. Если что-то и старше законов Хоэль Дху, то это должно быть[109] так на четыре столетия, и за этот промежуток времени ничего не было. Это показатель ценности валлийских свидетельств о событиях пятого века. Однако писатели на латыни существовали и раньше. Тем не менее, этого недостаточно, чтобы быть убедительным в достоверности факта из четвертого. Такое утверждение должно быть проверено его собственной внутренней вероятностью. Оно не может предстать перед нами облеченным достоинством исторически подтвержденного события. Что это такое, скоро выяснится.

Если это тот дух, в котором мы должны тщательно изучать документальные свидетельства, какими глазами мы должны смотреть на традиции — традиции, в соответствии с которыми записи, вместо того чтобы регистрироваться постоянно, передаются из уст в уста, от отца к сыну, от старика к молодому, из поколения в поколение? Простое этимологическое значение этого слова введет нас в заблуждение. Недостаточно, чтобы вещь была *передана* от отца к сыну. Реликвия может передаваться таким образом; действительно, письменные документы и печатные книги являются традициями такого рода. Семейные реликвии любого рода — будь то принадлежащие нации или отдельному человеку — являются такими традициями, как эти.

В истинной традиции мы должны учитывать *форму* и *происхождение*. Повествование, принявшее определенную форму, будь то формула или стихотворение, вряд ли можно назвать традицией. Это образец[110] композиции, переданной традицией, но не сама традиция. Это неписаная летопись — такая же летопись по форме и характеру, как и письменный документ, но отличающаяся от письменного документа способом его передачи потомкам. Многие знатоки считают, что гомеровские поэмы древнее искусства письма и, следовательно, что они были переданы потомкам устно. И все же никто не сказал бы, что "Илиада" и "Одиссея" были греческими традициями.

Тот факт, что повествование приняло постоянную форму, поскольку эта постоянная форма одновременно облегчает его передачу и обеспечивает его целостность, отличает неписанный документ от традиции.

Подлинный отчет о реальном событии, передаваемый от отца к сыну без определенной словесной формы, но рассказанный так, как рассказывают детскую сказку детям, или так, как дают показания в суде, составляет традицию; ибо только в этой форме он подвержен тем элементам неопределенности, которые отличают традицию от истории, — элементам, которые мы должны признать, если хотим быть точными в нашем языке.

Такова его *форма*, или, скорее, его *отсутствие формы*. Но этого недостаточно. Традиция, чтобы быть чем-либо вообще, должна иметь фактическую основу и представлять собой реальное действие, либо точно описанное, либо[111] но умеренно искаженное. Я говорю *умеренно искаженный*, потому что абсолютная передача чего-либо, выходящего за рамки простого списка имен и дат, без дополнений, пропусков или приукрашивания, практически

невозможна. Следовательно, мы должны допустить некоторую неточность; точно так же, как в механике мы должны учитывать трение. Но, допуская это, мы все же должны помнить, что событие и его описание являются соотносительными терминами. Мнение — отчет об отчете — принимает лишь видимость традиции. *Эта традиция* в той мере, в какой она *передается* потомкам, но это не традиция, основанная на соответствующих фактах.

В целом это теория — теория, возможно, сформированная бессознательно, но все же теория. Некоторые явления, которым нет исторического объяснения, привлекают внимание кого-то менее нелюбопытного, чем его собрат, и он пытается объяснить их. Например, на двух противоположных побережьях моря проживают две популяции с одинаковыми манерами поведения и языком. Это объясняется миграцией; и, следовательно, предполагается миграция. Эта точка зрения, будучи разумной, общепринята; и факт того, что миграция безусловно имела место, становится общепринятым убеждением. Люди, которые говорят об этом в четвертом или пятом поколении, говорят об этом как о реальном событии. Так, возможно, и есть. Но, несмотря на это, это не традиция; поскольку запись не может [112] быть прослежена до самого события. Все, что потомки унаследовали от своих предков, является *выводом*; который, даже если он так же хорош, как исторический отчет об абсолютном событии (как это иногда бывает), является чем угодно, только не традицией в строгом смысле этого термина. Конечно, само существование вывода может быть сведено к факту и, как таковое, породить традицию. Но это не та традиция, которая желательна, не та традиция, которая приводит к рассматриваемому факту.

Эти *традиции* могут иметь любую ценность или любую степень бесполезности. Они могут быть выводами такой точности и справедливости, что вызовут уважение у самых критичных; или же они могут быть связаны с невозможным. Крайние варианты являются лучшими; первые — из-за их внутренней ценности, вторые — из-за их маловероятности введения в заблуждение. Наиболее опасными являются промежуточные. Возможно, правдоподобно или, во всяком случае, без каких—либо внешних и видимых признаков осуждения —

"Они лгут, как правда, и все же по-настоящему лгут".

Какое отношение эти *традиции постфактум* имеют к истинным? Это трудно сказать. Прозвище, генеалогия, мелодия вполне могут передаваться по традиции. То же самое можно сказать о заклинаниях, формулах, пословицах и стихотворениях; однако, когда мы переходим к пословицам и стихотворениям, мы находимся в области [113] неписаной литературы, области, которую едва ли можно отождествить с областью традиции. Местная легенда, если она не слишком подозрительно адаптирована к особенностям места, к которому она применима, также может быть признана традиционной. Это и немного другое. Мужчины редко задумываются о передаче повествований до тех пор, пока не становится слишком поздно для достоверного рассказа.

С другой стороны, сама умственная деятельность, направленная на попытку объяснить необъяснимое явление, является знаком внимания; а там, где есть внимание к размышлениям, вероятно, будет и желание передать. Если это так, то вполне вероятно, что доля переданных спекуляций в истинных традициях неизмеримо велика. Но есть и другая причина для

игнорирования так называемых традиций. Когда есть традиция, а также подлинные исторические записи, традиция излишня. Когда традиция стоит особняком, нет ничего, что могло бы ее подтвердить. Что же тогда мы можем сделать? Предполагать факт на основании истинности традиции, а истинность традиции - на основании существования факта - значит рассуждать по кругу. Однако две независимые традиции могут подтверждать друг друга. Когда это происходит, дело улучшается; но даже тогда они могут быть всего лишь похожими выводами из одних и тех же предпосылок.

Если, таким образом, я не допускаю, чтобы какие-либо так называемые традиции нарушали выводы, которые, по моему мнению,[114] имеют право делать, и если вместо того, чтобы видеть в рассказах наших ранних авторов повествование, передаваемое из уст в уста вместо записей, зарегистрированных письменно, я имею дело с такими очевидными повествованиями, как если бы они были выводами какого-нибудь более позднего хрониста, меня нельзя обвинить в неоправданной самонадеянности. К утверждениям по-прежнему будут относиться с уважением, возможно, тем более, что они основаны на индукции, а не на свидетельских показаниях; и, как правило, им будет приписываться то достоинство, что они основаны на справедливых предпосылках, даже там, где этих предпосылок нет. Другими словами, каждый писатель будет считаться логичным до тех пор, пока не появятся причины подозревать обратное. Однако я так долго и напрасно искал истинную традицию, что отчаиваюсь когда-либо ее найти. Если это будет найдено, это будет должным образом оценено. С другой стороны, рассматривая их подделки как умозаключения, мы улучшаем наше положение как исследователей. Факт, который мы должны принять так, как нам о нем говорят, и принять его без какой-либо возможности исправления - полностью или без такового; тогда как вывод может быть тщательно изучен и исправлен. В одном случае мы получаем инструкции, от которых нам запрещено отклоняться; в другом мы действуем как судьи, обладающие полномочиями выносить решения. Нередко случается и так, что наша позиция в этом отношении лучше[115], чем у автора оригинала; поскольку, однако, многие факты, которыми он мог располагать для своего мнения, помимо тех, которые он передал потомкам, могут быть и другими, о которых он, должно быть, не знал, и с которыми мы знакомы. Изменяя выражение, там, где есть что-то вроде равенства *данных*, способы их использования выгодны более позднему исследователю по сравнению с более ранним; в этом случае он понимает древность лучше, чем древние, какой бы самонадеянной ни была доктрина. С *добросовестным* свидетельством, каким бы традиционным, документальным или своевременным оно ни было, дело обстоит иначе, и современный писатель должен выслушать своего старшего с благодарным почтением. И именно это делает различие между выводом и доказательством столь важным. Ошибочно принимать первое за второе - значит переоценивать древность и исключать себя из законного и плодородного поля исследований. Смешивать последнее с первым - значит подвергать себя критике, в то время как наше дело просто интерпретировать.

Переходя к деталям, мы обнаруживаем, что *"История Гильдии"* и *"Эпистола Гильдии"* являются двумя самыми ранними работами об англосаксонской Британии. По причинам, которые вскоре выяснятся, эти работы отнесены к 550 году нашей эры. Класс фактов, для которых требуются свидетельства автора этой даты, - это те, которые содержат подробности[116] истории Британии в последние дни римской империи и в начале англосаксонского господства. Среди них более важными были бы восстание Максима, набеги пиктов и скоттов, самые ранние германские вторжения и подчинение римлян саксам. Но все это акты опустошения, и, как таковые, неблагоприятны даже для существования скудной литературы, необходимой для их

описания. И снова произошли два других изменения, одинаково неблагоприятных для сохранения записей. Языческая или классическая литература становилась христианской или средневековой, в то время как латинский или римский стиль переходил в византийский и греческий. Аммиан Марцеллин, последний из латинских языческих историков, был современником событий начала рассматриваемого периода. Прокопий, один из последних языческих писателей Византии, умер примерно в то же время, что и Гильдас.

Следовательно, 150 лет — с 400 по 550 год нашей эры, — для которых требуется только история Гильдаса, — это эпоха чрезмерной безвестности. Соразмерны ли заслуги автора? Соизмерим ли свет, который он несет, с темнотой? Что он мог знать? Что он рассказывает? Он рассказывает так мало, что вопрос о ценности его авторитетов сводится почти к нулю; и из того немногого, что мы узнаем из его многословных и[117] напыщенных страниц, лишь малая часть представляет какой-либо этнологический интерес. Действительно, Гильдаса больше всего стоит отметить за то, что он оставляет недосказанным. Он упоминает восстание Максима; но он не несет ответственности за переселение из Британии в Бретань, вокруг которого (как уже говорилось) так много вращается. Саксов он тоже упоминает, и имя Вортигерна — но он не несет ответственности за происхождение этого имени от слова *Sahs=кинжал*. Что касается важного вопроса о дате вторжения и количестве захватчиков, он устанавливает время на 150 лет раньше своего времени и называет *три* как количество их судов (*cyulæ*). Особенно упоминаются Аврелий Амброзий и "Пугна бадоника", причем датой последнего события является дата его собственного рождения. Поскольку это событие, о котором он, возможно, знал от своих родителей, и поскольку более поздние римские авторы являются нашими авторитетами до (там или около того) смерти Гонория, остается выяснить, какие свидетельства дал Гильдас о нескольких событиях, которые он замечает между 417[12] и 516 годом. Есть ли что-нибудь, что, предполагая существование местных документов того времени, должно побудить нас считать его доказательства убедительными? Я думаю, что нет. Такие могли существовать, а могли и не существовать,[118] предположение может быть за или против них, в зависимости от точки зрения, которой придерживается исследователь в отношении литературных и цивилизационных влияний угасающего язычества римлян и зарождающегося христианства ранней британской церкви в сочетании с древностью самых ранних британских и ирландских летописей — широкая и сложная тема, если рассматривать ее в целом, но если рассматривать со ссылкой на рассматриваемый нами конкретный случай (авторитеты Гильдаса), то узкая.

В случае с Гильдасом совершенно нет необходимости предполагать что-либо подобное. Единственные существенные факты, которые он нам сообщает, — это письмо к Эцию с просьбой о помощи и уведомление о месте, которое Вортигерн находит в падении романо-британской империи. Первое из них указывает скорее на Рим, чем на Британию; второе взято из жизни галльского миссионера — святого Германа Осерского. К этому можно добавить высокую вероятность того, что работа Гильдаса была написана в Галлии; факт, который, несомненно, уменьшает ту малую ценность, которой она могла бы обладать в противном случае.

Следующий — автор совсем другого калибра, достопочтенный Беда; относительно которого мы должны помнить, что он отличается от Гильдаса тем, что является скорее англосаксом, чем британцем. Так вот, его история — церковная, а не гражданская; так что этнологические вопросы не составляют части его исследований, и, насколько они вообще рассматриваются[119], они рассматриваются случайно. Какими бы ни были записи романо-британской церкви или сочинения романо-британских писателей, они не являются частью материалов Беды. Самое

большее, что он говорит, это то, что на основе *писаний и традиций* наряду с информацией, полученной от монахов Лестингемского аббатства, он написал ту часть своей работы, в которой дается отчет о христианстве королевства Мерсия. Что касается других частей королевства, то он обращался главным образом к епископу епархии; к Альбину за древностями Кента и Эссекса; и к Даниилу за древностями Уэссекса, острова Уайт и Сассекса. Что касается Линкольншира, то он получил информацию *viva voce* от Кинеберта и монахов аббатства Партни, а что касается Нортумберленда, то навел справки сам. Теперь, когда христианство было впервые введено в англосаксонскую Англию Августином в 597 году н.э., эпоха германских вторжений лежит за пределами свидетельств ни Беда, ни его авторитетов. Гильдаса и источники Гильдаса он знал; но о доступе к местным записям пятого века — века, для которого они наиболее востребованы, — или о существовании таковых в Церковной истории нет никаких упоминаний, за исключением двух сомнительных случаев, которые будут описаны в дальнейшем.^[13]

У Ненния, больше, чем у любого другого писателя, есть^[120] мы считаем необходимым предположить существование каких-либо предшествующих историков, на основании чьего авторитета могут быть получены факты о временах между прекращением римского господства и консолидацией англосаксонской власти; и у Ненния мы должны, по многим причинам, признать это. Во-первых, он упоминает более чем одно обстоятельство, которое он не мог получить ни из какого другого источника; во-вторых, в предисловии говорится, что то, что было сделано, было сделано "*partim majorum traditionibus; partem scriptis; partim etiam monumentis veterum Britanniae incolarum; partim et de annalibus Romanorum. Insuper et de chronicis sanctorum Patrum, Ysidori, scilicet Hieronymi, Prosperi, Eusebii, necnon et de historiis Scotorum Saxonumque, inimicorum licet, non ut volui, sed ut potui, meorum obtemperans jussionibus seniorum, unam hanc historiunculam undecunque collectam balbutiendo coacervari.*" Но следует добавить, что подлинность предисловия вызывает сомнения.

Таким образом, Ненний больше всего ставит вопрос о ценности повествований о событиях пятого века. Я не могу не сказать, что это чрезвычайно низко. Ни от одного *историка*, так называемого в собственном смысле этого слова, не осталось и следа. Нет там и регулярных летописей, что вскоре будет рассмотрено более подробно. Ни о какой-либо даже более скромной форме повествовательной поэзии; хотя это вопрос, о^[121] котором я говорю с колебанием. Однако я основываю свое мнение на упоминаниях о двух главных эпохах — эпохе Вортигерна и эпохе короля Артура. Первое взято из жития святого Германа, второе представляет собой неприкрашенное перечисление трех кампаний, причем как можно меньше похоже на то, что оно заимствовано из поэтического источника.

У Ненния встречается несколько генеалогий; и часто бывает, что генеалогии являются полезными элементами критики. Британская этнология, однако, не является тем отделом, в котором их ценность наиболее заметна.

Насколько ценны были традиции Ненния? Ниже приводится один из них. "Бритты были названы в честь Брута; Брут был сыном Хисикиона, Хисикион из Алана, Алан из Реа Сильвии, Реа Сильвия из Нумы, Нума из Памфила, Памфил из Аскании, Асканий из Энея, Эней из Анхиса, Анхис из Троса, Трос из Дардана, сын Флира, сын Джавана, сын Иафета. У этого Иафета было семь сыновей: первый Гомер, от которого произошли галлы; второй Магог, от которого произошли скифы и готы; третий Айалан, от которого произошли мидяне; четвертый Яван, от которого произошли греки; пятый Тубал, от которого произошли евреи; шестой Месех, от

которого произошли каппадокийцы; седьмой Троя, от которого произошли фракийцы. Это сыновья Иафета, сына Ноя, сына Ламеха.[122] Теперь я вернусь к тому, откуда я ушел.

"Первый человек из рода Иафетов прибыл в Европу, по имени Алан, со своими тремя сыновьями. Их звали Изицион, Арменон и Негуо. У Исикиона было четверо сыновей, их звали Франк, Роман, алеман и Британец, от которых Британия была впервые заселена. Но у Арменона было пятеро сыновей. Это готы, валаготы, себиды, бургундцы, лонгобарды. У Негуо было четверо сыновей: Вандал, Саксон, Богар, Турок. От Хисикио, первенца алан, произошли четыре туземца: франки, латиняне, алеманны и бритты. От Арменона, второго сына Алана, произошли готы, вандалы, кебиды и лонгобарды. Из Негуо, третьего, богаров, вандалов, саксов и таринчи. Но эти нации были разделены по всей Европе. Аланий, однако, как они говорят, был сыном Сетевира, сына Огомна, сына Тоиса, сына Бойба, сына Симеона, сына Маира, сына Этака, сына Луотара, сына Эктеля, сына Ооца, сына Аборта, сына Ра, сына Эсры, сына Исрау, сына Барфа, сына Ионы, сына Иавата, сына Иафета, сын Ноя, сын Ламеха, сын Мафусалема, сын Еноха, сын Иарета, сын Малалеля, сын Каинана, сын Еноса, сын Сифа, сын Адама, сын Бога живого".[123]

Конечно, это всего лишь фрагмент книжного обучения, испорченный приложением. И все же, что говорит автор?

"Эту генеалогию я нашел в традициях древних, которые были жителями Британии в древнейшие времена". —*История Британии*, глава. xiii.

Следующие две работы - это так называемые хроники; одна британская и одна англосаксонская; *Анналы Камбрии* и *Саксонская хроника*.

Примечания *Кембрийских летописей* удивительно кратки и скудны. Едва ли по одному на каждый второй год, а то, что есть, коротко и неважно.

Она начинается с 447 года нашей эры и заканчивается нормандским завоеванием. Она тесно связана с событиями в Уэльсе.

Дата и авторство неизвестны. Из трех рукописей, в которых приводится текст, одна, как говорят, датируется 954 годом нашей эры.

Неизвестно, когда записи начали появляться одновременно с зарегистрированными событиями; действительно, нет никаких доказательств того, что они где-либо являются таковыми. С другой стороны, они не могут быть датированы ранее 521 года н.э., поскольку зарегистрированным там событием является *рождение святого Колумбы*. Запись о рождении выдающегося персонажа вряд ли будет одновременной; поскольку его величие еще не достигнуто, и только в духе пророчества и предвосхищения такая запись[124] была сделана в то время, когда он только появился на свет.

Таким образом, 522 год - самая ранняя возможная запись о времени, и это, скорее всего, слишком рано.

Но эта работа вообще не похожа на реестр одновременных событий. В таком сочинении самый праздный хроникер нашел бы, что сказать под каждым годом, и едва ли можно было не включить заметки либо о местных событиях, либо о великих событиях, представляющих общий интерес. Никто, однако, не скажет, что такая серия записей, как следующая с 501 по 601 год н.э., могла когда-либо составлять современную историю.

LVII. Annus. Episcopus Ebur pausat in Christo, anno cccl. ætatis suæ.

LVIII. Annus.

LXXI. Annus.

LXXII. Annus. Bellum Badonis in quo Arthur portavit crucem Domini nostri Jesu Christi tribus diebus et tribus noctibus in humeros suos, et Brittones victores fuerunt.

LXXIII. Annus.

LXXVI. Annus.

LXXVII. Annus. Sanctus Columcille nascitur. Спрашивает святую Бригиду.

LXXVIII. Annus.

XCII. Annus.

XCIII. Annus. Gueith Camlann, in qua[125] Arthur et Medraut corruere; et mortalitas in Brittannia et Hibernia fuit.

XCIV. Annus.

XCIX. Annus.

C. Annus. Dormitatio Ciarani.

CI. Annus.

CII. Annus.

КИИ. Annus. Mortalitas magna, in qua pausat Mailcun rex Genedotæ.

ГРАЖДАНСКИЙ. Annus.

CXIII. Annus.

CXIV. Annus. Gabran filius Dungart moritur.

CXV. Annus.

CXVII. Annus.

CXVIII. Annus. Колумчиль в Бретани уходит.

CXIX. Annus.

CXX. Annus.

CXXI. Annus. [Навигационная гильдия в Гибернии.]

CXXII. Annus.

CXXIV. Annus.

CXXV. Annus. [Synodus Victoriæ apud Britones congregatur.]

CXXVI. Annus Gildas obiit.

CXXVII. Annus.

CXXVIII. Annus.

CXXIX. Беллум Армтерид. [Inter filios Elifer et Guendoleu, filium Keidiau, in quo bello Guendoleu cecidet; Merlinus insanus effectus est.][126]

CXXX. Annus. Брендан Байрор dormитацио.

CXXXI. Annus.

CXXXV. Annus.

CXXXVI. Annus. Guurci et Peretur [filii Elifer] moritur.

CXXXVII. Annus.

XXXXXXX. Annus.

CXL. Annus. Bellum contra Euboniam, et dispositio Danielis Banchorum.

CXLI. Annus.

CXLIV. Annus.

CXLV. Annus. Conversio Constantini ad Dominum.

CXLVI. Annus.

CXLIX. Annus.

CL. Annus. [Эдильбертус в Англии рексит.]

CLI. Annus. Колумчиль моритур. Dunaut rex moritur. Agustinus Mellitus Anglos ad Christum convertit.

OTBET. Annus.

CLVI. Annus.

CLVII. Annus. Synodus Urbis Legion. Gregorius obiit in Christo. David Episcopus Moni judeorum.

Примечания, заключенные в квадратные скобки, отсутствуют в харлейской рукописи —одной из трех.

Годы отсчитываются от начала "Анналов", которое по обстоятельствам, не зависящим от текста, установлено в 444 году н.э. Следовательно,[127] lvii и clvii совпадают с 501 годом н.э. и 601 годом н.э. соответственно. Только в последней четверти десятого века записи заметно улучшились по полноте и частоте; вероятно, в этот период была составлена таблица, причем более ранние даты проставлены не потому, что они имели местное или общее значение, а потому, что они были известны автору. Таков, по крайней мере, вывод из стиля. Возможно, все

они были написаны в Житиях Святых. Они более или менее согласуются с Ирландскими анналами и, вероятно, в значительной степени взяты из тех же источников.

В *Кембриджских анналах* содержится мало фактов, имеющих непосредственное отношение к этнологии Великобритании, или их вообще нет, за исключением того, что существование литературного произведения данной древности является показателем цивилизации страны, к которой оно принадлежит.

Однако одна из его записей имеет косвенное отношение. Ценность Гильдаса зависит от времени, в которое он писал. Мы уже видели, что небольшой фрагмент его автобиографии сообщает нам, что он родился в год *Бадонской войны*. Дата этого события взята из Кембриджских анналов, 516 год н.э. Нет никаких оснований полагать, что это не точно.

Было бы хорошо, если бы такое сочинение, как *Кембрийские анналы*, называлось (тем, чем оно является на самом деле)[128] списком дат; поскольку слово *хроника* имеет опасную тенденцию порождать очень некритичную распущенность мышления. Его постоянно принимают за *регистр*; однако эти два вида композиции совершенно различны. То, что в таких учреждениях, как религиозные монастыри или общественные гильдии, должна существовать привычка вносить одновременные записи событий по мере их возникновения, подобно тому, как руководители приходов, каждый в порядке наследования, вносят данные о рождениях, смертях и бракосочетаниях своих прихожан, ни в коем случае не является невероятным. Но, с другой стороны, существует равная вероятность того, что ничего подобного не будет предпринято. Следовательно, когда произведение доходит до потомков в виде хроники или анналов, о его древности и ценности следует судить по его собственным достоинствам, а не в соответствии с какими-либо предвзятыми мнениями.

В механике *нет ничего сильнее самой слабой ее части*, и было бы неплохо, если бы подобную апофегму можно было распространить на критику таких сочинений, как Камбрийские анналы и Саксонская хроника. Было бы неплохо, если бы мы могли сказать, что в хронологических таблицах *ничего не было раньше самой последней записи*. В общих историях мы делаем это. Предполагается, что обычный историк всегда писал свою работу после даты последнего события, содержащегося в ней, — за небольшим исключением, сделанным только для тех авторов, чьи работы касаются одновременных[129] действий. Так же обстоит дело и с летописцем, чьи Анналы, более амбициозные по форме, чем простая хроника, подражают, подобно анналам великого римского историка, стилю изложения истории. Но это не так, когда уведомления переходят определенный предел и становятся короткими и скудными. Затем они предлагают сравнить их с приходской книгой или олимпийскими рекордами и полностью меняют их характер. Это уже не просто хронологические произведения, вышедшие из-под пера одного автора и относящиеся, вероятно, к какому-то одному поколению, последующему, в общем, за большинством описываемых в них событий, это произведения ряда авторов, каждый из которых является регистратором одновременных событий. Таким образом, неоправданная ценность придается произведениям, которые не имеют ничего общего с реестром, кроме формы.

Итак, если подлинных традиций мало, то настоящих реестров еще меньше. Однако в обоих случаях ложь облачается в одеяние истины, и в обоих случаях писатели демонстрируют равное отвращение к критике. Это вызывает сожаление; поскольку в девяти из десяти дошедших до нас хроник гораздо более очевидно, что их последние факты датируются более ранним

временем, чем автор, который их записывает, чем то, что самый ранний из возможных авторов мог быть современником первых зарегистрированных событий. Англосаксонская хроника может проиллюстрировать это. Она заканчивается во времена правления Стефана; и все же [130] автор даже последней страницы, возможно, был кем угодно, только не современником событий, которые она воплощает. Все начинается с вторжения Юлия Цезаря. О временном въезде — важнейшем элементе регистрации — здесь не может быть и речи.

Общее правило для сочинений такого рода, о котором идет речь, состоит в том, что они делятся на две части, первая из которых не может быть такой же древней, как описываемые события, вторая из которых может быть такой; и нам слишком повезло, когда удовлетворительные доказательства одновременного составления позволяют нам преобразовать возможное в вероятное, вероятное в определенное — *может* превратиться в *должно*. Даже когда это так, пропорции одновременных и некоемпоральных утверждений, как правило, неопределенны — вопрос *обольшем* или *меньшем*, который должен быть решен путем изучения конкретного рассматриваемого сочинения.

Каковы бы ни были другие достоинства *Кембрийских анналов*, они не претендуют на звание реестра в шестом веке — и, *тем более*, в пятом.

Этого нет и в Саксонской хронике. Мы заключаем это из того, насколько она соответствует Беде. Мы также выводим это, еще более определенно, из следующего отрывка — отрывка, который, если бы был сделан в том году, под которым он найден, был бы не записью, а пророчеством. [131]

595 г. н.э. — "В этом году Этельбрихт унаследовал королевство людей из Кента и владел им пятьдесят три года. В свое время святой папа Григорий послал нам крещение. Это было на тридцатом втором году его правления; и Колумба, служитель мессы, пришел к пиктам и обратил их в веру Христову. Они обитают у северных гор. И их король отдал ему остров, который называется Хи. На нем, как говорят люди, прекрасные участки суши. Там Колумба построил монастырь, и он был там настоятелем тридцать два года, и там он умер, когда ему было семьдесят семь лет. Это место до сих пор принадлежит его преемникам. Южные пикты были крещены задолго до этого; епископ Ниниас, получивший наставления в Риме, проповедовал им крещение, чья церковь и монастырь находятся в Хиверне, освященном именем святого Мартина; там он покоится со многими святыми мужами. Так вот, в Шотландии всегда должен быть аббат, а не епископ; и все шотландские епископы должны подчиняться ему, потому что Колумба был аббатом, а не епископом".

Подобные сообщения, которые невозможно без огромного количества необоснованных предположений считать одновременными, часто встречаются спустя долгое время после консолидации англосаксонской власти в Англии; но поскольку события пятого и шестого веков являются [132] единственными событиями этнологической важности, внимание к ним ограничено.

Валлийские поэмы, приписываемые бардам шестого и седьмого веков, не содержат фактов, которые могли бы стать частью наших дальнейших рассуждений. Их существование, конечно, является показателем интеллектуального уровня того времени (каким бы оно ни было), к которому они относятся. Но нам сейчас не до этого.

Что касается ценности ирландских анналов, то у историка гражданского общества гораздо более длинный список проблем, чем у этнолога; поскольку последнему нужны их свидетельства только по нескольким пунктам, *например*,: 1. Происхождение самих ирландцев; 2. родство пиктов; 3. миграция (реальная или предполагаемая) шотландцев. Это, по крайней мере, главные моменты. Конечно, можно найти и другие, такие как подробности, касающиеся датчан; но те, о которых идет речь, являются главными.

Что касается первого, то любой, кто прочтет[14] описание содержания самых ранних хроник, включающее, среди прочего, допотопного цезаря; высадку Партолана со своей женой Элгой на побережье Коннемары через двенадцать лет после Потопа, 14 мая; колонию о неймхидах, потомках Гога и Магога; Фирболгах из Фракии; Туата де Дананн из Афин;[133] и, прежде всего, знаменитых милезианцах, среди которых был Ниал, близкий друг Моисея и Аарона и муж Скоты, дочери фараона, вскоре убедится, что, за исключением небольшого веса, который, возможно, объясняется тем, какое место испанский полуостров занимает в нескольких легендах, вся масса исторических результатов настолько бесплодна, что критика была бы необоснованной. неуместно.

Но вопросы о пикте и шотландии находятся в другом затруднительном положении. Подобно римским и англосаксонским завоеваниям Британии, события, связанные с ними, могли произойти в пределах Исторического периода - при условии только, что этот период начался достаточно рано.

Насколько это может быть справедливо в отношении ирландских летописей - резонный вопрос.

Никто не утверждал, что любая существующая серия ирландских анналов, предшествовавшая времени самого раннего из дошедших до нас летописцев Тигернаха, жившего в одиннадцатом веке, современна событиям, которые в ней описываются, так что они имеют характер реестра; и, следовательно, их заслуга основана на более ранних записях, которые, как можно предположить, послужили их основой.

Это могут быть поэмы, генеалогии или хроники; можно допустить, что все они существовали. Как давно? В более или менее несовершенной форме с момента введения христианства. Является ли это[134] крайним пределом на пути античности? Вероятно; возможно, конечно. Из всех многочисленных стихотворных фрагментов, цитируемых летописцами, только один возвращает нас к языческому периоду, и даже это относится к году, последовавшему за введением христианства. Выдержка из "Анналов четырех Мастеров" выглядит следующим образом: 458 год н.э., через двадцать семь лет после первого прибытия Святого Патрика: "после того, как Лаогар, сын Ниала из Девяти Заложников, правил в Ирландии тридцать лет, он был убит в стране *Каисси* (?) между Эри и Олбином, *то есть*, двумя холмами в стране Фаолейн, и Солнце и Ветер убили его, ибо он осквернил их; откуда поэт поет -

"Лаогар М'Ниал умер в Каисси, зеленой земле,
элементы божественных вещей, клятвой, которую он нарушил, приговорили короля к смерти".

Генеалогии обычно содержатся в стихотворениях.

Что касается летописей, имеющих характер регистров, то язык дошедших до нас сочинений неблагоприятен. Они, конечно, упоминаются; но это всегда чье-то собрание чего-то до его

времени — никогда оригинальных документов того времени. Теперь составителем является Кормак Макартур, ныне Святой Патрик. Способ их упоминания в "Четырех учителях" следующий:—

266 год нашей эры был сороковым годом правления Кормака[135] Макартура Макконна в королевстве Ирландия, пока он не умер в Клете после того, как у него в горле застряла лососевая косточка из старых пророчеств, которые Мэлгон Друид произнес против него, после того, как Кормак выступил против друидов из-за его манеры поклоняться Богу без них. По этой причине дьявол (*Диавул*) искушал его (Малгенна) посредством подстрекательства, пока не стал причиной его смерти. Именно Кормак составил правила, которые должны соблюдать короли, манеры, дань уважения и рукоположения королей. Он был мудрым человеком в законах, а также в хронологических и исторических вещах, ибо именно он изобрел законы судебных решений и правильные принципы во всех сделках, а также в податях, так что существовал закон, который связывал всех людей вплоть до настоящего времени. Этот Кормак Макартур был тем, кто собрал "Хроники Ирландии" в одном месте, в Таре, пока не собрал из них "Хроники Ирландии" в одну книгу, которая была названа (впоследствии) "Псалтирь Тары". В этой книге были описаны события и совпадения королей Ирландии с королями и императорами всего мира, а королей провинций - с королями Ирландии".

Работа такого рода, достаточно возможная в Александрии, несомненно, нуждается в очень определенных и неопровержимых свидетельствах, чтобы сделать ее заслуживающей доверия как часть ирландской истории. Подлинно историческим фактом, содержащимся в отрывке, является существование книги[136] во времена Четырех Учителей, с христианским названием и языческим содержанием.

Нет необходимости предполагать что-либо, кроме существования ранних биографий первых распространителей ирландского христианства. Они, несомненно, существовали; иногда в прозе, иногда в стихах; и именно на них в основном ссылаются сами летописцы; о характере упоминаний которых можно судить по следующим выдержкам, относящимся к первому прибытию Святого Патрика.

"430 год н.э. — второй год Лаогара. В этом году папа Целестин впервые отправил епископа Палладия в Ирландию проповедовать ирландцам веру, и с ним прибыли двенадцать спутников. Нате, сын Гаршона, выступил против него. Однако в дальнейшем он крестил многих в Ирландии; и им были построены три деревянные церкви: Белая церковь, Дом римлян и *Домнах Арта (Доминика Альта)*. В Белой церкви он оставил свои книги и письменный стол с мощами Павла, Петра и многих других мучеников. Он также оставил в церквях после себя этих четверых, Августина, Бенедикта, Сильвестра и Солония, в то время как Палладий возвращался в Рим, потому что не нашел должной ему чести, когда болезнь охватила его в стране пиктов (*Круитнех*), и он умер там". — *Анналы четырех Учителей*. [137]

Снова—

431 год н.э. Четвертый год Лаогара. Патрик приехал в Ирландию в этом году и передал крещение и благословение ирландцам, мужчинам, женщинам, сыновьям и дочерям, за исключением тех, кто не пожелал принять от него крещение или веру, как повествует его жизнь (*ut narrat ejus vita*). Церковь Антрима была основана Патриком после того, как Фелим, сын Лаогара, сына Ниала, пожертвовал ее ему, Ломану и Фортчерну. Фланн из монастыря спел—

"Патрик, настоятель всея Ирландии, МаКкалфрейн, Макфотейд,
МаКдейсс, хранитель ложных показаний, Маккормак Мор, Маклибrait,
Макота, Макоррик Добрый, Макморис, Маклео из церкви,
Макмаксимус Скорбный, Макенкрет, Благородный, Прославленный,
МаКфилист Лучший из всех, Макферен Непорочный,
Макбритейн Знаменитый на море, откуда бритты, сильные на море,
Кочния, его мать Благородная, Немтор, его город Воинственный;
В Момонии ему не отказывают в уделе, который он приобрел по молитвам Патрика".

В школьных книгах о Божественных вещах можно найти остальную часть этого стихотворения, *т.е.* "О Мирабилибусе семейном патрицианском оратории".

Ценность, обусловленная серией Жизнеописаний Святых, может быть допущена к ирландским анналам после 430 г. н.э.; и отдельные события, без особого упоминания об их важности, - это то, что мы получаем из[138] них. Как только христианство вводит использование букв, мы видим наш путь к сохранению записей, и начинается зарождение истории.

Если летописи христианского периода почти полностью основаны на христианских записях, то в чем может заключаться авторитет еще более ранних исторических источников? Отдельного существенного доказательства существования ранних историков или ранних поэтов нет. Мы только предполагаем это из рассказанных событий. Мы также предполагаем событие из повествования; и, поступая таким образом, рассуждаем по кругу. Факт из утверждения, а утверждение из факта. Такое случается слишком часто.

Еще одно столетие древности можно выиграть, признав существование несовершенного христианства в Ирландии до времен Святого Патрика, хотя доказательства этого сомнительны. Летописи, предшествовавшие 340 году н.э., все еще будут актуальны. Они делятся на два раздела: невозможные, или опровергающие сами себя, и возможные. Последние охватывают более семи столетий, примерно с 308 года до н.э. по 430 год нашей эры. Первые восходят к Сотворению Мира, и сами местные летописцы отвергают их как ненадежные.

Ранние летописи рассматриваемого класса, которые сообщают нам о возможных событиях, если они вообще существовали, должны были быть на ирландском. Они также, должно быть, были более или менее известны королю Кормаку Макартуру. Они также подразумевают использование алфавита. Святой Патрик,[139] тоже, должно быть, знал их; как следует из следующего отрывка:—

438 г.
н. э.

"Десятый год Лаогара. История и законы Ирландии очищены и выписаны из старых сборников и из старых книг Ирландии, которые были собраны в одном месте по просьбе Святого Патрика. Это девять мудрых авторов, которые сделали это. Лаогар, король Ирландии, Коркк и Дайр, три короля; Патрик, Бенин, Бенигнус (Бенин) и Карнех, три Святых; Рос, Дубтах и Фергус, три историка, как старый дистих—

"Лаогар, Коркус, Дайр Суровый,
Патрик, Бенигнус, Карнек Мягкий,

Рос, Дубтах, Фергус, как известно, девять авторов Великой Истории".

Валлийский антиквар, возможно, заметит, что это сходство с Триадами подозрительно, и эта точка зрения может найти множество подтверждений в других местах.

Также не будет преувеличением сказать, что такие старинные поэмы, которые цитируются в связи с событиями второго и третьего веков, по-видимому, цитируются подобно тому, как средневековый писатель мог бы цитировать описание Италии Вергилием при Эвандере.

Записанные события, как правило, вероятны; но их нельзя считать реальными до тех пор, пока мы не найдем способ найти доказательства, с помощью которых они[140] могли бы быть переданы. Вероятное так же часто оказывается ложным, как истинное - невероятным. Во всех этих пунктах возникает вопрос о свидетельских показаниях.

Наиболее удовлетворительный взгляд на тот период ирландской древности, который одновременно предшествует введению христианства и следует за самыми ранними упоминаниями Ирландии греческими, латинскими и британскими авторами, заключается в том, что источниками по ее истории были сочинения, составленные за пределами Ирландии, но содержащие упоминания об ирландских событиях; в этом случае бритты и римляне написали об Ирландии больше, чем сами ирландцы. Это вывод, частично вытекающий из презумпций по делу, а частично из внутренних доказательств.

Причард вслед за Шэрон Тернер отметила, что легенда о Партолане встречается у Ненния.

Валлийское имя Артур, странное для Ирландии, за исключением рассматриваемого периода, занимает видное место в третьем веке.

Религия друидов, которая без каких-либо однозначных доказательств была ирландской, имела такое же значение в то же время.

The Фирболги и *аттехейты* также известны в это время, *но не позже*. Теперь *Белге* и *Аттакотти* можно легко почерпнуть у британских или римских авторов. Почва Ирландии, как только ее показатели улучшаются, перестает их поставлять.[141]

Это все, что необходимо для продолжения критики наших первых авторитетов британского, ирландского и саксонского происхождения, поскольку целью настоящего автора не является их ненужная дискредитация, а лишь выяснение, насколько они правомочны претендовать на окончательное решение определенных вопросов и на исключение критики. Ясно, что они могут быть приняты только тогда, когда им противостоит очень небольшое количество противоречивых невероятностей, когда речь идет о моментах, которые могут быть известны, и когда они свободны от нескольких элементов ошибки и путаницы. Практическое применение этого вывода будет рассмотрено в одиннадцатой главе.

СНОСКИ:

[12] В этом году Орозий завершает свою историю. Остается, насколько это возможно, столетие между последним из римских информантов и рождением первых британцев.

[13] Происхождение пиктов и скоттов.

[14] Т. iii, стр. 140-147.

[142]

ГЛАВА VIII.

АНГЛЫ ГЕРМАНИИ: ИХ СРАВНИТЕЛЬНАЯ НЕИЗВЕСТНОСТЬ.—ПРИМЕЧАНИЕ ТАЦИТА.—
ВЫДЕРЖКА ИЗ ПТОЛЕМЕЯ.—УСЛОВИЯ ПРОЖИВАНИЯ В РАЙОНЕ АНГЛА.—ВАРИНИ.—
РЕУДИНЫ И ДРУГИЕ ПОПУЛЯЦИИ ТАЦИТА.—САБАЛИНГИИ И ДР. ПТОЛЕМЕЯ.—СВЕВЫ
АНГИЛИ.—ЭНГЛ И ОНГЛ.—ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ РАЙОН АНГЛА.

Есть несколько групп населения, о которых, как о тихих и уединенных личностях, мы ничего не знаем, пока они не переедут; ибо в странах их происхождения они ведут своего рода спокойный образ жизни, который ускользает от внимания и описания и который, если бы не перемена привычек со сменой местности, поставил бы их в положение великих людей, живших до Агамемнона. Они прошли бы путь от развития до смерти своего отдельного существования незамеченными, и никто не знал бы, кем они были, где жили и каковы были их отношения. Но они переезжают в какую-нибудь новую местность, и тогда, подобно тем фруктовым деревьям, которые, чтобы быть плодовитыми, должны быть пересажены, бесшумный и незаметный уклад их первоначального образа жизни сменяется влиятельным и видным положением. Они занимают большое место в мировой истории. Иногда это происходит из-за абсолютного изменения характера с изменением обстоятельств; но чаще это происходит по более понятной[143] причине. Они переезжают из страны, недоступной историческим и географическим знаниям, в страну внутри нее; и, сделав это, они находят писателей, которые наблюдают и описывают их просто потому, что они попали в поле наблюдения и описания.

Не нужно большого напряжения воображения, чтобы представить себе, как некоторые из более сильных племен ныне неизвестных частей Центральной Африки проникают так далеко на юг, что достигают Капской провинции, когда они попадают в сферу наблюдения европейцев. На этом основании они могут сыграть заметную роль в истории; достаточно заметную, чтобы ее заметили историки, миссионеры и журналисты. Они могут даже составить материал для синей книги. Несмотря на все это, однако, о них узнают только в последние дни их истории. Чем они были в своих первоначальных владениях, может остаться тайной; и это даже тогда, когда будут исследованы те части, где они находились. Ибо вполне возможно, что между появлением такого населения в местности за пределами их собственного неисследованного дома и последующим открытием этой ранее малоизвестной области оставшаяся часть — родительская часть - могла потерять свою национальность, свой язык, свою местность, свою независимость, свое название - любую из своих характеристик. Возможно, останется только название с неясным указанием местности;[144] имя, известное благодаря славе своей новой страны, но неясное и даже двусмысленное на своем отечестве.

Насколько истинны венгерские маджиары, известно только из того, что они были в Венгрии. И все же они не уроженцы этой страны. Они пришли из краев за Уральскими горами, и когда мы посещаем те края и спрашиваем об их исконной родине, мы не находим ни такого названия, ни такого языка, ни такой национальности, как у маджиаров. Вместо этого мы находим башкир или

что-то столь же отличное. Но к северу от старой страны маджияров — теперь уже не маджиар — мы находим черты маджиар; другими словами, мы находимся среди двоюродных братьев венгров, потомков не точных предков завоевателей Венгрии, а населения, наиболее близкого к таким предкам. И именно в них мы должны изучать маджиара до того, как он стал европейцем. Прямые потомки одних и тех же родителей исчезли, но побочные ветви семьи сохранились; и их мы изучаем, *предполагая, что семейное сходство существует.*

Все это было написано на примере случая недалеко от дома. Маджиар уральских дебрей, Маджиар Яика и Оби, Маджиар, короче говоря, Азии, не более темен, неизвестен и неважен по сравнению с соотечественниками[145] Хуньядеса, Запольи и Кошута, чем Угол Германии по сравнению с Углом Англии, Угол большого континента по сравнению с Углом маленького острова. Когда мы говорим, что первое названо Тацитом, Птолемеем и несколькими другими менее важными авторами, мы сказали все. Есть название, и мало что еще помимо этого. Что знает самый образованный этнолог о народе под названием *эвдосы*? Ничего. Возможно, он размышляет о замене буквы и воображает, что, добавив префикс *Ph* и вставив *n*, он сможет преобразовать название в *Phundusii*. Но что он знает о фундузианцах? Ничего; за исключением того, что, исключив *ph* и опустив *n*, он может свести их к *Эвдозам*. Затем идут *авионы*, которых из-за упущения и неприятия мы можем отождествить с *оби*, о которых мы мало знаем, а также преобразовать в *Кобанди*, о которых мы знаем меньше. *Реудиньи* — какой свет исходит от них? *Nuithones* — что из этого? *Суардоны* — что из этого? Теперь, не будет преувеличением, если мы скажем, что, если бы не завоевание Англии, германские англы были бы известны этнологам так же, как *авионы*, т.е. очень немногочисленны; что, подобно *эвдозам*, им, возможно, изменили само их название; и что, подобно *суардонам* и *реудиньи* и *нуитонам*, они могли бы быть чем угодно[146] или ничем в смысле этнологическая близость, историческое развитие и географическое положение.

Это истинный случай. Девять десятых того, что известно об англы Германии, известно из единственного отрывка, и каждое слово в этом единственном отрывке, применимое к англы, применимо также к *Eudoses*, *Aviones*, *Reudigni*, *Suardones* и *Nuithones*.

Отрывок, о котором идет речь, является 40—м разделом "Германии" Тацита и заключается в следующем:-

"Contra Langobardos paucitas nobilitat: plurimis ac valentissimis nationibus cincti non per obsequium sed praeliis et periclitando tuti sunt. Reudigni, deinde, et Aviones, et Angli, et Varini, et Suardones, et Nuithones fluminibus aut sylvis muniuntur; neque quidquam notabile in singulis nisi quod in commune Hertham, id est, Terram Matrem colunt, eamque intervenire rebus hominum, invehì populis arbitrantur. Est in insula Oceani castum nemus, dicatum in eo vehiculum, veste contextum, attingere uni sacerdoti concessum. Is adesse penetrali deam intelligit, vectamque bobus feminis multa cum veneratione prosequitur. Læti tunc dies, festa loca, quæcunque adventu hospitioque dignatur. Non bella ineunt, non arma sumunt, clausum omne ferrum; pax et quies tunc tantum nota, tunc tantum amata, donec idem sacerdos satiatam conversatione[147] mortalium deam templo reddat: mox vehiculum et vestes, et si credere velis, numen ipsum secreto lacu abluitur. Servi ministrant, quos statim idem lacus haurit. Arcanus hinc terror, sanctaque ignorantia, quid sit id, quod perituri tantum vident."

Давайте зададимся вопросом, что мы получаем из этого отрывка, *взятого самого по себе, то есть*, без света, проливаемого на него нынешним существованием потомков англов как англичан Англии.

Мы получаем свидетельство хорошего писателя о том, что шесть народов, которые он считал в достаточной степени германскими, чтобы включить в свою *Германию*, находились достаточно далеко к северу от германцев, которые непосредственно соприкасались с Римом, чтобы быть кратко и несовершенно описанными, и достаточно близко к морю, чтобы часто бывать на острове, поклоняющемся богине с немецким именем и некоторыми замечательными атрибутами. Это максимум, что мы получаем; и чтобы получить это, мы должны закрыть глаза более чем на одно осложнение.

а. Таким образом, страна, которую наиболее обоснованно можно отнести к *варини*, в десятом веке была страной *варнавов*, которые не немцы, а славяне.

б. Другое прочтение, вместо *Хертема*, - *Нертум*, название, менее явно германское.

Все, что мы узнаем помимо этого, — это из их последующих историй; и из этих последующих историй[148] есть только одна - *англоязычная* или *английская*. Тогда действительно, можем ли мы сказать, что англы Германии известны только по их *связям с англами Англии*.

Давайте исследуем географические и этнологические условия жизни англов Тацита; и сначала в отношении их географии.

1. Они должны быть размещены как можно дальше к северу от Везера; потому что территория, необходимая для херусков, фоси, часуариев, дульгубини, чамави и ангривариев, должна быть перенесена в определенной степени на север; а рассматриваемые популяции лежат за их пределами.

2. Их не следует относить слишком далеко к северу от Эльбы. Причины этого менее убедительны. Они заключаются, однако, в том, что *Ptolemy's notices placing them in a decidedly southern direction; and, as Tacitus has left their locality an open question, the evidence of even a worse authority than Ptolemy ought to be decisive,—"of the nations of the interior the greatest is that of Suevi Angili*, которые являются самыми восточными из лонгобардов, простирающихся на север до средней Эльбы". Тот же автор не позволяет нам размещать их в Гольштейне и Шлезвиге, заполняя полуостров другими народами, кроме англов, одним из которых является саксонское. Но этих саксов мы не вправе отождествлять с англами Тацита, потому что, поступая таким образом, мы отделяем[149] их от более явно связанных с ними *англов* Птолемея. Птолемей проводит различие между ними и пишет, что "после хавков на перешейке Кимврийского Херсонеса пришли саксы, за саксами дошли до реки Халусус, до Фародини. В самом Херсонесе, помимо саксов, на западе простираются сигулоны, затем сабалингии, затем кобанди, над ними чали, затем над ними, но больше к западу, фундусии; дальше к востоку чаруды и больше всего к северу кимвры".

3. Они, должно быть, не подходили совсем к морю, поскольку мы видели у Птолемея, что хавки и саксы соединились, а поскольку саксы находились на перешейке полуострова или в юго-восточной части Гольштейна, хавки, должно быть, располагались между Англами и морем, однако, вероятно, на очень узкой полоске побережья.

4. Они, должно быть, не продвинулись на восток намного дальше границ Лауэнбурга и Люнебурга, поскольку, как только мы получаем определенные исторические сведения об этих странах, они становятся *славянскими*— и, что бы ни говорили об обратном, нет никаких свидетельств того, что это славянское заселение было недавним.

Эти условия дают нам северную часть королевства Ганновер в качестве исходной Угловой области.

Их этнологическое сходство проще. Они[150] говорили на языке, который впоследствии стал англосаксонским Альфреда и английским Мильтона. В этом мы видим первую и наиболее определенную из их отличительных черт — характеристик, которые отличали их от тесно связанных херусков, чамави, ангривариев и других менее значительных народов.

Их религиозный *культ*, по крайней мере, в той мере, в какой поклонение *Матери—Земле* на Священном острове, был связующим звеном, которое связывало англов с населением к северу, а не к югу от них; и - насколько мы можем судить по негативному факту отсутствия Углов в великой конфедерации, которую энергия Арминия сформировала против агрессии Рима, — их политические отношения делали то же самое. Но это неопределенно.

Такова была предполагаемая территория древних Англов Германии, и она настолько хорошо согласуется со всеми этнологическими условиями населения вокруг, что не следует возражать против нее или уточнять ее на незначительных основаниях. Двумя разновидностями немецких языков, к которым англосаксонский имел наиболее тесное отношение, были древнесаксонский и фризский, и каждый из них стал схожим с ним благодаря узнаваемости рассматриваемой территории — древнесаксонский на юге, фризский на западе и, вероятно, также на севере. Это также область, которая не является ни излишне большой, ни абсурдно[151] маленькой; область, которая предоставляет своим жителям судоходные участки двух таких рек, как Эльба и Везер; область, которая ставит их в необходимую связь с их Священным островом (островом, который, как мы пока предполагаем, является Гельголандом); и, наконец, та, которая, не являясь в точности ближайшей частью континента, выходит на Британию и хорошо расположена для спуска к британскому побережью.

В течение третьего, четвертого и пятого веков мы ничего не слышим об англах. Они вновь появляются в восьмом. Но тогда это Углы Беды, Углы Британии, а не Германии, Углы новой местности и завоеванной страны, а не родительской ветви на ее первоначальной континентальной родине. Об этих последних история Беды говорит очень мало. Как и история любого другого писателя; на самом деле, не будет преувеличением сказать, что у них вообще нет достоверной, подробной и последовательной истории, ни ранней, ни поздней, ни во времена Беды, когда впервые описываются уголки Англии, ни во времена любого последующего писателя. Для этого есть причины; как будет видно, если мы обратимся к их географическому положению и отношениям между ними и соседним населением. Англы Германии находились слишком далеко на севере, чтобы соприкасаться с римлянами. О том, что мы не встретили англов в великой Арминиянской конфедерации, уже говорилось. Когда римляне были[152] агрессорами, англы были вне пределов их амбиций. Когда римляне находились в обороне, англичане были за пределами возможностей для нападения.

Все попытки проиллюстрировать историю углов Германии посредством истории народов, упомянутых в связи с ними Тацитом, являются *обскуром обскуруса*. Это нечто большее. Связь

создает трудности. Лангобарды, давшие свое название Ломбардии, были кем угодно, только не англom, поскольку их язык был диалектом верхненемецкого дивизиона. Следовательно, если мы связываем их с нашими собственными предками, мы должны предположить, что, когда они изменили свое местоположение, они изменили и свою речь. Но в таком предположении нет необходимости. Все, что мы узнаем из текста Тацита, это то, что они находились в географическом соседстве с реудини и т.д.

Варини находятся в другом затруднительном положении. Они упоминаются в настоящем тексте наряду с английскими, и они также упоминаются в заголовке свода законов, относящегося к десятому веку. Каждое имя в этом последнем документе сопряжено с трудностями.

Зарождать английский язык и верность, особый для Тюрингии.—Было бы странно найти англичан самих по себе в Тюрингии. Значит, нужно было бы найти *Верини*. Но обнаружить, что эти два явления объединены[153], чрезвычайно озадачивает. Я предполагаю вероятность существования военных колоний, заселенных некоторыми из более ранних преемников Карла Великого, если не самим Карлом Великим. Есть и другие толкования; но это кажется наиболее вероятным. Вполне вероятно, что варини и англи были соседними народами во времена Тацита, соединявшимися друг с другом на Нижней Эльбе, как они соединяются друг с другом в его тексте. Также вероятно, что, когда их соответствующие области были завоеваны, каждая из них должна была поставлять завоевателю элементы колонии.

В то же время я не думаю, что их этнологические отношения были одинаково близкими. Варини, как я полагаю, были славянами. Сделать это нетрудно. Единственная трудность заключается в выборе между двумя славянскими популяциями. Адам Бременский помещает племя, которое он иногда называет *варнаби*, а иногда *варнахи* (Гельмольдус называет его *варнави*), между рекой Гавел в Бранденбурге и оботритами Мекленбург-Шверина. Он упоминает их также в связи с *линонами* из Лун-ебурга. Теперь это свидетельство фиксирует их в частях, относящихся к нынешнему району *Варноу*, на Эльде, местности, которая дополнительно подтверждается двумя картами второй половины двенадцатого века — "силва спрашивает судьбу земель Гавельера, скилисета и Мурица, а затем террам, где живет Муриц"[154] и до конца жизни на земле *Варноу* *ex utraque parte fluminis quod Eldene dicitur usque ad castrum* Грабоу." Also—"distinguit tandem terram Moritz et Veprouwe cum omnibus terminis suis ad terram quæ *Warnowe* vocatur, includens et terram *Warnowe* cum terminis suis ex utraque parte fluminis quod Eldena dicitur usque ad castrum quod Grabou vocatur." Таково одно из более поздних поселений в низовьях Эльбы, которое может претендовать на то, что представляет варини Тацита.

Но название появляется снова. В Жизнеописании епископа Отто остров Рюген называется *Верания*,[15] а население *верани* — известные своим язычеством. Примирить эти два разделения населения Мекленбурга - вопрос для славянского археолога. Между ними мы получаем некоторый свет для этнологии варини. *Их* остров - *Рюген*, а не Гельголанд. Остров, однако, который лучше всего подходит англичанам, - это *Гельголанд*, а не Рюген. Который из них который? Уже была выдвинута следующая гипотеза. "Что, если бы у варини был один *святой остров*, а у англи другой — так что *священных островов* с их соответствующей *кастой немора* было бы два?" Я утверждаю, что писатель, не располагающий лучшими средствами познания точной истины, чем Тацит, мог бы в таком случае, когда он признал[155] *островной* характер, общий для двух форм *культы*, легко и простительно отнести их к одному и тому же

острову; другими словами, он мог бы знать общий факт, что *англи* и *варини* поклонялись на острове, не зная конкретного факта наличия у каждого из них отдельного культа.

Это то, что произошло на самом деле; так что гипотеза такова:—

а. Истинно и несомненно германским *англичанам* поклонялись на Гельголанде.

б. Вероятно, славянскому *Варини* поклонялись на острове Рюген.

с. *Святой остров* Тацита — это англо-

г., с которым неточно ассоциируются *Варини*—

е. Источник неточности заключается в том факте, что у этой нации есть *святой остров*, отличный от острова Англов, но не известный как таковой.^[16]

Теперь мы имеем в тексте Тацита англов как германцев, а варини - как славян. Лангобарди пока можно оставить незамеченным. Но вокруг какого из этих двух племен следует сгруппировать остальные: реудины, авионы, эвдосы, суардоны и нуитоны.

Реудины.—Независимо от того, представляем ли мы латинскую^[156] форму перед нами для обозначения такого слова, как немецкий *Reud-ing-as*, или славянский *Reud-inie*^[17] (для любого из которых это может быть эквивалентом), два последних слога являются флексивными; первый принадлежит только корню. Слог *Reud* как составной элемент встречается в исландских сагах, хотя и неизвестен ни одному латинскому автору, кроме Тацита. Кем бы ни были готы Скандинавии, они делились более чем на один класс. Были, например, простые *готы* с *Готской земли*, *островные готы* с *земли Эй-гота*, *в-третьих, готы* с *земли Рейд-гота*. Где это было? Рейдготаленд - старое название *Ютландии*. Рейдготаленд - это также название страны к востоку от Польши. Зевс^[18] хорошо предполагает, что эти противоречивые факты можно согласовать, рассматривая приставку *Рейд* для обозначения готов *Континента* в противовес слову *Эй*, обозначающему готов с *островов*; оба являются грозными и важными нациями, оба находятся в политических и военных отношениях с Датчане, шведы и норвежцы, и оба они не германцы.

В Песне Путешественника встречается более примечательное соединение: *Хрет-король*—

Он вместе с Эльхильд,
Верной ткачихой мира,
^[157]Впервые
Из *Hreth*,
короля
,Искал дом к,
Of Eormenric,
Эорменрика,, яростного нарушителя веры.....

Итак, хотя обычные представления о местонахождении великой готской империи Германриха скорее опровергаются, чем подтверждаются этим отрывком, отношение между *хретами* и

онглом такое же, как между *реудиньи* и *англи*. Нет недостатка и в других фактах, которые перенесли бы правление Германрика так далеко на север, как на широту Англии, хотя, возможно, и не так далеко на восток. Говорят, что его смерть была вызвана восстанием *двухрохсаланских* принцев. Теперь *рохсалани* были, по крайней мере, так же далеко на севере, как *англы*, как бы далеко они ни простирались на восток.

Но в том же стихотворении мы встречаем название в простой форме *Hræd*; ибо, если мы вспомним, что одно из исландских упоминаний о Рейдготаланде гласит, что оно находится к *востоку от Польши*, мы можем справедливо заключить, что Рейдготаланд был страной народа, упомянутого в следующем отрывке:—

Эдвина я искал и Эльзу,
Эгельмунда и Хунгара,
И гордое воинство
С-Миргингов;
Вульфа я искал и Вирн Здесь;
[158]Full oft war ceas'd not there,
When the *Hræds'* army,
With hard swords,
About *Vistula's* wood
Had to defend

леса У Вислы, Должна была защищать Свою древнюю родину От народа
Этла.....

Таким образом, тот слабый свет, который можно пролить на *реудиньи* Тацита, разъединяет их с *англами* как географически, так и этнологически, связывая их с *пруссами* и помещая их в *Низовьях Вислы*.

Авионы.—*Aviones* либо неизвестны истории, либо известны под слегка измененной формой *Chaviones*. Максимиан побеждает их около 289 г. н.э. Его панегирист Мамертинус связывает их с *герулами*. Возможно, *Обии* - это одни и те же люди. Если это так, то они пересекают Дунай вместе с *лангобардами*, и об этом упоминает Петрус Патриций.

На *Эвдосов* можно будет обратить внимание, когда мы рассмотрим список Птолемея.

Так же поступят и *Суардоны*.

На *Nuithones*.

Помимо *саксов*, которым будет посвящена особая глава, в списке Птолемея есть:—

1. *Сигулоны*. Саксы располагались к северу от Эльбы, на перешейке Херсонеса, а [159] *сигулоны* заняли сам Херсонес, к западу. Две популяции, таким образом, размещенные между Атлантикой и Балтикой, непосредственно к северу от Эльбы, оставляют друг для друга очень мало места.

"Затем, — пишет Птолемей, - приди...

"2. *Сабалингии*.—тогда—

"3. *Кобанди*.—над ними —

"4. *Чали*.— а над ними, но больше к западу —

"5. *Фундузии*.— дальше к востоку —

6. *Чаруды*.— и самые северные из всех —

"7. *Кимвры*."

8. *Фародини* находились рядом с саксами, между реками Халусус и Суэбус.

География Тацита неясна; география Птолемея сложна. Один хочет света. Другой приводит нам противоречивые факты. Ни одна из попыток примирить их не увенчалась успехом. Первое, что бросается в глаза, - это разница имен у двух авторов. У Тацита нет Сигулонов и Сабалингов. У Птолемея нет Нуитонов и Реудиньи. Кроме того, существует чрезвычайно северное положение, которое последнее придает кимврам. Его чаруды также нельзя отделить от харудов Цезаря. Тем не менее, их территория находится на неудобном расстоянии от места боевых действий во время вторжения в Галлию под командованием Ариовиста, частью армии которого были харуды. Река Халусус обоснованно[160] считается Травой. Но Суэбус - это не Одер; хотя их часто отождествляют: поскольку географ продолжает утверждать, что после Фародини идут "сидини до реки Ядуа" (Одер?), "а за ними Рутиклеи до самой Вислы".

Зевс позволил себе упростить некоторые детали, отождествив некоторые имена Птолемея с именами Тацита. Таким образом, он думает, что, предположив, что первоначальным словом было ΣφάρóΔ-ονοι, буквы ΦάρóΔiv-οι и *Suardon* можно сделать одинаковыми. *Кобанди*, по его мнению, тоже можно свести к *Чавионес* или *Авионес*. В-третьих, с помощью префикса Φ и вставки N, *Eudos-es* может быть преобразован в ΦουνδοῦΣ-ιοι.

Те, кто знает, до какой степени современные немецкие филологи руководствуются доктриной о том, что *Правда страннее вымысла*, и с помощью несравненных манипуляций приводят так называемую железную систему научных изменений букв к результатам столь же экстраординарным, как у кельтских и древнееврейских мечтателей прошлого века, не увидят в подобных сравнениях ничего экстраординарного. Напротив, они отдадут им должное за то, что они были умеренными. Так оно и есть: ибо чрезвычайно вероятно, что в то время как Тацит получил свои имена из немецкого языка, Птолемей получил свои из кельтских, или славянских, источников; и если это так, то допустима очень значительная широта.[161]

Тем не менее, даже если мы сделаем кобанди Авионами; фундузиев эвдосами; и фародини Суардонами (вероятно, также *Свордвереиз* Песни путешественника), географические трудности все равно будут значительными. Саксов на перешейке Херсонеса (скажем, в Стормаре) и сигулонов (скажем, в Гольштейне) к западу от них вполне достаточно, чтобы простираться от моря до моря; но за ними (и мы должны предположить, что это в *западном* направлении) находятся Сабалингии, а затем Кобанди; выше (к северу) от них Чали (который, как мы должны ожидать, соединен с рекой Халусус), а к западу от них - Фундузии. Подобные осложнения могут быть легко добавлены.

Значение слова *сабалингии* объясняется, если мы можем предположить небольшое изменение в прочтении. Насколько это закономерно, могут определить критики-исправители; но при транспонировании В и L слово становится *Sa-lab-ingii*. Славянский - это язык, который объясняет это.

1. Славянское название *Эльбы* — *Лаба*; и-

2. Славянским для *трансальбийцев*, как термина, обозначающего население за *Эльбой*, было бы *Sa-lab-ingii*. Это соединение является распространенным. Финнов Карелии называют *За-волок-ян*, потому что они живут за *волоком* или *водоразделом*. Приднепровских коссиков называют *За-пороговыми*, потому что они живут за *порогом* или *водопадом*. [162] Население, о котором идет речь, я полагаю, называлось *Са-лабинцами*, потому что они жили за *Лабой*, или *Эльбой*.

Теперь название, близкое к *салабингийскому*, на самом деле встречается в начале исторического периода. Население герцогства *Лауэнбург* (тогда) является славянским. То же самое относится и к юго-восточной Гольштейне; поскольку саксонская территория начинается с округа *Стормар*. То же самое относится и к *Люнебургу*. И название этих славян *Эльбы* - *По-лабинги* (на *Эльбе*), точно так же, как *По-мрдания* - это страна на берегу моря. Таким образом, из *по-лабингийцев* *са-лабинги* были частью, принадлежащей к той стороне *Эльбы*, к которой племя, использовавшее этот термин, не принадлежало. Таковы причины считать это название славянским.

Таким образом, существуют конкретные основания, более или менее ценные, для отделения англов, по крайней мере, от следующих популяций — *варини*, *реудини*, *эвдозы*, *фундузии*, *суардоны*, *фародини* и *сабалингии* (*Salabingii*?); действительно, *сигулоны* и *харуды*, по-видимому, единственные немцы из двух списков. Первый, я думаю, был скорее *фризским*, чем *англосаксонским*, второй - *древнесаксонским*, *Saxon rather than Anglo-Saxon*; for, notwithstanding some difficulties of detail which will be noticed in another chapter, the *Charudes* must be considered the Germans of the *Hartz*..... Сигулоны, столь определенно расположенные к западу [163] от саксов, вероятно, были *нордальбингами* из *Холсатии*. [19]

Последнее осложнение, на которое следует обратить внимание, содержится в следующем отрывке из *Птолемея*. "Но из внутренних народов, расположенных далеко в глубине страны, самыми крупными являются *свевы ангейли*, которые находятся к востоку от *Лонгобарди* и простираются на север до средних частей реки *Эльбы*, *свевы семноны*, которые, когда мы покидаем *Эльбу*, простираются от вышеупомянутых (средних) частей на восток, до реки *Суэбус*, и до *Бугунты*, следующей за ней". последовательно, простираясь до *Вислы*". — Lib. ii. c. xi.

Эта связь англов со *свевами* требует внимания, хотя и не должна вызывать каких-либо серьезных затруднений. Термин *свевы*, или *Свевия*, используется в очень широком значении, обозначая обширные территории к востоку от более известных районов *Германии*; и в подобном смысле его используют и *Тацит*, и *Цезарь*. В представлении о какой-либо конкретной связи *свевами* *Швабии* нет необходимости.

Уже говорилось, что в "*Песне путешественника*" королевство *Германрик* расположено к востоку от *Онгле*. Либо это означает, что одна страна находилась к востоку от другой, подобно тому, как *Венгрия* находится к востоку от *Рейна*, либо непризнанное [164] расширение должно быть предоставлено одной из двух областей.

В одной из частей рассматриваемого стихотворения форма не *Онгл* а *английский*—

"Середина Эгода была у меня, середина была у Свифума —
С *Энглсом* я был и со *свевами*". —Строка 121. -----

Результатом предыдущей критики является...

1. Что англы Германии отличались использованием той формы речи, которая впоследствии стала англосаксонской, от славян юго-восточной Гольштейна, Лауэнбурга, Люнебурга и Альтмарка, от старых саксов Вестфалии и от фризов морского побережья между Эмсом и Эльбой, населявших, за только что упомянутыми исключениями, северные две трети нынешнего королевства Ганновер.

2. Что они были единственными представителями определенной части немецкого населения, к которой они принадлежали, т.е. части, использующей англосаксонскую, а не старосаксонскую речь.

Их отношения к населению Кимврийского Херсонеса станут предметом следующей главы.

СНОСКИ:

[15] Zeuss ad vv. *Ругиани*, *Варнаби*.

[16] Из "Германии Тацита с этнологическими заметками".

[17] Как общее правило, я считаю, что сочетание *-ing*, представляет собой немецкое, сочетание *-ign* славянское, слово.

[18] В v. *Юте*.

[19] См. [Главу ix](#).

[165]

ГЛАВА IX.

САКСЫ—ИЗ ВЕРХНЕЙ САКСОНИИ—ИЗ НИЖНЕЙ ИЛИ СТАРОЙ САКСОНИИ.—
НОРДАЛЬБИНГИЙЦЫ.—САКСЫ ПТОЛЕМЕЯ.—СОВРЕМЕННОЕ И ДРЕВНЕЕ НАСЕЛЕНИЕ
ШЛЕЗВИКА-ГОЛЬШТЕЙНА.—СЕВЕРО-ФРИЗЫ.—ВЕРОЯТНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ
САКСОН.—МАЛЕНЬКИЙ САКСОНИКУМ.—САКСЫ БАЙОКАССИНИ.

Английскому этнологу приходится иметь дело с определенной частью тех многочисленных германцев, которые, находясь в разной степени родства друг с другом, были известны в разное время под именем *саксонцев*; имя, которое ни в коем случае не имеет единообразного значения, имя, которое носили все до единого подразделения тевтонской семьи, за исключением собственно готов. В настоящее время, однако, он знает только, что графства *Essex*, *Sussex* и *Middlesex* являются территориями восточных *саксов*, южных *саксов* и *Middlesex* соответственно; что в шестом и седьмом веках существовало Королевство Западно-пола, или Западных *саксов*; что *англ* и *саксонский* были почти взаимозаменяемыми терминами; и что

англо-саксонский - это название английского языка на его древнейшей известной стадии. Как эти названия стали почти синонимами или как некоторые юго-восточные графства Англии и немецкое[166] Королевство *на границе с Богемией носят столь похожие названия, как сус-сексисаксонский-они*, - это вопросы, которые ему еще предстоит решить.....

Германское королевство Саксония может быть уничтожено первым. Главным образом по названию оно имеет какое-либо отношение к саксонским частям Англии. В языке и крови есть множество различий. Первоначальным населением были славяне, которые начали вытесняться немцами с левого берега Заале еще в седьмом веке; возможно, и раньше. На языке этих славонцев говорили в окрестностях Лейпцига еще в четырнадцатом веке, и в настоящее время два населения в Силезии и Лужице все еще сохраняют его — сербское и сербские. Сораби, Мильчени, Сьюсли и Лусичи - так назывались эти популяции во времена Карла Великого; а еще раньше они были включены в великое название Семнонес. Только потому, что они были завоеваны из той части Германии, которая называлась *Саксония* или *Саксенланд*, или же потому, что на их территории были основаны многочисленные колонии ранее угнетенных саксов Нижнего Везера, за ними закрепилось их нынешнее название. Славяне по крови и верхненемецкие по языку, саксы Верхней Эльбы, или саксы Верхней Саксонии, лишь отдаленно связаны с предками англосаксов Британии.[167]

По крайней мере, в Верхней Саксонии это название не является местным.

Нижняя Саксония была страной на *Нижней* Эльбе, а также на *Нижнем* Везере, и до распространения названия на районы вокруг Лейпцига и Дрездена была известна просто как *Саксония*, или Земля саксов; по крайней мере, определяющее прилагательное *Нижний* не входило в это обозначение. *Саксония* - так ее называли франки-Меровинги, а также сменившие их карловинги. Однако неизвестно, называла ли так себя какая-либо часть *коренных* народов. Во второй половине VIII века он делится на три части, две из которых обозначены географическими или политическими обозначениями, а одна - названием коренного населения.

Нынешний район *Западная* фалия был одним из них; его жителей называли *Западные* фалахи, *Западные* фалаи, *Западные* фали. Это были саксы с Рейна. В отличие от них, *восточные* фалийцы (*Ост*-фалаи, *ост*-фалахи, *ост*-фали, *Остер*-леуди, *Остр*-леуди, *Ост*-Ост--расии) простирались к Эльбе.....

Между ними, потомками *ангри*-вариев Тацита и предками нынешних германцев, проживающих в окрестностях *Энгерна*, лежат *Angr*-арии, или *Ang*-arii.

Неизвестный поэт восьмого века, но[168] тот, чьи чувства указывают на саксонское происхождение, так сетует на вырождающееся состояние своей страны:

"Generalis habet populos divisio ternos,
Insignita quibus Saxonia floruit olim;
Nomina nunc remanent virtus antiqua recessit.
Denique *Westfalos* vocitant in parte manentes
Occidua; quorum non longe terminus amne
A Rheno distat? regionem solis ad ortum
Inhabitant *Osterleudi*, quos nomine quidam
Ostvalos alii vocitant, confinia quorum

Infestant conjuncta suis gens perfida Sclavi.
Inter predictos media regione morantur
Angarii, populus Saxonum tertius; horum
Patria Francorum terris sociatur ab Austro,
Oceanoque eadem conjungitur ex Aquilone."

Завоевание Карла Великого является причиной того, что язык стал таким ворчливым; ибо, в отличие от Верхней Саксонии, Саксония Нижнего Везера, Саксония ангривариев, Вестфалии и Остфалии, действительно была родиной древнего и героического *германского* населения, населения, которое при Арминии сопротивлялось Риму, населения, произошедшего от чамави, дульгубини, фоси и херуски Тацита, и, наконец, населения, чье ближайшее окружение было разрушено. и самое близкое родство было с ганноверскими англами и фризами Фрисландии, а не с хаттами из Гессена или франками династии Карловингов.

Насколько далеки эти саксы от *Sus-пола*, *Es-секса*, [169] и среднего *пола*? Только постольку, поскольку они были Углами; и, за исключением частей близ Эльбы, они были иными, чем Угол. Это мы знаем из их языка, на котором до нас дошли Евангельская гармония в аллитерационном размере, фрагментарный перевод Псалмов и героическая рапсодия под названием "Хильдубрант и Хатубрант".

Обычно считается, что частями, где говорили на диалектах этих конкретных образцов, были окрестности Эссена, Клеве и Мюнстера; и, хотя вестфальский саксонский язык тесно связан с англосаксонским языком Англии, он все же представляет собой заметно отличающуюся форму речи. Это был язык англ в его южной разновидности, или (меняя выражение) англ был самой северной его формой.

Мы видели, что *Саксония* и *саксонский* не были исконными терминами на Верхней Эльбе. Были ли они такими на нынешней территории — в Вестфалии, Истфалии и земле ангривариев? Тацит вообще не знает такого названия, а Птолемей, первый писатель, у которого мы его находим, приписывает его населению Кимбрийского полуострова. Впоследствии, в третьем и четвертом веках, римские и византийские авторы применяли его в общем смысле к тем германцам-морякам, чьи пиратские набеги были самыми смелыми и чьи нападения на провинции Галлии и Британии вызывали наибольший страх. И все же нигде мы не можем найти определенного участка страны [170], на который мы могли бы указать пальцем и сказать, что *это земля саксов*, за исключением лишь незначительного района к северу от Эльбы, упомянутого Птолемеем. Со времен Гонория и до Карла Великого *саксон*, как и *Франк*, был общим термином, действительно применявшимся к приморским германцам, а не к жителям внутренних районов, и к германцам севера, а не юга, но нигде конкретно не привязанным к какому-либо определенному населению с местным местом жительства и соответствующим названием. Всякий раз, когда мы переходим к деталям, саксы римских авторов становятся чамави, бруктери, херуски, чаучи или фризами; в то время как откровенные детали - это остфальцы, вестфальцы и ангриварии.

Но франкские писатели из династий Меровингов и Карловингов не являются ни единственными, ни самыми ранними авторами, которые говорят о ганноверцах и вестфальцах под общим названием *саксонцев*. Обращенные в христианство англы Англии использовали то же название; и уже в середине восьмого века Беда упоминает фрез, ругини, дани, хуни, *древних саксов*, боруктуариев.—*История. Эклз.* 5, 10. Опять же, боруктуарии, потомки почти

истребленных бруктеров Тацита и жители страны на Нижней Липпе, как говорят, были сокращены нацией *Старых саксов* (*a gente Antiquorum Saxonum*). В других записях мы находим эпитет *Antiqui* переведенный местным[171] словом *eald* (=old) и образование соединения *Altsaxones*—Gregorius Papa universo populo provinciæ *Altsaxonum* (житие святого Бонифация). Наконец, англосаксонские писатели Англии используют термин *Элд-Сиксан* (=древнесаксонский). И эта форма распространена среди ученых настоящего времени; которые называют язык *гелианда*, так называемых *Каролинских псалмов* и *Хильдебранта и Хатубранта*, *древнесаксонским*, в отличие от *англо-саксонского* Альфреда, Кэдмона и англосаксонской хроники. Авторитет самих англосаксов оправдывает это соединение; однако оно ни в коем случае не является безупречным. Многие авторы соглашались с мнением, что древнесаксонец был ни много ни мало англосаксом в континентальной местности, и англосакс, но древнесаксонец, переселившийся в Англию. Опять же, древнесаксонцев считали людьми, которые нанесли удар, как обоюдоострым мечом, по Британии с одной стороны и по Верхней Саксонии с другой, так что саксонки Лейпцига и саксонки Лондона являются общими дочерьми одного родителя — саксонцев Вестфалии.

Однако точные отношения к древнесаксам и англосаксам, по-видимому, были следующими:-

Так называемый древнесаксонский - это старый *вестфальский*[172]-

Так называемое англосаксонское старое *ганноверское* население.

Их языки были достаточно похожи, чтобы быть понятными друг другу, и после обращения англов Англии, принявших христианство около 600 г. н.э., распространение их собственной веры на все еще языческих саксов Континента стало одной из важнейших обязанностей епископов и миссионеров Британии; которые, хотя сами были скорее ганноверского, чем вестфальского происхождения, смотрели на все это племя в целом как на своих предков и называли своих кузенов (так сказать) в Вестфалии и своих братьев в Ганновере собирательным термином *старосаксонский*.

Таким образом, все англы *Саксонии* франкских и британских писателей VIII века были саксами, хотя не все саксы были англами.

Истфалия, раздел, который, должно быть, был самым *Угловым*, простирался до Эльбы.

Но была также Саксония за Истфалией, Саксония за Эльбой; страна *саксонцев трансальбианских*; другие названия ее жителей были *Норд-альбинги* (=люди к северу от Эльбы) и *Норд-леуди* (=северные люди). Поэт, которого уже цитировали, пишет—

Saxonum populus quidam, quos claudit ab Austro
Albis sejunctim positos Aquilonis ad axem.
Hos *Nordalbingos* patrio sermone vocamus.

[173]В этом случае, как и прежде, *саксон* является общим, а не конкретным именем. Факты, подтверждающие это, дают нам также представление о географическом положении нордальбингийцев. Они делились на три группы:

1. *Тьедмарси*, *Tuatмарши* или *дйтмаршеры*, столицей которых был Мелдорп—*primi ad Oceanum Thiatmarsgi*, et eorum ecclesia Mildindorp—

2. *Холсати, Хольцати* или *Хольцэтан*, от которых нынешнее герцогство Гольштейн получило свое название — *dicti a sylvis, quas incolunt*.^[20] Река Стурия отделяла голштинцев от—

3. *Стормариу*, или жители *Стормара*, столицей которых был Гамбург — *Адам Бременс: История. Экклз. с. 61.*

Это нордальбингийцы восьмого века. Прежде чем мы рассмотрим их отношения к вестфальским и ганноверским саксам, необходимы подробности современной этнологии Кимбрийского полуострова. В настоящее время Гольштейн, Стормар и Дитмарш являются нижненемецкими округами, или Платт-Дойч; в школах преподается верхненемецкий язык так же, как английский в Шотландском нагорье. Эйдерстед также является нижненемецким, как и южная и восточная части Слесвика. Однако западная часть - это не так. Обращенные к Атлантике, мы находим^[174] интересную популяцию, изолированную по местности и определенно обладающую старыми и оригинальными характеристиками. Они так же отличаются от нижнегерманцев, с одной стороны, как голландцы от англичан; и они так же мало похожи на датчан, с другой. Они несколько крупнее и сильнее любого из них; по крайней мере, можно найти и датчан, и немцев, которые признают, что они *крупнее, если не лучше*. Они также подчеркивают большую долю голубых глаз и льняных локонов, хотя они достаточно распространены со всех сторон. Та широта каркаса, из-за которой возник эпитет *голландской постройки*, видна здесь во всей ее полноте; ее дополняет семикратный щит из толстых шерстяных нижних юбок. Так что есть характеристики, как в одежде, так и в фигуре, которые в достаточной степени отличаются *северо-фризца* из Слесвика от датчанина, с одной стороны, и немца - с другой.

Однако только в наиболее труднодоступных частях их страны *различие* в одежде достигает достоинства отдельного и независимого *костюма*. Однако они делают это на некоторых из тех небольших островов, которые лежат у побережья Слесвика; предполагается, что три из них были *тремя островами саксов* во втором и третьем веках. Группа, к которой присоединился писатель из *Фера*, все были одеты одинаково, все в черное, все в шерстяное, с накидками на^[175] головах вместо шляп. "Это, - говорит водитель, который сам был наполовину датчанином, наполовину немцем, - из *Фера*. Они ездили во Фленсбург повидаться с одним из своих родственников. Он моряк. Все они моряки в *Фере*. Некоторые из них, возможно, контрабандисты — они все так одеваются — я не могу с ними разговаривать — мой брат может — он был в Англии, и англичанин может с ними поговорить — они говорят наполовину по-датски, наполовину по-немецки, наполовину по-английски - больше чем наполовину. Когда—то они были англичанами — хорошими людьми — не принимали участия в войне — не очень заботились о датчанах, хотя датчане изо всех сил старались убедить их - то же самое делали немцы, но и они не очень заботились о немцах — сильные люди — хорошие солдаты — хорошие моряки — англичане, но не такие, как те англичане, которых я видел сам. Мой брат бывал в Лондоне и Америке и может поговорить с ними.

В то, что таким образом говорится об их английском происхождении, обычно верят датчане и немцы из фризских областей. Так или иначе, они англичане, хотя как именно, никто точно не знает. И многие ученые мужи придерживаются той же точки зрения. Это полуправда. Они больше англичане и, в то же время, больше голландцы, чем кто-либо из их соседей; больше, чем датчане или немцы, но, несмотря на все это, они не являются ни английскими, ни голландскими. Они *фризы*^[176] того же происхождения, что и фризцы Фрисландии, на которых

они похожи формой, одеждой, манерами, речью, характером и историей. Но от южных фризов они были отрезаны на протяжении многих веков, частично рукой человека, частично силами природы, частично вторжениями немцев, а частично непреодолимыми прорывами океана. На юге есть фризская страна (нынешняя провинция Фрисландия), а на севере есть фризская страна (урочище, о котором мы говорим); и это части *твердой земли*. Но Фрисландия, лежащая между ними, потеряна — потеряна, хотя мы знаем, где она находится. Она находится на дне моря: утрачена, подобно покрытым лавой равнинам Сицилии, Кампании и Исландии, в великой игре Человека против Природы — ибо не везде Человек был победителем. Война фризов против моря была войной не Титанов против Юпитера, а Амфибий против Нептуна.

Каждый фризец — *фризе*, как он себя называет, — является земледельцем, и только в деревнях говорят на фризском языке. В городках Рипе, Бредстед и Хузум, какими бы маленькими они ни были, нет ничего, кроме датского и немецкого языков. Но во всех маленьких деревушках между ними добротнo построенные старомодные фермерские дома с широкими фронтонами и массивными соломенными крышами, которые составляют[177] две трети высоты дома, с гнездом аиста на дымоходе и коровником в конце, являются фризскими; и, если вы сможете подслушать, о чем они говорят между собой, вы обнаружите, что, хотя они и не англичане, это чем-то похоже. *Женщина* - это слово, которое звучит наиболее странно как для немца, так и для датчанина, и, как правило, это первый пример особенности фризского языка. "Почему они не могут говорить правильно и произносить *Коне*?" - спрашивает датчанин. "*Weib* - правильное слово", - говорит немец. "Кто вообще говорит о *женщине*?" - кричат оба. Язык не был сведен к письменности; более того, то небольшое, что с ним было сделано, в высшей степени дискредитирует церковный истеблишмент Шлезвик-Гольштейна. На нем говорят более тридцати тысяч человек; и когда мы вспоминаем, что все население Дании меньше, чем население Лондона и пригородов, мы сразу видим, что значительная часть населения уделяла меньше внимания его духовности, чем гэлы и валлийцы Великобритании.

Вы можете отличить фризский приход, как итонская грамматика различает существительные среднего рода. Это *единственный выход в -ум*; ибо так заканчиваются девять из десяти фризских деревень. Так вот, по всей длине и ширине Бреккель-умови Штад-умов, расположенных вдоль побережья, от Рипе на севере до Хус-ум[178] юга, нет ни одной церковной службы, которая совершалась бы на фризском, или полудюжины священников, которые могли бы ее совершать. Ни одна часть Литургии не является родной; и никогда такой не была. Есть датский и есть немецкий; немецкий тоже бывает двух видов — высокий и низкий. В школах преподают верхненемецкий, и это хорошо; настолько хорошо, что нигде ответы маленьких детей не становятся более понятными путешественникам, не слишком сильным в своем языке, чем в стране *фризов*. Тем не менее, это всего лишь хорошо выученный урок, и он ни в коем случае не оправдывает пренебрежения родным идиомом.

При нынешнем положении дел это, возможно, все к лучшему. Жалоба направлена на первоначальное пренебрежение к фризскому языку; и его *гравамен* - это печальная история, которую он так тихо рассказывает о предыдущей централизации, под которой подразумевается произвольное и неоправданное угнетение; ибо в недалеком прошлом фризы, должно быть, составляли очень значительную долю слесвикеров, а в начале Исторического периода - большинство. И все же никто не думал о том, чтобы обратить их в христианство с помощью их собственного языка; языка, который, по словам добросовестных священнослужителей, из-за того, что он никогда систематически не сводился к письменности, не может быть написан. Как

будто фризский язык Фрисландии, фризский язык юга, не был языком права и поэзии более восьми[179] столетий, и как будто написать или напечатать северный диалект того же языка было немного сложнее, чем Шотландии иметь литературу. Ибо этот язык возник не вчера. Возможно, он настолько же старше любого другого языка полуострова, насколько валлийский старше английского. Несомненно, что он старше некоторых из них. Конечно, есть исследователи-любители. Отцом их был Аутзен, пастор из Бреккелума; и почетного упоминания заслуживает нынешний священник в Хакстеде. Однако, как правило, религия Слесвика была централизованной.

Литература, насколько она была собрана, состоит из свадебной песни пятнадцатого века, которую можно найти в "Камерариусе", с добавлением, возможно, дюжины таких морсо, как следующие подходы к песне, эпиграмме и балладе соответственно.

1

Пусть пенятся рядом со мной,
Если бы я был бланкен даалером до деха,
Если бы я был мальчиком,
Если бы я был мальчиком,
Если бы я был мальчиком и т.д.

2

Ik[21] текст для отправки далеру, когда он
дат ик хет хаад из вааса,
ден люп ик мед ден круп омбей
En vöst ekj vær ik var.

[180]

3

DER FREYER VOM HOLSTEIN.

Почему я так скептически отношусь к тому, что происходит со Мной,
Я трижды встречался с юнгом во время Полета.
Hokken wiar di fördeorst?
Это Питер Ротгран.
Что значит "привет син спурен"?
Fuar Hennerk Jerkens düür.
Hokken kam tö Düür?
Marrike sallef,
Me Krük en Bekker ön di jen hundh,
En gulde Ring aur di udher hundh.
Jü nöödhighst höm en sin Hinghst in,
Död di Hingst Haaver und Peter wün.
Toonkh Gott fuar des gud dei.

Эл ди Брид, невеста из Вэй,
Но теперь она замужем за Питером аллюнингом!
Jü look höm ün to Kest
En wildh höm nimmer muar mest.

Переведено.

1.

Маленькая женщина, зайди ко мне во двор, у
меня есть для тебя белый доллар;
Я дам тебе его
, Чтобы ты думала обо мне.

2.

Я бы и за тысячу долларов не стал,
Чтобы мне оторвали голову,
Тогда я должен был бежать со своим чемоданом,
Не зная, где я нахожусь.

3.

По Южному морю пришел корабль,
С тремя молодыми женихами на борту;
Кто был первым?
[181] Это был Питер Ротгран.
Куда он положил свои брошюры?
К двери Хеннерка Джеркена.
Кто приходил к двери?
Сама Мэри-кин,
С кувшином (глиняным кувшином) и мензуркой в одной руке, с
золотым кольцом на другой.
Она настояла на том, чтобы он и его лошадь вошли,
Дала лошади овса и Питеру вина.
Спасибо Богу за этот хороший день!
Все невесты и сваты с дороги!
Кроме Мэри и Питера наедине.
Она заперла его в своей шкатулке,
И никогда больше не будет скучать по нему.

Вот что стало с Петром; он, возможно, самый легендарный и героический из северо-фризов —
так что развитие в этом направлении находится в пределах небольшого круга.

Остров Нордштанг по языку является нижненемецким (Platt-Deutsch), но по крови и родословной является фризским; как, впрочем, и в речи вплоть до 1610 года нашей эры. Затем произошло сильное наводнение, уничтожившее половину скота на острове и разорившее его жителей, которые были изгнаны своим жестокосердным господином графом Готторпским на континент и заменены нижегерманцами.

Остров Пельворм относится к той же категории, что и Нордштанг, население в основном фризское, хотя платт-немецкая форма речи заменила родной диалект; на котором говорили на обоих островах в 1639 году н.э.[182]

Амром частично сохраняет его; хотя фризский характер менее выражен, чем в—

Föhr.—Здесь все имена, которые в английском заканчивались бы на *-ham*, в верхненемецком на *-heim*, в нижненемецком на *-hem*, а в датском на *-by* (as *Threking-ham*, *Mann-heim*, *Arn-hem*, *Wis-by*) take the form in *-um*, the vowel being changed into *u*- *h*- опускается как *Duns-um*, Произносит-*um*, *Midl—уми* т.д. - и это верный признак присутствия фризов. В Фере этот язык тоже все еще актуален.

Из *Зюльта* южная часть имеет свои названия во фризской форме; как Хорн-ум, Морс-уми др. Северная половина, однако, датская, и деревни заканчиваются на *-by*.

Такова нынешняя территория Северо-фризов, которая, как мы увидим, лежит к северу от территории нордальбингов.

Тем не менее, автор настоящего произведения считает, что либо между англами и саксами не было никакой разницы, либо саксы были северо-фризами.

Давайте на некоторое время допустим, что название *саксонцы* настолько мало проясняет этнологическую позицию тех же нордальбингцев, что оставим вопрос открытым.

Первый факт, который встречается нам, - это существование фризов в Голландии не только к югу от Эльбы, но и к югу от Везера.[183]

Восточная Фрисландия, как следует из ее названия, также является фризской; хотя, за исключением нескольких исключительных населенных пунктов в очень болотистых районах, этот язык был заменен немецким.

Несмотря также на свою святость в глазах англосаксонского поклонника богини Герты, Гельголанд в начале Исторического периода не был в точности Англom. Это было то, чем был противоположный берег — фризский. И Ольденбург тоже был фризским; действительно, вся территория, занимаемая двумя великими народами древности — фризами и чаучи, — не была ни древнесаксонской, ни англосаксонской. Он отличался от каждого из них гораздо больше, чем они отличались друг от друга, и, соответственно, представлял собой отдельную разновидность немецкого языка.

Таким образом, существовали и существуют две фризские области, одна из которых простиралась не дальше на север, чем Эльба, а другая - не дальше на юг, чем Эйдер.

И между этими двумя лежит наследие нордальбингцев. Уже одно это является *первичным* доказательством того, что они были фризами; ибо мы, безусловно, должны утверждать, что

если Норфолк и Эссекс были англичанами, то и Саффолк тоже был англичанином. Конечно, это могло быть и не так, поскольку вторжение и вытеснение могли иметь место; но вторжение и вытеснение не следует воспринимать слишком легкомысленно и беспричинно. Фризский язык Ольденбурга можно проследить[184] вплоть до Эльбы, а фризский язык Шлесвика можно проследить вплоть до Эйдера.

Однако Эйдерстед и Гольштейн - нижненемецкие. Всегда ли они были такими? Об Эйдерстеде Якоб Сакс, сам нижнемец из этого района, пишет в 1610 году н.э., что "жители, помимо саксонцев, используют свою собственную необычайно естественную речь, которая совпадает с восточно- и западно-фризской".

Для Дитмарша эти доказательства неубедительны. Но одно или два имени заканчиваются на -*гм*.

Еще в 1452 году н.э. следующая надпись, найденная на купели в Пелворме, была непонятна уроженцам Дитмарша, которые унесли ее с собой: "disse hirren Döpe de have with thon ewigen Ohnthonken mage lete, da schollen öse Berrne in kressent warde" = "мы позволили сделать эту купель на вечную память: в ней будут креститься наши дети". Клеменс переводит это на современный фризский амромский, который звучит так: "thas hirr döp di ha vi tun iwagen Unthonken mage leat, thiar skell üs Biarner un krassent wurd". Тем не менее Клеменс считает, что одежда и домашняя утварь нынешних дитмаршеров скорее фризские, чем платт-дойчские. Теперь, каким бы ни был древний язык Дитмарша, это не был нынешний платт-дойч; все же, если это был фризский, он устарел до 1452 года нашей эры.[185]

Можно с готовностью признать, что у нас есть основания предполагать первоначальную преемственность между северными и Южными фризскими областями. Против этого, конечно, есть разумные возражения — отсутствие доказательств того, что фризский характер языка Дитмарша является главным. Тем не менее, принцип, который привел бы нас к тому, чтобы приписать Саффолку то, что мы ранее приписали Норфолку и Эссексу, побуждает нас сделать то же самое с рассматриваемым районом и утверждать, что если Эйдерстед на севере и части между Бременом и Куксхафеном на юге были фризскими, то Дитмарш, лежащий между ними, также был фризским.

Но это могло быть и без того, чтобы нордальбингцы были фризами; поскольку движение англов на север и запад легко могло произойти в шестом, седьмом или восьмом веках; в этом случае *стормари*, *Хольцати* и *Дитмарси* были англами; навязчивыми, некоренными и, возможно, смешанной крови - но все же англами.

Однако сейчас я не готов идти дальше в этом вопросе, чем повторить предыдущее утверждение, а именно: если саксы англосаксонской Англии были не англами под другим именем, то они были северо-фризами.

Саксония и *саксонский*, как мы видели, по большей части являются общими названиями для определенных популяций[186] значительной величины, популяций, которые при детальном исследовании были остфали, Ангрии, Стормари и т.д. и т.п. Один только Птолемей придает этому слову *специфическую* силу, и только у Птолемея страна саксов является определенной ограниченной территорией особого населения. Птолемей, как уже было показано, помещает саксов на *перешейке Херсонеса* к северу от Хавков Эльбы и к востоку от Сигулонов - там или около того, в Стормаре. Он также называет им три острова у берегов Гольштейна и Шлесвика,

хотя неясно и неважно, какие именно три он имеет в виду. Следовательно, саксы Птолемея, истинно северо-альбингийцы, совпадают по местности с последующими стормариями, а сигулоны находятся в аналогичном родстве с голштинами. Тем не менее, ни саксы, ни сигулоны, возможно, не были предками своих соответствующих преемников, так же как дуротриги или ицени Англии не были предками англосаксов Дорсетшира и Норфолка.

Прежде чем перейти к рассмотрению этого пункта, мы должны задать вопрос, уже предложенный относительно саксов девятого века. Это были фризы или англы?

Под сильным впечатлением от убеждения, что никакое третье подразделение саксонской части немцев, кроме представленного ганноверскими англами и древнесаксонскими вестфалийцами, не может[187] быть доказано или должно быть предположено, что оно существовало, я, таким образом, ограничил проблему, хотя может быть поднят третий вопрос относительно вероятности того, что они были чем-то отличным от тех и других. Я также полагаю, что фризы достигли Слесвика путем расширения своей границы, и это является причиной, по которой предполагается первоначальная непрерывность их территории, — в то же время допуская возможность того, что они пришли морем, и в этом случае в такой непрерывности нет необходимости. То, что мы находим на Эйдере, а также на Эльбе, можно с полным основанием предположить, что когда-то можно было обнаружить в промежуточной стране.

Предполагая, таким образом, первоначальную непрерывность фризской территории от Слесвика до Эльбы до завоевания Дитмарша и Холсатии нынешними нижненемецкими оккупантами, что является справедливым выводом из нынешнего распределения северных фризов и истории их известных и зарегистрированных перемещений, мы можем спросить, насколько из этого следует, что это перемещение было произведено предками нынешних голштинцев; другими словами, насколько достоверно, что нынешние голштинцы немедленно сменили фризов. Здесь возникает вопрос; поскольку преемственность, возможно, была нарушена населением, которое, в свою очередь, само распалось. Возможно, она была нарушена вторжениями англичан еще во времена Тацита. Если это так, то порядок наследования[188] был бы не 1. Фризский, 2. нижненемецкий, а 1. Фризский, 2. англо-саксонский, 3. нижненемецкий.

Холсати, Стормарии и Дитмарси, скорее всего, были *англами*. То, что они не были предками нынешних нижеголландцев, почти несомненно. Дата для этого слишком ранняя. Только спустя некоторое время после смерти Карла Великого распространение этой части немецкой семьи достигло Гольштейна. То, что они не были фризами, менее достоверно, но это следует из того, как они упоминаются уже цитированным местным поэтом; который, если бы он считал фризов в достаточной степени саксами, чтобы подпадать под это название, перенес бы свою нордальбингскую Саксонию до самой северной границы Северо-фризов.

Таким образом, имеются свидетельства в пользу того, что нордальбингийцы были англосаксами в девятом веке и что они жили под именами Стормарии, Холсати и Дитмарси. Были ли они в равной степени такими и в третьем, *то есть*, когда писал Птолемей и когда именами, под которыми он их заметил, были саксы и сигулоны? Я бы не хотел этого говорить. Вторжение на территорию Фризии — предполагаемая преемственность — возможно, началось не так рано. Более того, даже расширение фризской области на север, возможно, еще не началось. Я бы даже не хотел положительно утверждать, что саксы Птолемея вообще были германцами.[189]

Возможно, они были славянами — продолжением вагрийского и полабского населения Восточной Гольштейна и Лауэнбурга.

Было бы также рискованно утверждать, что термин Птолемея "*саксонский*" был местным названием. Мы можем только сказать, что когда мы получаем определенную информацию о районах, к которым она применялась, это было *не* так. Это не было нордальбингским именем для *штурмарианцев*, не было нордальбингским именем для *жителей Холсати*, не было нордальбингским именем для *жителей Дитмарша*, не было нордальбингским именем ни для кого из островитян. Это вообще не было местным названием с каким-либо конкретным значением. Это было общее название, применявшееся к рассматриваемым странам, как и ко многим другим; и применяли его франки. Когда-то оно было особенным, но когда это было так, никто не знал, кто его носил или кто его подарил. Оно могло быть славянским применительно к славянам, или немецким применительно к немцам, или немецким применительно к славянам, или славянским применительно к немцам. Что это было?

Кто это вынес? В первую очередь жители северного берега Эльбы и некоторых островов побережья Гольштейна и Шлесвика; *жители лесных районов Холт-сати*, древесина которых давала им средства для строительства кораблей, а положение на побережье выработало у них привычку использовать ее к неудовольствию соседей. Это все, что можно сказать.[190]

Кто распространил это за границей? Сначала римляне, потом франки. Именно они называли по имени *саксонцев* людей, которые никогда себя так не называли, *например*, ангиварцев, вестфальцев, саксов Верхней Саксонии.

Как римляне получили это? От кельтов Галлии и Британии.

Как оно попало к кельтам? Обычный ответ на этот вопрос: что они получили его от самих саксов, саксами были, конечно, германцы. Но главная цель настоящей главы состояла в том, чтобы показать крайне неудовлетворительный характер свидетельств того, что какие-либо немцы так себя называли. Несомненно, если бы они остановились на данном этапе, основания полагать, что это название было местным, были бы в высшей степени неудовлетворительными. Лучший факт был бы на языке Беда, который, как мы видели, называл вестфальцев *древнесаксами*. Но Беда часто позволял себе использовать язык своих властей, большинство из которых писали на латыни, а некоторые были галлами или бриттами.

Но можно добавить четыре свежих —

1. В названиях *Es-секс*, *Wes-секс*, *Sus-секс* и *Middle-секс* присутствует элемент *-секс*.
2. Имя *Сакс-неот* было именем божества, от которого древние саксы, обратившись в христианство, были вынуждены отказаться. Это дает нам вероятность того, что это название *эпонима*. [191]
3. История о *nifer eowre Seaxas* = *возьми свои кинжалы*, и вывод из нее, что *саксы* имели в виду *людей с кинжалами*, не имеет большого веса; по крайней мере, для нынешнего автора. Тем не менее, насколько это возможно, это уже что-то.
4. Финляндцы называют немцев *саксонцами*.

Необходимость проникнуть как можно дальше в неясные проблемы, связанные с этим словом, является неотложной. Одна часть Англии более очевидно, *Саксон*, чем другой; по крайней мере, это несет определенные внешние и видимые признаки *Saxonism* которых явно не хватает в других местах. Что мы должны сказать на это? Что *Эс-секс* саксонский, и, как *саксонец*, чем-то заметно отличается от саффолка, который является *углом*? Возможно, так оно и было; однако самая тщательная этнология, когда-либо применявшаяся, потерпела неудачу в обнаружении *различий*. Они, действительно, были приняты, и было проведено неоправданно широкое различие между диалектом англа и диалектами саксонского происхождения; но это различие нереально. Англосаксонский северумберландии и саксонский *суфий* отличаются друг от друга по полу не потому, что они англосаксонцы, а потому, что они из *северного* и *южного* графств. И так далее повсюду. Разница между Англom и саксонской Британией всегда считалась *реальной*, тогда как она может быть лишь *номинальной*.

Давайте предположим, что это последнее, *асаксонское* было британским названием *Угла*—ничего более[192]. На что указывают такие имена, как *Sus-поли* т.д.? Не то чтобы население было менее англосаксонским, чем в других местах, но в нем было больше римлян или британцев — важное различие.

Опять же, Прокопий утверждает, что некоторые фризы жили в Британии; хотя Беда о них не упоминает. Предположим, однако, что саксы у последнего автора были фризами у первого, и все станет ясно. Но тогда они должны быть более непохожими на Углы, чем это можно показать.

Но зачем вообще уточнять эти моменты? Почему, когда мы допускаем, что нордальбингцы были англами, возражаем против того, что они называли себя саксами? Я делаю это, потому что не могу смириться с фактом, что король, который первым постановил, что его королевство должно называться *Англom* - земля была не *Англom*, а *западно-саксонской*. То, что он отдал предпочтение исконно немецкому имени перед римским и кельтским, вероятно; но то, что, называя себя и своих ближайших подданных *саксонцами*, он изменил имя на *Англ*, так же маловероятно, как и то, что король Пруссии предложил, чтобы вся Германия была известна как *Австрия*. Конечно, если доказательства в пользу того, что слово *саксонский* является родным, имели определенную степень убедительности, мы должны принять предыдущую невероятность такой, какой мы ее находим; но таких убедительных доказательств найти невозможно. *Саксонский* - это всегда имя, которое кто-то[193] *не дает* кому-то другому, но никогда такое, которое он обязательно носит сам.

Были ли, таким образом, завоеватели *суфийского пола* и т. д. иными, чем нордальбингианцы? Я этого не утверждаю. Я только говорю, что свидетельство их прибытия из особого округа Гольштейн заключается не в их названии. Германцы с юга Эльбы, согласно предыдущей гипотезе, были бы в равной степени *саксами* в глазах выродившихся римлян и развращенных бриттов, которых они покорили.

Мы все еще имеем дело с происхождением *названия*. Франки и римляне распространили и обобщили, как предположили кельты, это. То, что название было кельтским, неоспоримо. Валлийцы и гэлы знают нас до настоящего момента как *саксов*, а не как *англичан*. Единственное сомнение заключалось в том, насколько он был *исключительно* кельтским, *то есть* негерманским.

Будет ли предположение о том, что он кельтский, объяснять все факты, связанные с ним? Нет. Это не объясняет, почему финляндцы используют его. Они, как и кельты, называют немцев *саксонцами*. Таким образом, это новое условие, которое должно быть выполнено. Гипотеза, которая делает это, состоит в том, что имя *Саксон* применялось славянами Балтики, а также кельтами берегов Галлии и Британии к пиратам Херсонесского перешейка, причем славянское обозначение было [194] принято финляндцами точно так же, как кельтское было принято римлянами.

И это служит аргументом в пользу того, что название было местным, поскольку небольшое рассмотрение покажет, что, когда две разные нации говорят о третьей под тем же именем, *первичное* свидетельство в пользу населения, к которому оно применяется их соседями, применяющими его и к самим себе.

Однако это не является доказательством того, что он немецкий, равно как и того, что мужчины западного *пола* т. Д. являются нордальбингйцами. Все, что мы получаем от британских графств, оканчивающихся на *-sex*, это то, что в определенных частях острова британское название некоторых немецких пиратов преобладало над местным, тогда как в других туземное преобладало над британским.

Если это всего лишь незначительный вывод по отношению к его положительным результатам, то он имеет некоторое отрицательное значение; поскольку, когда мы показали, что *англ* и *саксонский* языки в значительной степени являются одними и теми же именами в разных языках, мы избавили себя от воображаемой необходимости исследовать такие воображаемые различия, какие на первый взгляд предполагает разница в названии. Мы также убедились в историческом значении распространения названий *саксон* и *Саксония*. Они распространились не потому, что некие саксы, происходившие из района размером не более графства Ратленд, целиком завладели обширными территориями в Германии, [195] Британии и Галлии, а потому, что огромное количество германцев называлось именем небольшого племени, точно так же, как эллины Фессалии, Аттики и Пелопоннеса были названы римлянами *греками*. Истинные *греки* были племенем, размеры которого были почти такими же маленькими по сравнению с эллинами в целом, какими саксы Птолемея были по сравнению с германцами в целом (возможно, на самом деле они вообще не были эллинами); и все же именно *греки* были теми, кого римляне отождествляли с эллинами. Никто, однако, не верит, что греки распространили себя до масштабов термина *Græcia*. Напротив, каждый признает, что значение этого имени расширилось только благодаря ему. И я полагаю, что так было и со словом *саксонский*.

Саксонский, тогда, как и *греческий*, был общим названием. Тем не менее, они были специфическими *саксами* так же, как они были специфическими *греками*. Это были саксы времен Птолемея. Когда этот автор писал, я полагаю, что это были либо *фризы* либо *славонцы*, не уточняя, кто именно — фризы, если искать их родство к югу от Эльбы; славонцы, если искать их к востоку от Билле.

Между временами Птолемея и концом четвертого века это название приобрело большое значение и стало именем ужаса для римлян, галлов и бриттов, которые применяли его к северным германцам морского побережья в целом. [196]

Распространение названия вдоль морского побережья началось в четвертом веке. Клавдиан ссылается на морскую победу над ними

—"maduerunt Saxone fuso
Orcades."

Это дает им поле для грабежей вплоть до Оркнейских островов.

Аммиан замечает, что они вторглись в Галлию; и пишет, что в правление Валентиниана "Галликанский истинный трактат франков и саксов на границах, где царит эрумпер потуит, земля великая мария, язвительные и пленительные похороны человека жестокого".

Again—"Valentinianus Saxones, gentem in Oceani litoribus et paludibus inviis sitam, *virtute et agilitate terribilem*, periculosam Romanis finibus, eruptionem magna mole meditantes, *in ipsis Francorum finibus* oppressit." Орос. 7, 32.

Более поздние авторы относят победу над саксами при Деусо (Дейц, напротив Кельна) к тому же периоду правления.

Их ближайшим пристанищем являются берега Луары, главным местопребыванием — Анжу, а их великий полководец носит имя, латинская форма которого была *Адовакриус*- игитур Чайлдрик Аврелианис пугнас эгит: *Адовакриус* веро с *Саксонибусом* и Эгавос венит ... (Aegidio) defuncto Adovacrius de Andegavo et aliis locis obsides accepit ... Veniente vero Adovacrio Andegavis, Childericus rex[197] sequenti die advenit; interemtoque Paulo Comite, civitatem obtinuit." Greg. Tur. 2, 18; "his itaque gestis, inter Saxones atque Romanos bellum gestum est, sed Saxones terga vertentes multos de suis, Romanis insequentibus, gladio reliquerunt: *insulae eorum* cum multo populo interemto a Francis captae atque subversae sunt ... Adovacrius cum Childerico foedus iniit, Alamannosque subjugarunt." id. 2, 19.

О саксах, присоединившихся к лангобардам во время вторжения в Италию, мы также слышим от того же автора: "После того, как *саксы покончат с лангобардами в Италии, почитаемой*, наступит переломный момент в Галлии, ... научитесь собирать вещи вместо Сигиберто реге, не теряйте самообладания, стабилизируйте ситуацию ... Hi vero ad Sigibertum regem transeuntes, in locum, unde prius egressi fuerant, stabiliti sunt." 4, 43.

Однако наилучшим показателем саксонского пиратства являются два термина, каждый из которых всегда привлекал внимание исследователей, — имена *Saxones Bajocassini* и *Littus Saxonicum*.

1. *Саксы Байокассини* или *саксы из Байе* упоминаются под этим именем Григорием Турским (§. 27. 10. 9); а в грамоте Карла Лысого есть упоминание о *языческом лагере* в том же районе, который называется *Ot linguæ*. Зевс обоснованно предлагает в качестве исправленного прочтения *Отлинга*; в этом случае мы имеем один из многочисленных эквивалентов[198] тех местных названий, которые в современном английском языке оканчиваются на *-ing*, а в англосаксонском на *-ingas*—Паллинг, Ноттинг, Хорблинг, Биллинг—Эсклингас, Жиллингас и т.д., и т.п. Кто это были? Когда мы снова слышим о Байе, т.е., в десятом веке, о нем упоминают как о самом *скандинавском* или *Norse* городе Нормандии, действительно единственном, где были решительно сохранены норвежский язык и обычаи. Таким образом, эти саксы, возможно, были скандинавами. Но они с равной легкостью могли быть англами или фризами, поскольку

норвежское завоевание в десятом веке вполне совместимо с германским в пятом веке; и в Британии так оно и было на самом деле.

2. *Маленький саксонец* - это термин из *Notitia Dignitatum*, который встречается в трех местах. В главе xxxvi, где мы подробно описываем морское побережье Галлии под названием "*Армориканский трактат*", первый помощник -

[§. 1.] Sub dispositione viri spectabilis Ducis Tractus Armorici et Nervicani—

Это—

[A] [1.] Tribunus Cohortis Primæ Novæ Armoricæ Grannona in Littore Saxonico.

b. Cap. xxxvii. [§. 1.] Sub Dispositione viri spectabilis Ducis Belgicæ Secundæ—

[1.] Equites Dalmatæ Marcis in Littore Saxonico.

c. Это всего лишь дает нам *Маленький саксонский* в [199] Галлия. В 25—й главе приводится одна из них для Британии, и она снабжена значительными подробностями -

[§. 1.] Sub dispositione viri spectabilis comitis Littoris Saxonici per Britanniam:

[1.] Præpositus Numeri Fortensium Othonæ.

[2.] Præpositus Militum Tungricanorum Dubris, &c.

Нет необходимости вдаваться в подробности. Достаточно сказать, что мы находим станции в следующих несомненных населенных пунктах — Бранкастере, Ярмуте, Рекалверсе, Ричборо, Дувре, Лимне и в устье Адура. Собирая все это воедино, можно с уверенностью сказать, что вся береговая линия от Уоша до Саутгемптон—уотер во времена правления Гонория, если не раньше, была *Маленьким саксонцем* - что бы ни означал этот термин.

Просматривая предыдущие детали, мы обнаруживаем, насколько рискованно было бы выдвигать в отношении нескольких групп населения, обозначенных как *саксы*, какие-либо отдельные утверждения, помимо того, что они были пиратами с северогерманского морского побережья. Кто-то, возможно, был англичанином, кто-то фризцем, кто-то платт-дойчем, кто-то скандинавом. Более того, имя *Адовакрий*=*Одоакр*=*Оттокар*, возможно, принадлежало славонскому капитану, независимо от страны экипажа.

СНОСКИ:

[20] Соединение того же рода, что и английские слова *Dor-set*, и *Somer-set*, т.е., от англосаксонского *sætan*=*поселенцы*.

[21] Это настолько смешано с датским, что едва ли является фризским.

ГЛАВА X.

АНГЛЫ ГЕРМАНИИ — НЕСОВЕРШЕННАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ИХ ИСТОРИИ—ИХ ГЕРОИЧЕСКАЯ ЭПОХА.—БЕОВУЛЬФ.—ЗАВОЕВАНИЕ АНГЛИИ.—АНЕКДОТ ПРОКОПИЯ.—ИХ СОКРАЩЕНИЕ При ДИНАСТИИ КАРЛОВИНГОВ.—АНГЛЫ ТЮРИНГИИ.

[illegible]

Англичанин, представляющий *островные* Англи и обращающий внимание на ту роль, которую *они* сыграли в мире, может с гордостью или сожалением, в зависимости от обстоятельств, сказать, что на их родной земле, в Германии, история Англо-в практически не существует. Это похоже на то, что было у азиатских маджиров. То, что наши предки делали дома до того, как стали англичанами Великобритании, могло иметь сколь угодно большое значение или, [202] сколь угодно незначительное значение. Это были деяния, о которых нет записей. Что касается наших собственных побочных родственников, то они скорее страдали, чем действовали. У них действительно есть история, но это история не полная и не славная.

"Поэма о Беовульфе", отрывок из "Беды" и аналогичный отрывок из "Прокопия" представляют собой заметки, которые продолжают историю — если ее так можно назвать — Англов со времен Птолемея до начала VII века, и даже они сомнительны в своей интерпретации.

"Беовульф" - это поэма на англосаксонском языке и в аллитеративном размере англосаксонских сочинений в целом неизвестной даты и авторства, состоящая более чем из шести тысяч строк; поэма, которая, хотя и сохранилась в Англии и в форме, адаптированной для английских

слушателей после обращения нашего острова в христианство, по сути является языческой и немецкоязычной в отношении своих суеверий и механизмов, и немецкой в отношении места действия; ибо в Германии, а не в Англии, совершаются все ее действия. В таком случае это не может не рассказать нам кое-что о древних германцах; и, поскольку герой - *англ*, древние германцы, о которых это *что-то* рассказывается, являются, более или менее, *англ* предками англичан на их первоначальной континентальной родине.[203]

Говорить гораздо больше, чем это, небезопасно. Само произведение представляет собой поэму, роман— эпос. Это противоречит исторической ценности его предмета. Затем он принял свою нынешнюю форму в руках христианина. Это противоречит его ценности как временного свидетельства. В-третьих, она в немалой степени носит характер не только рапсодии, но и рапсодии, элементы которой разнородны. Это противоречит его ценности как части *англицизма*.

Ник и Грендель — старое прозвище нынешнего английского языка, а также Грендель — вероятно, Герут Саксона Грамматикуса - главные сверхъестественные существа, демоны болот и топей. Они лучше всего локализуют легенды, в которых они фигурируют; для чего безразлично подходят большая часть Ганновера и Кимврийский Херсонес, особенно хорошо - фризские районы. Более возвышенной мифологии о Водане, Торе и Бальдре, которая, как принято считать, была всепроникающей в Германии и Скандинавии, нет места в "Беовульфе". Наш Дьявол и Дьявольская плотина - грубые аналоги Ника и Гренделя.

Хеорт - это большой роскошный зал Хродгара, царственного персонажа поэмы, героем которой является Беовульф. Он стоит в какой-то части Кимврийского Херсонеса. Видя в этом, как *вслове*, всего лишь другую форму имени Гарц, я также вижу в этом доказательство рапсодического характера стихотворения,[204] и разнородного характера его элементов.

Эпизод, героем которого является Зигмунд, дает нам повествование, в котором мы имеем, в измененной форме и неясных очертаниях, часть цикла о Нибелунгах — элемент с Рейна.

Другой дает нам приключение, по-видимому, без героя, или, скорее, приключение, герой которого не имеет собственного имени, а только обозначающее прилагательное. Принимая во внимание нечеткую форму, которую принимают все легенды о Беовульфе, я не могу не думать, что человек, чье имя стоит в тексте как *Твердое сердце*, а в переводе как *Твердое сердце*, ни много ни мало, как великий датский герой *Звездный Графиз* саксонской легенды, мало чем отличающийся.

Датчане, геты, фризы и свеи (шведы) - это народы, с которыми англы наиболее часто контактируют; и следующий отрывок показывает способ их упоминания. Участниками здесь являются датчане и фризы.

1. "Поэт Хродгара за медовухой, должно быть, вызвал радость в зале по поводу потомков Финна, когда экспедиция наткнулась на них; герой Хилфдина, Хнаэф Скильдинг, был обречен пасть во Фрисландии. У Хильдебурги, по крайней мере, не было причин восхвалять верность ютов; она безвинно лишилась на военной игре своих любимых сыновей и братьев; один за другим они пали, раненные дротиками; это была скорбная женщина. Не напрасно дочь Хоца оплакивала их смерть после того, как наступило утро[205], когда она под небесами смогла узреть убийцу своего сына там, где он прежде обладал большей частью земных радостей: война отняла у Финна всех танов, за исключением лишь нескольких, так что он не мог ни выиграть что-либо на

месте встречи, сражаясь против Хенгеста, ни защитить в войне свои жалкие остатки от королевского тана; но они предложили ему условия, что они полностью отдадут ему второй дворец, зал и трон, чтобы он мог сражаться с ними. чтобы они разделили власть пополам с сыновьями ютов, и сын Фольквальды каждый день читал датчан дарами сокровищ, войска Хенгеста должны были угощать их кольцами, накопленными сокровищами из чистого золота, ровно столько, сколько он угощал бы расу фризов в пивной. Там они подтвердили с обеих сторон скорейшее заключение мирного договора. Финн решительно, бесспорно, поклялся Хенгесту, что он будет милостиво поддерживать бедных выживших в соответствии с решением своего витана, что ни один человек ни словом, ни делом не должен нарушать мир, ни посредством враждебных махинаций никогда не вспомнит о ссоре, хотя они, лишенные своего принца, должны следовать за убийцей того, кто подарил им кольца, поскольку они были так вынуждены: если, таким образом, кто-либо из фризов дерзкой речью намекнет на смертельную вражду, то острое меча отомстит за это. Клятва была исполнена, и из сокровищниц воинственных Скильдингов была извлечена горка золота: лучшие воины были приготовлены к этой куче; в куче легко было разглядеть кольчугу цвета запекшейся крови, золотого борова, твердого как железо вепря, многих дворян, искалеченных ранами; некоторые упали мертвыми. Тогда у кургана Хнефа Хильдебурга приказала своему собственному сыну предать огню, сжечь его тело и положить его на кучу, несчастная дама скорбела у него на плече; она оплакивала его песнями; воин взобрался на кучу; закружился величайший из костров смерти; перед курганом раздался вой; кольчужные капюшоны растаяли; врата ран раскрылись; отвратительный укус тела, когда хлынула кровь; пламя, самый жадный из духов, пожрало всех, кого там забрала смерть. прочь: от обоих людей ушла слава.

Оттуда воины отправились навестить свои жилища, лишенные[206] друзей, чтобы увидеть Фрисландию, свои дома и величественный город; и все же Хенгест в течение смертоносной зимы жил с Финном, смело, не бросая жребия, он возделывал землю, хотя мог вести по морю корабль с кольчатым носом; пучина кипела от штормов, слабела против ветра, зима сковала волны ледяной цепью, пока в жилищах не наступил второй год; так происходит и сейчас, то, что вечно, счастливо обеспечивает великолепную ясную погоду. Когда зима миновала, и лоно земли стало светлым, странник отправился на разведку, чужак из своего жилища. Он больше думал о мести, чем о своем уходе за море, если бы мог устроить враждебную встречу, поскольку в глубине души помнил о сыновьях ютов. Таким образом, он не избежал смерти, когда потомок Хунлафа вонзил в его грудь пламя войны, лучший из мечей; поэтому среди ютов, известных по лезвию меча, были воины, отважные духом, с которыми Финн впоследствии столкнулся в жестокой бойне на мечах в его собственном жилище; поскольку Гудлаф и Ослаф после морского путешествия оплакивали горе, жестокий натиск: они отомстили за часть своих потерь; и не могла хитрость настроения удержаться в его груди, когда его чертог был окружен людьми его врагов. Финн тоже был убит. Король со своей свитой и королева были схвачены; воины Скильдингов перенесли на свои корабли все домашнее богатство могущественного короля, которое смогли найти в жилище Финна, драгоценности и резные самоцветы; они переправили величественную леди через море к датчанам — привели ее к своему народу. Гимн был спет, песня хориста, шутки возобновились, шум со скамеек стал громче, виночерпии разливали вино из чудесных сосудов".

Хенгист фигурирует здесь как Джут. Другое английское имя, Оффа, встречается в следующем:

2. Дочь Херед; она, тем не менее, не была ни снисходительной, ни слишком щедрой в отношении подарков, накопленных сокровищ народу геатов; неистовая королева народа проявляла буйное настроение, что было ужасным преступлением; никто из дорогих товарищей не осмеливался нападать на это животное, кроме ее супруга, который ежедневно смотрел на нее своими глазами[207], но она назначила ему назначенные узы для умерщвления — скрученные руками: вскоре после того, как они пожали друг другу руки, дело было улажено ножом, так что превосходный меч должен внести свой вклад в дело, должен показать фатальное зло: леди, какой бы привлекательной она ни была, не имеет женского обычая совершать поступки, за которыми ткач мира должен бороться всю свою жизнь, с гневом преследовать дорогого человека: это действительно вызвало отвращение у родственника Хемминга. Другие говорили, попивая эль, что она совершала менее могущественные злодеяния, менее коварную злобу с тех пор, как ее впервые отдали, окруженную золотом, молодому воину, благородному зверю: с тех пор, как по совету своего отца она отправилась в путешествие по залежному потоку во дворец Оффы, где впоследствии она благополучно воссела на свой трон с хорошей репутацией, наслаждалась живыми созданиями и питала высокую любовь к принцу людей, лучшему между двумя морями из всего человечества, из всей расы людей, насколько я слышал: к Оффе, храброму на копье. воин был широко известен как своей щедростью, так и своими войнами, в мудрости он сохранил свое родовое наследие, когда он, печальный воин, бросился на помощь людям, он был родственником Хемминга, племянником Гармунда, могучего в военном деле".

Беовульф приближается к своему концу; подробно описаны церемонии его похорон, упоминаются политические осложнения, вызванные его смертью:—

3. "Ныне дарующий радость людям Запада, Владыка Геатов, постится на смертном одре, он пребывает в смертельном покое: рядом с ним лежит его смертельный враг, больной от морских ран; своим мечом он никоим образом не смог бы нанести рану негодяю. Виглаф, сын Вигстана, восседает над Беовульфом, один воин над другим, лишенный жизни, печально охраняет добро и зло: теперь пусть люди ожидают военного времени, как только среди франков и фризов станет известно о падении короля: установилась жестокая вражда против хугов, после того как Хигелак приплыл с флотом во Фрисландию, где его враги лишили его войны, смело они пошли с превосходящими[208] силами, так что что воин должен склониться, он пал в битве, и вождь не отдал сокровищ своим доблестным товарищам: с тех пор, как заключен мир с морскими ведьмами, отказавшими нам: я также не жду мира или верности от Сведена, но было широко известно, что Онгентеуов лишил жизни Хетейна Хретлинга возле леса Хрефна, когда из-за своей гордости боевые Скильфинги впервые разыскали народ геатов. Вскоре благоразумный отец Охтера, старый и ужасный, нанес ему удар рукой; он лишил морского короля отряда дев, старик забрал старую деву, обвешанную золотом, мать Онелы и Охтера, а затем преследовал убийц, пока они с трудом не сбежали в Хрефнес-холт, лишенные своего Господина: тогда с могучей силой он окружил тех, кого оставил меч, измученных их ранами: позором он часто угрожал несчастному роду всю ночь напролет: он сказал, что они были убиты. утром он прикончит их острием меча, некоторых вздернет на виселице ради забавы: с рассветом к печальным настроениям снова вернулось утешение, поскольку они услышали звуки рога и труб Хигелака, когда добрый принц напал на их след с силой своего народа.

"Для него тогда народ Geáts приготовить на землю погребальный костер, сильный, висел круглый с касками, с войны-досками и щитами, Кольчугами, как он просил: плач героев легло

тогда, в разгар своей дорогой Господь; потом стали воинами, чтобы проснуться на холме, самый могущественный из тюков пожаров; древесные-дым поднимался вверх, темные от враг древесины; с шумом он шел, смешавшись со слезами: смесь ветер дует, пока не нарушил bonehouse, жарко в груди, грусть в виду, жаль, что настроения у них застонал смерти Господа:— народ вестерны кованые затем насыпь над морем, он был высокий и широкий, легко вот у моряков над волнами, и в течение десяти дней они построили маяк войны-прославленным, самым могущественным пожаров; они окружили его стеной, в наиболее достойным образом, что волхвы могли придумать его: они положили в Курган кольца и яркие драгоценные камни,— все такие украшения, как свирепые люди еще раньше был взят из клада; они страдают от земли, чтобы удержать сокровище, воины, золото на[209] песок, там еще пребывает вовек, как это было раньше. Затем вокруг кургана объезжал отряд боевых зверей, состоящих из знати, всего двенадцать человек: они говорили о короле, они вспоминали о нем, они пересказывали слова песни, они говорили сами: они восхваляли его доблесть, и его храбрые поступки они оценивали с похвалой, как и подобает человеку превозносить своего дружественного Повелителя, любить его душой, когда он должен покинуть тело, чтобы стать бесполезным. Так жители геатов, его домашние товарищи, оплакивали своего дорогого Повелителя; они говорили, что он был одним из королей мира, самым кротким из людей, самым милостивым к своему народу и самым ревнивым к славе".

Несомненно, что скандинавские, фризские, английские и другие германские элементы сочетаются в этой поэме; и, глядя на то, в какой степени Беовульф, герой, помимо других неясностей в отношении его личности, является не только Англом, но и Геатом, я не могу не заподозрить включение некоторых славянских и литовских элементов. *Финн* тоже как герой, но не лапландцев (для которых он был бы подходящим эпонимом), а фризов, создает дополнительную сложность.

У Хродгара, датчанина или джута, тоже есть имя, которое неудобно отличается от имени более исторического Радигера, который вскоре попадет в поле зрения.

Главный факт, который мы узнаем из "Беовульфа", является, как это обычно бывает с ранними стихотворениями, одним из важнейших в истории художественной литературы; и, чтобы не принижать подобные факты, давайте вспомним, что история художественной литературы - это история обмена идеями.[210]

Теперь Беовульф рассказывает нам, что, самое позднее, во время его создания и, вероятно, намного раньше произошел определенный обмен легендами или историями между датчанами, шведами, лангобардами, франками, англами, фризами и гетами. Таким образом, мы можем сказать, что у англичан была Героическая эпоха.

Что касается их исторической эпохи, то хорошо известное замечание Беды, охотно принятое большинством его последователей, выводит англов из той части Германии, которую он называет *Angulus*, между провинциями ютов и саксов, и которая до его времени оставалась пустошью - "*patria quæ Angulus dicitur, et ab eo tempore usque hodie desertus inter provincias Iutarum et Saxonum perhibetur*".

Саксонская хроника просто переводит это. Альфред усиливает это, написав, что там "жили англичане до того, как пришли сюда". —*т.е.* в Англию.

Ethelweard speaks of "Anglia vetus, sita inter Saxones et Giotos, habens oppidum capitale, quod sermone Saxonico Sleswic nuncupatur, secundum vero Danos, *Hathaby*."

Хорошо известная местность в герцогстве Слесвик предоставляет комментарии к этим текстам. Треугольный участок земли, размером примерно с графство Мидлсекс, ограничен с двух сторон реками Слайе и Фленсбургским заливом, а[211] с третьей стороны дорогой из этого города в Шлесвик.

Многие авторы считают, что сюда следует поместить англов; и, думая так, утверждают, что ни одно население, за исключением англов или какого-либо близкородственного племени, не может претендовать на то, чтобы считаться первыми жителями Гольштейна и Слесвика. Однако они упускают из виду тот важный факт, что Птолемей, который помещает *ангилов* в местность далеко к югу от рассматриваемых частей, размещает в этих частях население, которое он отделяет от своих *ангилов*. Они также упускают из виду еще более важный факт, что единственными более древними популяциями, определенные следы которых можно обнаружить либо в Гольштейне, либо в Шлезвике, являются фризы и славонцы — фризы на западе и славонцы на востоке.

С другой точки зрения, этот район важен, хотя линия критики, к которой он относится, постепенно устаревает. Когда прямое влияние датчан и норвежцев на язык Британии было менее признано, чем сейчас, было отнюдь не редкостью объяснять такие скандинавские слова, как возникшие, предположением, что они были *англом* в противоположность *саксонскому*, поскольку англ был самым датским из всех собственно немецких диалектов — переходным, возможно, к тевтонскому и скандинавскому разделением так называемого готского фонда.[212] Эту линию критики трудно было опровергнуть; поскольку сторонник англового происхождения датских слов мог справедливо утверждать, что это был датский диалект. недостаточно, чтобы показать, что это слово было скандинавским. Необходимо также показать, что его не существовало в северонемецких диалектах. Это привело к пресловутой трудности доказательства отрицательного утверждения. Следовательно, район Англен и заявление Беда по этому поводу важны.

Так вот, в настоящий момент этот район Англен такой же *угловой* или *английский*, как и остальная Германия, то есть почти совсем не такой. Это нижненемецкий с примесью датского; когда-то он был еще более датским, о чем свидетельствуют географические названия, оканчивающиеся на *-by*, *-skovi* *-gaard*.

Единственным по-настоящему современным свидетельством Беда является утверждение о том, что на момент написания им статьи он был *пустошью*, и это лучше объясняется предположением, что это была Граница или Спорная земля между германскими и датскими жителями Слесвика, чем представлением о том, что он опустел из-за исхода его жителей в Великобританию. Великобритания. Вывод англов с невероятно маленькой территории, расположенной не на той стороне полуострова, следует рассматривать как умозаключение, прикрытое традицией. Я полагаю, что так оно и было; свободно, однако, допускаю, что если бы Англен обрушил на Англию хотя бы половину Англов[213], которые содержала Англия, было бы достаточно, чтобы она была наиболее эффективно опустошена.

В свое время я пошел дальше простого отрицания того, что *Англен* был исконной родиной *англов*, в исключительной манере, в которой Беда, очевидно, считает это, и рассматривал это

слово как простой перевод слова *Angulus*, поскольку рассматриваемый район, безусловно, является одним из укромных уголков полуострова. Но факт существования одного или двух небольших отдаленных округов, сохраняющих (я полагаю) определенные привилегии, за пределами области, ограниченной Слие, Фленсбургским заливом и дорогой на Шлесвик, в районах вокруг Лека и Бредстеда, а также на северо-фризской границе, изменил эту точку зрения и склонил меня к мысли, что *английские* районы Шлесвика на самом деле были *Угловыми* — хотя Угловыми только в том смысле, в каком Англия была Угловатой, *т.е.* от последствий вторжения из Ганновера. Если это так, то, хотя нам и не удастся найти в Слесвике метрополию англичан, вместо этого мы получаем деталь из истории германских англов — а именно, что некоторые англы, вероятно, в то время, когда они завоевывали Британию, возможно, повернулись лицом на север и основали поселения в определенных частях Слесвика, предварительно достигнув Траве. Таким образом, они добились небольшого морского завоевания на побережье Балтийского моря, точно так же, как они осуществили несколько крупных завоеваний на берегах[214] Британии. Почему я предполагаю, что это произошло по морю? Потому что, когда начинается настоящая история, какими бы ни были люди из *англена* в Слесвике, промежуточные части Гольштейна - вагрийские. Таким образом, поселение в Англене — это всего лишь деталь в военно-морской истории англов в период их расцвета и прогресса, то есть, если это вообще что-то из себя представляет.

Теперь уместно упомянуть о Прокопии. Принцесса Англов, помолвленная с Радигером, принцем Варнов, брошена своим обещанным мужем ради Теодехильда, вдовы его отца, и мстит за себя, отплывая к устью Рейна с большим флотом, побеждая своего недооцененного противника, прощая его, как это свойственно женщинам, и отвергая свою соперницу, как они обязательно поступают в таких случаях. Отрицать "всякую историческую основу этой истории", - пишет мистер Кембл,[22] "возможно, было бы проявлением неоправданного скептицизма. Однако самый поверхностный анализ доказывает, что, по крайней мере, во всех своих деталях он лишен точности. Период, в который следует отнести описываемые события, находится между 534 и 547 годами; и совершенно очевидно, что варны не были поселены в то время там, куда поместил их Прокопий; в этой местности мы можем искать только саксов. Вряд ли нужно говорить, что флот из четырехсот кораблей и армия из ста тысяч англов,[215] возглавляемые женщиной, не являются данными, на которые мы могли бы безоговорочно полагаться при расчете политической или военной мощи какого-либо английского княжества в начале VI века, или что корабли, способные перевозить двести пятьдесят человек каждый, вряд ли были спущены на воду в то время из какого-либо порта Англии. И все же я не совсем расположен отрицать возможность грабительских набегов из заселенных частей острова, примыкающих к восточному побережью".

От этой критики я отличаюсь только тем, что думаю, что вместо того, чтобы Прокопий перепутал саксов с варнами, он перепутал Эльбу с Рейном.

Это вопрос некоторой неопределенности, но не имеющий большого значения для выяснения, были ли англосаксы оскорбленной, но простившей принцессы выходцами из Британии, или из жителей островов Ганновер, уже находящихся в состоянии реакции против своего континентального отечества, или просто англосаксы с Эльбы. Рассказы Прокопия об обеих странах в высшей степени туманны и противоречивы. Достоверно лишь то, что уже в девятом веке были континентальные писатели, которые приписывали немцам Британии переселение с Острова на Континент еще в их собственное время, в пятом веке. Более того, еще позже

нашлись некоторые историки, которые полностью изменили порядок англосаксонской миграции[216] и вывели истинных немцев Отечества из Англии.

И теперь история возникновения и прогресса англов на земле Германии заканчивается. Даже если его можно увеличить, информации *немного*. И все же мы вряд ли могли ожидать большего. Напротив, почему бы the Angles не разделить полную безвестность Nuithones, Sigulones и других? Какое население из тех, с кем они вступали в контакт, могло зафиксировать их союзы, их победы или поражения? Не фризы, которые были неграмотными до тех пор, пока были язычниками, и были язычниками до десятого века. Не славяне, чья духовная и интеллектуальная темнота была равной. Не римляне, по уже указанным причинам. Остались только галлы и бритты. Но, к сожалению, в глазах галлов и бриттов, хотя все англы были саксами, не все саксы были англами — так что доля собственно истории англов, которую мы имеем в галльских и британских рассказах о саксах, не может быть определена.

Было заявлено, что история саксов континента была историей *Старых* саксов. И так было вплоть до времен Беды и примерно полвека спустя. Следовательно, правило таково: там, где мы слышим о действиях саксов на море, действующими лицами могут быть древнесаксы,[217] англы, фризы, скандинавы или славонцы, а там, где мы слышим о действиях на *Твердой* земле Германии, а также во времена, предшествующие 800 году до н.э., действующими лицами скорее являются древнесаксы, чем англосаксы. В данном случае, за исключением Британии, у нас практически нет истории англов под названием Saxon; и, поскольку столь же мало истории под названием Angle, у нас, как уже было замечено, почти нет истории англов вообще — *т.е., в Германии*.

Но с воцарением Карла Великого критика меняется. *Саксонская* история даже в Германии становится *англо-саксонской*, а также *старо-саксонской*, и вполне возможно, что события примерно поровну распределены между двумя подразделениями. Причина ясна. Гербы Южной и Средней Европы проникли в районы за Везером, и требуется только, чтобы *Углы* были описаны под их собственным именем (вместо саксонского), чтобы у нас были материалы по средней истории. Это отвратительная история, которую могут позволить себе лишь немногие нации, кроме англичан. На всей протяженности и ширине Германии нет ни одной деревни или семейства, которые могли бы продемонстрировать явные признаки происхождения от континентальных предков англов Англии. Нет ни одного мужчины, женщины или ребенка, которые могли бы сказать: *в моих жилах течет чистая английская кровь*. Ни в одном укромном уголке нельзя найти диалект или подобдиалект самой провинциальной[218] формы немецкой речи, которая имела бы сходную родословную с английской. Углы Континента либо истреблены, либо неразличимо смешаны с другими германцами в более или менее значительных пропорциях и в более или менее разнородных сочетаниях. И история завоевания и обращения саксов Карлом Великим - это история этого вымирания. Именно это делает настолько невозможным рассуждение в обратном порядке от нынешнего состояния Углов Германии к более раннему и, таким образом, реконструировать их историю. У них *нет* нынешнего состояния. Как и у *древних* саксов - их ближайших родственников. Только от фризов, ближайших к нам, сохранились фрагменты; ибо, хотя враг древнесаксов и англосаксов был врагом и фризов, он не был в равной степени их истребителем. Возможно, они были храбрее, чем англы и древнесаксы, а возможно, и нет. Они, безусловно, занимали более труднодоступную страну. К этому периоду — периоду их сокращения — относятся англы и верини Тюрингии. Возможно, они

действительно добрались туда, как добрались до Слесвика, путем завоевания и в более ранний период. Если так, то союз существовал. Однако, более вероятно, что они были пересажены.

СНОСКИ:

[22] Саксы в Англии, глава 24.

[219]

ГЛАВА XI.

РЕЗЮМЕ И ИЛЛЮСТРАЦИИ.—ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ О КЕЛЬТСКОМ ХАРАКТЕРЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ ЖИТЕЛЕЙ БРИТАНИИ И Т.Д.—ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ДРЕВНИМИ БРИТТАМИ И ДРЕВНИМИ ГАЛЛАМИ И Т.Д.—ШОТЛАНДСКИЕ ГЭЛЫ.—ПИКТЫ.—ДАТА ГЕРМАНСКИХ ВТОРЖЕНИЙ.—ИМЕНА АНГЛ И саксон.

О Британских островах во времена англосаксонского вторжения мы сделали скорее набросок, чем картинку; набросок нечеткий по очертаниям, а некоторые его детали почти незаметны. Тем не менее, это набросок, в котором некоторые моменты довольно ясны. Немцы одной или нескольких разновидностей, кельты гэльского или британского происхождения, пикты, которые могут быть кем угодно, римляне и римские легионеры - вот главные элементы. Нам пришлось распределить их во времени и пространстве, насколько это было возможно. Нам также пришлось, насколько это было возможно, исследовать их отношения друг к другу.

Давайте оглянемся назад на то, что было предпринято в этом отношении.

И в первую очередь в отношении наших *данных*. Утверждения ранних авторов и ценность, которой они обязаны, стали предметом отдельной главы; [23] и есть надежда, что без какого-либо неоправданного умаления их было показано, что [220] они верны только тогда, когда им противопоставляется очень небольшое количество либо противоречивых фактов, либо *априорных* невероятностей. Я также придаю им лишь незначительное значение, когда они утверждают отрицательное, и столь же незначительное, когда их очевидное свидетельство может быть сведено к умозаключению. Однако их абсолютное свидетельство должно приниматься таким, каким мы его находим.

Отчасти для краткого изложения, а отчасти с целью провести дальнейшее исследование определенных вопросов, которые нельзя было бы рассматривать до тех пор, пока перед читателем не будут представлены определенные предварительные факты, наиболее важные выводы облекаются в форму следующих положений, к некоторым из которых прилагается комментарий.

Я.

Британские острова изначально и исключительно были заселены выходцами из кельтской части континента.

Это подразумевает возражение против доктрины любого докельтского населения и против выводов, сделанных на основе определенных реальных или предполагаемых особенностей формы черепов из курганов каменного периода. (См. стр. 26-27.)

II.

Гэлы не могут происходить от бриттов,[221] ни бритты от гэлов; напротив, каждая ветвь должна была развиться от какого-то общего предка.

Это основано на различиях между британским и гэльским языками. (См. Главу V.)

III.

Из этой обыкновенной породы, по крайней мере, британская ветвь должна была развиться на континенте. (См. Главу VI.)

Это, конечно, предполагает, что галлы Галлии происходили не из Британии; точка зрения, которая никогда не была принята и которая, вероятно, имеет так мало подтверждений, что делает ее исследование излишним.

Британский язык Британии и гэльский язык Галлии не были бы так похожи, как были, если бы они развивались отдельно, каждый по-своему.

Это последнее утверждение зависит, однако, в значительной степени от следующего, а именно от того, что —

IV.

Сходство между древним языком Галлии и древним языком Британии измеряется сходством между нынешним валлийским и армориканским в Бретани.

Аргументы стр. 86-87, основанные на тесной связи между древним[222] языком Галлии[24] и британцами, были бы существенно ослаблены любым обстоятельством, которое исключало бы доказательства в пользу этого родства.

Нынешний валлийский и нынешний армориканский в Бретани - языки, которые очень близки друг к другу.

И поскольку армориканский представляет древний галльский, а валлийский - древнебританский, близость между двумя старыми языками должна была быть, по крайней мере, равной близости между двумя новыми.

Но что, если армориканцы представляют собой не древний галльский язык, а просто валлийский или корнуоллский, перенесенный в Бретань в пятом веке? В таком случае аргумент существенно ослабевает.

Теперь существует определенное количество заявлений именно на этот счет, а именно о валлийском происхождении армориканца. Пусть их изучат.

Гильдас, упоминающий восстание Максима, ничего не говорит о какой-либо миграции бриттов в Бретань.

Ненний приводит нам отчет, полный неточностей, состоящий в том, что Максим[223] седьмой *император* Британии покинул остров со всеми находившимися на нем британскими солдатами, убил римского короля Грациана и правил всей Европой; что он не отпустил солдат, которые отправились с ним, но дал им земли в Арморике или в стране *за морем* (*Ar-mor-*); что тогда и там эти солдаты Максима убили все мужчины женились на женщинах и отрезали им языки, чтобы дети не выучили язык своих родителей, а не язык своих завоевателей. По этой причине мы называем их *Letewicion*, или *полу-молчаливыми* (*semi-tacentes*). Так была заселена Бретань, а Британия опустела; так что ею завладели чужаки.

Отчет Беда столь же неудовлетворителен. Бритты были первыми, кто пришел на остров, и они пришли *из* Арморики. Они пришли *из* Арморики, высадились на юге Англии, и именно они дали название острову.

Теперь где—то есть ошибка - если не в Бедде, то в Ненниусе; если не в Ненниусе, то в Бедде.

Традиции едины, выводы различны; и когда Ненний приводит своих армориканцев из Корнуолла, а Беда - своих корнуолльцев из Арморики, мы имеем презумпцию против того, чтобы *традиция* была основой их утверждений. Реальной основой было существование британского языка по обе стороны Ла—Манша, факт, который, будучи по-разному[224] интерпретирован разными авторами, дал нам два отдельных и противоречивых вывода - каждый законный, и каждый (за неимением дополнительных *данных*) неверный.

Таким образом, нынешнее сходство между валлийским и армориканским остается незатронутым утверждениями Беда и Ненния; и вывод здравого смысла относительно последнего языка, представляющего древний галльский, напрашивается сам собой.

V.

Белги были кельтами британской ветви.

Это подразумевает возражение против всех аргументов в пользу германского населения, населявшего Британию до христианской эры, которые основаны на имени *Белги*. (См. стр. 61-75.)

VI.

Гэльская ветвь кельтской расы могла развиваться либо на Британских островах, либо на континенте. (Глава V.)

Следующий список слов в книге профессора Ньюмена "*Царственный Рим*", показывающий, что замечательный класс латинских слов был кельтским, а не родным, и гэльским, а не валлийским, и который не был опубликован на момент написания пятой главы, подтверждает доктрину о том, что гэлы были как континентальными, так и островными в степени, к которой я ранее не был готов:

[225]

English.	Латинский.	ГЭЛЬСКИЙ.
Оружие	arma	arm.

Оружие	телум	хвостовое.
Шлем	галеи	galia.
Щит	Щиток	sgiath.
Стрела	сагитта	сайгед.
Кольчуга	лорика	люрич.
Портик	сполию	spuill.
Ожерелье	monile	fail-муйнейл.
Точка	Острие	острия.
Копье	quiris[25]	кокосовая кость.

Это также скорее подтверждает гипотезу Лхайда, чем хибернианскую. (См. стр. 88-89.)

VII.

Самая ранняя этнология Шотландии заключалась в том, что самые ранние бритты, то есть либо британцы в отличие от гэльского, либо гэльский, который впоследствии стал таким же британским, как и сама Южная Британия.

Это означает, что нынешние гэлы не были аборигенами Шотландского нагорья, за исключением того, что они были аборигенами Кента или Уэльса. (См. стр. 88-89.)

VIII.

Нынешние шотландские гэлы ирландского происхождения.

Эти два положения идут рука об руку, включая возражение против так называемой "каледонской гипотезы" (стр. 89), с которой они несовместимы. Тем не менее, любое подтверждение[226] этой гипотезы *pro tanto* сделало бы недействительным настоящее.

Главными фактами, на которых основывается эта доктрина, являются...

1-е место. Отсутствие термина *sliabh*, нынешней гэльской формы для обозначения *горы*, по всей Шотландии — даже в ее гэльских частях.

2-й. В значительной степени формы в *абере* распространены к северу (см. стр. 81). Они встречаются так далеко за пределами области пиктов, что, хотя такой хороший писатель, как м-р Кембл, позволил себе сопоставить их с британскими, и хотя его список составных частей *абера* был помещен в главе настоящего автора о пиктах в качестве иллюстрации определенного направления критики, вывод о том, что они были бриттами на северобританском языке, *отличном от пиктского*, весьма вероятен. Следовательно, по крайней мере, в северных частях страны слово *абера* использовалось не потому, что страна была пиктской, а потому, что она была британской.

Хорошо известно, что по своим результатам эта доктрина является общепринятой; от нее она отличается тем, что опирается на этнологические выводы, а не на фрагмент истории.

Исторический отчет гласит, что *шотландцы* Шотландии изначально были ирландцами, так что земля *Гнева* была истинной *шотландской* землей. Это была Ирландия, где жили шотландцы,

когда пикты пришли из Скифии, Ирландия, откуда[227] пикты брали своих шотландских жен; и, наконец, Ирландия, которая дала свое нынешнее гэльское население Северной Британии. Под предводительством по имени *Реуда* ирландские шотландцы переплыли Ирландское море, проникли далеко в залив Ферт-оф-Клайд, обосновались к северу от пиктов, вытеснили этот народ на юг, умножили свой род в Высокогорье и называли себя *далриадами* (*Dalreudini*), поскольку *Реуда* было именем их вождя, а *даал* означало *часть*. Точка, где шотландцы высадились, находилась как раз там, где соединялись британские и пиктские области, части Алклуита или Думбартона — "процедура *autem tempore*, Британия после бриттонов и пикто, территория шотландской нации в Живописной части рецепта, как дуче Реуда де Гиберния прогрессирует, как мирная жизнь, как ферро сибимет между ними, как постоянное место жительства, виндикарунт; как увидеть, что дуче ускорился" *дальрудини* вокалист, назови наш язык "даал" *частью* значения". — История. Еккл. i. 1.

Согласиться с Бедой в том, что шотландские гэлы навязчивы, но не согласиться с его доказательствами - значит, по-видимому, заменить плохую причину хорошей, не влияя на вывод, *т.е.* безвозмездно. Скоро мы увидим, насколько это так.

В настоящее время я замечаю, что вся Шотландия, возможно, была британской, не будучи полностью пиктской; и что[228]—

Части Шотландии, которые не были гэльскими в начале Исторического периода и не были таковыми с тех пор, никогда ими не были.[26]

IX.

Пикты могли быть, а могли и не быть британскими кельтами Шотландии: это зависит от того, в какой степени глосс pen n fahel является словом, принадлежащим к языку пиктов, или только словом, принадлежащим к языку, на котором говорят на территории пиктов.

Почему это не должно быть Pict? Зачем нарушать вывод, предполагая, что они могут быть пиктскими только потому, что *мужчина* или *женщина* - валлийцы, *т.е.* Слова, отличные от пикт, но используемые в пикт-области точно так же, как на английском говорят в валлийском городе Суонси? Я признаю, что, если мы обратимся только к простому и прямолинейному значению слова Beda, в этом уточнении нет необходимости. Однако существуют определенные сложности.[229]

Daal=часть, подозрительно похоже на немецкое *theil*, английское *deal*, англосаксонское *dæl*, норвежское *del, dal*; действительно, удивительно, что Беда принял это за иностранное слово. Следовательно, глянец за гляncем, это *почти* такое же веское доказательство того, что пикты были германцами или норвежцами, как *пенн фейхел* - то, что они были британцами. Я говорю "*почти*", потому что прямо указано, что это был *скотч*. Но это не так. Каково же тогда наше следующее лучшее объяснение? Предположить, что это слово использовалось не шотландским населением, а на границе с Шотландией. Теперь это население было пиктским.

X.

Завоевание Далриады могло быть реальным, а могло и не быть. Будучи реальным, оно могло дать начало гэльскому населению Шотландии, а могло и не дать.

Это означает, что свидетельства Беды, будучи исключительными, могут быть полностью ложными — за исключением тех случаев, когда они являются выводом из существования гэлов как в Ирландии, так и в Западном Нагорье.

Даже если этот факт верен, его этнологическое значение может быть переоценено, поскольку исследование происхождения шотландских гэлов ставит вопрос не о том, присваивали ли когда-либо какие-либо ирландские шотландцы какую-либо часть Шотландии, а о том, было ли такое присвоение тем, которое объясняет гэльское население Северной Британии. В этом[230] разница между *a* завоеванием и *the conquest* — разница, которую слишком часто упускают из виду.

Я не хотел бы говорить, что пикты не были скандинавами, что будет более подробно рассмотрено в тринадцатой главе. Следовательно —

XI.

Скандинавские поселения, возможно, возникли еще при первых упоминаниях о пиктах.

В данном случае это были бы Норвегия, Северная Шотландия, Гебридские острова, Ирландия и Галлоуэй.

XII.

Германские элементы существовали в Британии во времена правления Диоклетиана.

Об этом свидетельствуют сообщения франков в Кенте и Мидлсексе. (См. стр. 96.)

XIII.

Маленький Саксонец, должно быть, был разорен германцами еще во времена правления Гонория.

Это следует признать, даже если мы истолковываем *Saxonicit* как *разоренный саксами*, а не *оккупированный саксами* — конструкция, которая настолько неестественна, что я сомневаюсь, что к ней когда-либо прибегали бы, если бы язык Гильдаса не предполагал, что он исключает представление о каком-либо саксонском вторжении до 449 года нашей эры. Мы видели, однако, как мало этот автор был в[231] положении, чтобы сделать отрицательное заявление, т.е. Заявить не только о том, что Хенгист и Хорса приезжали сюда в данном году, но и о том, что никто из их соотечественников никогда не делал этого в предыдущем.

XIV.

Нет необходимости проводить различие между англами и саксами Великобритании на основании разницы в названии.

Это, однако, ни в коем случае не означает, что они должны быть идентифицированы. Это просто означает, что название мало что говорит; и что разница в происхождении между различными частями германского населения Британии должна определяться фактами каждого конкретного случая.

СНОСКИ:

[23] Глава vii.

[24] Вот одно из тысячи и одного неудобства, вытекающего из нашей нынешней филологической терминологии. Я *противопоставляю* два языка друг другу, но их *названия* так же похожи, как *галльский* и *гэльский*.

[25] *Сабина*—Сивый квод хаста *квирис* присцис эст дикта Сабинис.—*Овидий*.

[26] Это противоречит мнению, которого я придерживался в другом месте (*Человек и его миграции*, стр. 161-162). Действуя на основании доктрины, согласно которой Ирландию следует считать населенной из ближайшей части ближайшей земли более континентального характера, чем она сама, если только не было доказано обратное, я полностью проигнорировал заявление Беды и заселил Ирландию из районов, прилегающих к Муллу Кантир. Нынешнее изменение мнения возникло из-за отсутствия изменений в оценке заявления Beda. Степень, в которой формы на *aber* встречаются в Шотландии, и степень, в которой отсутствует название *sliabh* (вместе с несколькими другими), являются реальными причинами.

[232]

ГЛАВА XII.

АНАЛИЗ ГЕРМАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АНГЛИИ.—ДЖУТОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ СОМНИТЕЛЕН.—
ВЕРОЯТНЫ ФРИЗСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ.—ДРУГИЕ ГЕРМАНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ, НАСКОЛЬКО ЭТО
ВЕРОЯТНО.—ФОРМЫ НА -ING.

В настоящей главе будет рассмотрено, в какой степени определенные германские популяции, упомянутые Бедой и другими авторами как принимавшие участие в англосаксонских вторжениях в Великобританию, на самом деле делали это; также будет задан вопрос, не могли ли некоторые другие популяции, *не упомянутые* таким образом, тем не менее, присоединиться к этим вторжениям, хотя их доля в них не была зарегистрирована.

Юты.— Повлияли ли юты, а не англы или какое-либо другое союзное население, на завоевание и заселение частей Хэмпшира и острова Уайт, как о них говорят?

Давайте представим случай, когда американский археолог в отсутствие какой-либо достоверной истории рассуждает о происхождении трех популяций Плимута, Нью-Джерси и Портсмута, трех популяций, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга. Он знает, что, как правило, они должны быть выведены из Англии, и соответственно изучает карту Англии. На[233] южном побережье он находит Джерси, из чего делает обоснованный вывод, что это *Старый Джерси*, родина американцев *Нового периода*. Он также находит "Плимут", из чего делает такой же разумный вывод. Наконец, он видит город под названием Портсмут - и здесь он повторяет свои рассуждения — рассуждения, которые в высшей степени логичны, убедительны и, по-видимому, неопровержимы. Это проходит без оспаривания или возражений, и происхождение трех популяций постепенно теряет свой логический характер и приобретает характер факта, основанного на доказательствах. Писатель, который более или менее бессознательно принимает его взгляды, возможно, сам автор, затем верит, что его доктрина

имеет скорее историческую, чем логическую основу, и она считается фактом, основанным на записях или, по крайней мере, на традиции. В таком случае можно было бы легко написать предложение, подобное следующему: "они" (а именно, население Нью—Джерси, Плимута и Портсмута) "произошли от трех наиболее могущественных групп населения Англии, *т.е.*, жителей Джерси, Плимута и Портсмута. От жителей Джерси произошли жители Нью-Джерси, от жителей Плимута - жители Плимута, а от жителей Портсмута - жители так называемых районов ". Я говорю, что такое предложение может быть написано, может сойти за факт, и независимо от того, факт это или нет, оно будет содержать аргумент, настолько законный, что устоит против девятисот[234] и девяноста девяти возражений из тысячи. И все же тысячный мог бы отложить это в сторону, поскольку некоторые факты могли быть упущены из виду.

Что, если бы первоначальным названием индейского племени было Джерси (или что-то похожее), или Портсмут, или Плимут? Я признаю, что шансы против такого события невелики. Но что, если это действительно произошло? Нельзя отрицать, что это существенно поколебало бы вывод. Более того, какой бы ни был этот вывод в виде традиции или летописи, он поколебал бы утверждение автора, сделавшего его, каким бы безупречным оно ни было.

Тем не менее, доктрина может быть правильной, и не только правильной, но и способной продемонстрировать свою правильность. Пусть рассматриваемое название будет последним упомянутым — Нью-Джерси. Пусть жители Старого Джерси в Англии будут похожи на жителей Плимута, но будут отличаться от них некоторыми определенными характеристиками. Пусть эти характеристики вновь проявятся у жителей Нью-Джерси в Америке. В таком случае исключения, сделанные из утверждения о нынешнем существовании коренного индийского населения под названием *нуджерси* (поскольку мы предположим, что это именно такое название), упали бы на землю.

Но что, если ни этнологическая проницательность, ни этимологическая проницательность, ни тщательный анализ имен, традиций или диалектов никогда не приводили к обнаружению[235] таких *различий*, так что, несмотря на усилия ученых антикваров, нельзя было доказать, что жители Нью-Джерси отличаются от жителей Плимута и Портсмута, в то время как *старые* жители Джерси действительно сильно отличались. В таком случае возражение, первоначально взятое из предыдущего названия индейского племени, оставалось бы в силе.

С соответствующими изменениями это относится и к заявлению Беды относительно ютов, которое звучит следующим образом: "Advenerant autem de tribus Germaniae populis fortioribus, то есть *Saxonibus, Anglis, Jutis*. De *Jutarum* origine sunt *Cantuarii* et *Vectuarii*, hoc est ea gens, quæ Vectam tenet insulam, et ea, quæ usque hodie in provincia Occidentalium Saxonum *Jutarum* natio nominatur, posita contra ipsam insulam Vectam. De *Saxonibus*, id est ea regione, quæ nunc antiquorum Saxonum cognominatur, venere *Orientalis Saxones, Meridiani Saxones, Occidui Saxones*. Porro de *Anglis*, hoc est de illa patria, quæ Angulus dicitur et ab eo tempore usque hodie manere desertus inter provincias Jutarum et Saxonum perhibetur, *Orientalis Angli, Mediterranei Angli, Mercii*, tota *Nordhumbrorum* progenies, id est illarum gentium, quæ ad boream Humbri fluminis inhabitant, ceterique Anglorum populi sunt orti."—Beda 1, 15.

Англы, саксы и юты встречались в[236] сравнительно узких пределах в Великобритании, и в столь же узких пределах англы, саксы и юты встречались в Северной Германии и Дании.

Англы Англии, несомненно, пришли из Германии; саксы тоже.

Но сделали ли это *юты*? Давайте посмотрим на различные формы, которые принимало их название; а также на формы названия ютландских ютов; и когда мы увидим, что иногда они оба принимали одно и то же название, давайте спросим, не применимо ли возражение, которое только что было выдвинуто против предполагаемых американских спекуляций, к настоящему английскому.

Юты Англии назывались *ютнацин*, или *джутовый род*; их местопребыванием был остров Уайт, и от этого острова их называли *С-уэром*, *Вектом-иенсесом* или *векти-кола*. Беда сам отождествляет эти две популяции, говоря, что *вектуариу* (*Wiht-ware*), "которые владели островом Уайт, были джутового происхождения". И, чтобы этого было недостаточно, и "Англосаксонская хроника", и "Альфред" повторяют (или, скорее, переводят) утверждение: -

1

Из всего, что связано с Кантваром и Без него, известно, что это сео мэйя, что никто не слышал о Нем, и что мужчина Западного Пола гит хет Ютнакинн.

От ютов произошел народ Кент, и народ витовт, то есть раса, которая сейчас обитает в Витовте, и то племя среди западных саксов, которое до сих пор называется племенем джутов.

[237]

2

Общий Ди þrym folcum þa strangestan Germaniæ; þæt из Seaxum, и из угла, и Geatum; из Geatum Фруман синдон не могу-wære и c-sætan, þæt такое SEO þeód ГП с þat ealond на eardað.

Происходили они из трех народов, сильнейших в Германии: из саксов, англов и геатов. Гиты изначально были жителями Кента и уит-поселенцами, то есть народом, на котором живет Остров.

Так вот, это название, которое вообще никогда не происходило от ютов; поскольку оно существовало за триста лет до их предполагаемого появления как слово *Vectis=остров Уайт*; и было британским, а не немецким термином.

А *обитатели* были, по крайней мере частично, не немцами, а бриттами, и как бритты, а не как ютландцы, они контрастировали с саксами, жившими по соседству. The proof of this is in Asser, who says that Alfred's mother "Osburg nominabatur, religiosa nimium fæmina, Nobilis ingenio, nobilis et genere; quæ erat filia Oslac—qui Oslac Gothus erat natione, ortus enim erat de Gothis et Jutis; de semine scilicet Stuf et Wihtgar—qui acceptâ potestate Vectis Insulæ—paucos Britannos, ejusdem insulæ accolæ, quos in eâ invenire potuerant, in loco qui dicitur Gwitigaraburgh occiderunt, cæteri enim accolæ ejusdem insulæ ante sunt occisi aut exules aufugerant."—Asserius, *De Gestis Alfredi Regis*.

Так что Гвит-гарабург теперь *Карис-брук*, а[238] *Карис-брук* во времена Стафа и Витгара был последним оплотом *гвитов*, *витэ*, *вектиколей* или *вектиенсесов*, которые были просто бриттами, смешанными с *ют-э*.

Кем же тогда были *ютнацины*, жившие в Хэмпшире, в отличие от жителей Карисбрука на острове Уайт? Я полагаю, не настаивая на этом и не предполагая, что от этого зависит что-то важное, что они были *эксулами* Ассера, остатками, спасшимися от истребляющих мечей Стафа

и Вихтгара при завоевании острова. То, что они существовали во времена Беды, верно; однако не как датчане из Ютландии, а как бритты из страны *Wiht-ware*.

Я не берусь сказать, почему возникла двойная форма *Vit* и *Jut* — и мне не следовало бы самому их идентифицировать. Это сделал не я, а Беда и Альфред; как должен признать любой, кто не может показать разницу между *Wiht-ware* и *Jutna-cyn* — оба автора происходят от *ютов*.

Я также не могу сказать, как *Ютландия* стала называться *vitландом*; я могу только сказать, что это изменение не является *предположением*. В документе от 952 г. н.э. мы находим его так называемым — *Dania Cismarina quam Vitland* апеллянт.—*Смотри* Зевса в *v*.

Как указывалось выше, все это рушится, если можно привести какие-либо отдельные существенные причины для рассмотрения[239] *жителей Ютландии*. Но таких не хватает. Если либо они, либо ютнацины с противоположного побережья Хантса были датчанами во времена Альфреда и Беды, где были признаки их происхождения? Не на их языке; поскольку датский язык не упоминается в списке британских языков Беды. Не в названиях географических населенных пунктов. Ни *-ware*, ни *-burgh* (в *Gwith -wara -burg*) не являются датскими терминами. Где сейчас такие знаки? Датское окончание для обозначения городов и деревень *-by*. Такого конца нет ни в Хэмпшире, ни на острове Уайт.

Повлияли ли юты, а не англы или какое-либо другое союзное население на завоевание и заселение Кента, как об этом говорят?

Предыдущее рассуждение ставит под сомнение только джутовое происхождение *ютнацина* или *Посуды* хантов. Происхождение кантуров, или народа Кента, из джута - отдельный вопрос.

Я только подозреваю здесь ошибку: причины для этого частично положительного, частично отрицательного характера:—

1. Насколько традиции чего-то стоят, они делают Хенгиста *фризским* героем.
2. Ни одно имя ни одного короля Кента не является датским.
3. В графстве нет датских форм для обозначения географических населенных пунктов.

То, что население Кента имеет определенные особенности, весьма вероятно; и также вероятно[240], что сходные особенности со стороны населения Хантов отнесли их к одной категории. Отсюда и произошло распространение джутовой гипотезы на *Кантовую посуду*.

Были ли фризы в Англии?— Предположение в пользу утвердительного ответа; поскольку фризы были в высшей степени оккупантами морского побережья Германии.

Снова—

1. Местная традиция делает Хенгиста фризцем.
2. Прокопий пишет, что "Бриттию населяют три многочисленных народа — ангилы, фриссоны и бритты". — Б. Г., iv. 20.
3. В одном из сражений Альфреда с датчанами говорится, что корабли были "по форме не похожи ни на фризские, ни на датские" и что в сражении были убиты "Вульфхард фризский, и

Эббе фризский, и Этельхер фризский — и из всех мужчин, фризцев и англичан, семьдесят два".
- Англосаксонская хроника, 897 г. н.э.

В книге мистера Кембла "Саксы в Англии" представлен новый инструмент критики. Местное название, подобное нынешнему городу *Kemmering*, происходит от англосаксонского *Cytringas*. Здесь *-as* является знаком множественного числа, а *-ing* - своего рода англосаксонским отчеством или (если это выражение является исключительным) родовой формой. Следовательно, *Cytr-ing-as* означает *циптрингии* является названием[241] сообщества— т.е.это политический или социальный, а не географический термин.

Сейчас почти двести таких терминов встречаются в англосаксонских чартах как названия мест.

Но помимо простой формы в *-ing* (англосаксонское *-ing-as*) в *-wíc*, *-ham*, *-weord*, *-tun*, *-hursti* др. есть ряд составных частей, таких как Биллинг-*ing*, Биллинг-*ham*, Биллинг-*hay*, Биллинг-*borough*, Биллинг-*ford*, Биллинг-*ton*, Биллинг-*ley*, Биллингс-*gate*, Биллинг-*hurst*, & с., большинство из которых, можно с уверенностью сказать, означают *херст*, *городок* и т.п. из *Биллингса*. Теперь...

1. Распределение этих форм, простых или составных, по графствам Англии выглядит следующим образом. В—

Йорк, 127; Норфолк, 97; Линкольншир, 76; Сассекс, 68; Кент, 60; Саффолк, 56; Эссекс, 48; Нортумберленд, 48; Глостер, 46; Сомерсет, 45; Нортгемптон, 35; Шропшир, 34; Хантс, 33; Оксфорд, 31; Уорик, 31; Ланкашир, 26; Чешир, 25; Уилтс, 25; Девон, 24; Бедфорд, 22; Беркс, 22; Ноттингем, 22; Кембридж, 21; Лестер, 19; Дарем, 19; Стаффорд, 19; Суррей, 18; Бакс, 17; Хантингдон, 16; Херефорд, 15; Дерби, 14; Вустер, 13; Миддлсекс, 12; Хартфорд, 10; Камберленд, 6; Ратленд, 4; Уэстморленд, 2; Корнуолл, 2; Монмут, 0.

При оценке этого списка необходимо учитывать размер округа. С учетом этой оговорки, доля форм *in -ing* является[242] показателем германизации населения. Он на *максимуме* в Кенте и Норфолке и на *минимуме* в Корнуолле и Монмуте.

2. Простые формы (например, *Биллингс*) в отличие от составных (*Биллинг-сено*) имеют следующие пропорции:—

В Эссексе как	21	до	48	В Northumberl. как	4	к	35
" Кент	25	—	60	" Nottinghamsh.	3	—	22
" Мидлсекс	4	—	12	" Northamptonsh.	3	—	48
" Хартфорд	3	—	10	" Дербишир	2	—	14
" Сассекс	24	—	68	" Дорсетшир	2	—	21
" Суррей	5	—	18	" Кембриджшир	2	—	21
" Беркс	5	—	22	" Оксфордшир	2	—	31
" Норфолк	24	—	96	" Gloucestersh.	2	—	46
" Саффолк	15	—	56	" Баксов	1	—	17
" Хантс	3	—	16	" Лестершир	1	—	19
" Охотится	6	—	33	" Девоншир	1	—	24
" Линкольншир	7	—	76	" Вянет	1	—	25

" Йоркшир	13	—	127	" Уорикшир	1	—	31
" Бедфордшир	4	—	22	" Шропшир	1	—	34
" Ланкашир	4	—	26	" Сомерсете	1	—	34

Теперь простые формы, которые, по мнению м-ра Кембла, были названиями более старых и оригинальных поселений с "дальнейшей возможностью того, что поселения будут отличаться добавлением *-hām*, *-wīc* и так далее к первоначальным названиям, будучи дочерними поселениями или, так сказать, колониями от них". -*Саксы в Англии*, i. 479.

3. Одни и те же названия встречаются в разных населенных пунктах, *например*:

Убийства	в	Эссексе, Сомерсете, Сассексе.
Алинги	"	Кент, Дорсет, Девон, Линкольн.
[243]Ардинги	"	Сассекс, Беркс, Север.
Арлингс	"	Девон, Глостер, Сассекс.
Банингс	"	Хертс, Кент, Линкольн, Салоп.
Украшения	"	Норфолк, Саффолк, Суррей, Сассекс, остров Уайт и др.

Это приводит к доктрине, согласно которой либо одно сообщество было выведено из другого, либо оба были выведены из третьего; это особенно актуально, когда...

4. Это название встречается как в Германии, так и в Великобритании. Это происходит с—

The	Уолсинги	произошли от	Уолсинг-хэма,
"	Харлингас	"	Харлинг,
"	"	Брентинга	-мимо,"
Скилдингас	Скилдинги	"	Скелдинг,
"	Шиллинг	-тонна	"Ардингас
"	Ардингас	."	Ардингас-стоящий
"	Херингас	"	Хардинг-хэм
"	Банингас	"	Бэннинг-хэм
"	Тирунгас	"	Торинг-тон и др.

Если все эти названия можно встретить не только в Германии но и в *угол* часть, действующая мнение относительно гомогенный характер англо-саксонским населением стоит спокойно. Однако каждый из них обнаружен за пределами области Угла, и, поскольку это так, у нас есть аргумент в пользу того, что наше раннее население было слегка неоднородным.

ГЛАВА XIII.

СКАНДИНАВЫ.—ФОРМЫ *IN -BY*: ИХ ИМПОРТ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ.—ДАТЧАНАЕ ИЗ ЛИНКОЛЬНШИРА И ДР.; ИЗ ВОСТОЧНОЙ АНГЛИИ; ИЗ ШОТЛАНДИИ; С ОСТРОВА МЭН; ИЗ ЛАНКАШИРА И ЧЕШИРА; ИЗ ПЕМБРУКШИРА.—НОРВЕЖЦЫ ИЗ НОРТУМБЕРЛЕНДА, ШОТЛАНДИИ И ИРЛАНДИИ И ОСТРОВА МЭН.—ФРИЗСКИЕ ФОРМЫ В ЙОРКШИРЕ.—БОГИ.—ОЛДСКРЕТЧ.—ПИКТЫ, ВОЗМОЖНО скандинавские.—НОРМАННЫ.

787 г.

н. э.

В Англосаксонской хронике мы находим следующие заметки: "В этом году король Беортрик взял в жены Эдбургу, дочь короля Оффы; и в его дни впервые пришли три корабля северян из земли Херета. И тогда правитель прискакал к тому месту и хотел отвезти их в королевский город, потому что он не знал, кто они такие; и они там убили его. Это были первые корабли датчан, которые искали земли английской расы". Снова: —

793 г.

н. э.

"В этом году страшные предвестия обрушились на землю Северных гумбрийцев и ужаснули людей; это были сильные вихри и молнии; и были замечены летящие в воздухе огненные драконы. Вскоре за этими знаменами последовал великий голод, а немного позже, в том же году, 6 января в Иды, набеги язычников прискорбным образом разрушили Божью церковь в Линдисфарне посредством[245] грабежей и резни. А Зига умер 8 марта в календы".

После этого упоминания о грозных датчанах становятся многочисленными и важными. Но влияние их вторжений можно найти не на страницах истории. Провинциальные диалекты Британских островов, местные названия на карте Европы, традиции и (в некоторых случаях) родословные старейших семей являются лучшими источниками.

Если мы изучим местные названия Германии и Скандинавии, то обнаружим, что по мере продвижения к северу от Эйдера происходят изменения. В Слесвике составные названия мест начинают заканчиваться на *-gaard*, *-skovi -by*; особенно на *-by*, как *Остер-by*, *Вис-by*, *Гаммел-by*, *Нор-by* и т.д. В Ютландии формы *in -by* достигают своего максимума. Они преобладают на островах. Они преобладают в Швеции. Они редки (факт огромной важности) в Норвегии. В Германии их либо нет, либо они случайны. Что касается его значения, *by*=*город, деревня, поселение*; и *Vu-en*=*город*, это термин, которым обозначаются Христиания или Копенгаген — метрополии Норвегии и Дании. Такие формы, как *Kir-ton*, *Nor-ton* и *New-ton* в немецком языке, в датском были бы *Kir-by*, *Nor-by*, *New-by*.

В настоящее время распространение форм *in -by* на Британских островах имеет тот же смысл, что и их распространение[246] в Германии и Скандинавии. Это указывает на датское население, в отличие от немецкого. Опять же, англосаксонскими формами являются *Church* и *Ship*, как в *Dun—church* и *Ship-ton*; тогда как датскими являются *Kirk* и *Skip*, как в *Orms-kirk* и *Skip-ton*. Распространение этих форм на Британских островах близко совпадает с распространением соединений, входящих в состав *by*.

С этими предварительными замечаниями мы будем следовать по линиям, обозначенным появлением местностей *vby*; начиная с точки на побережье Линкольншира, примерно на полпути между входом в Уош и устьем Хамбера; направление - юг и юго-запад. Андер-у ручья, Уиллоу-у холмов, Мама-у, Ор-у, Ик-у, Фирс-у, Ревес-у, Конингс-у, Кувшин-у, Асгар-у, [27] *Span-by*, *Dows-by*, *Duns-by*, *Насон-by*, [27] *Thurl-by*, *Carl-by* [27] перенесите нас в Ратлендшир, где мы найдем только *Grun-by* и *Нoo-by*. Не многочисленны они и в Нортгемптоншире; Кэнонс-Эш -от, Кейтс-оти Бад-от, которые дают нам очертания юго-восточных частей их ареала. Для Хантингдона, Кембриджа и Бедса ничто не заканчивается на -на, в то время как другие формы находятся в *sh* и *ch* — как *Чарльтон*, *Шелтон*, *Честертон*, а не как *Карлтон*, *Скелтон*, *Кастертон*. Лестершир [247] изобилует формами, в чем можно убедиться, посмотрев на районы вокруг Мелтона, вдоль долин Рек и Соар; но по мере приближения к Уорикширу они уменьшаются, и к югу от Руг-бу их нет. Более того, форма внезапно меняется, и в трех милях ниже последнего названного города мы видим Дан-чУрч и Коач-батч. Традиция также указывает на существование древнего Марша или Спорной Земли; к югу от Руг-бу начинается сцена деяний Гая графа Уорика, убийцы *Коричневой* коровы. Вероятно, также, что Бевис из Хэмптона был похожим [28] Герой графства *Норт-амп-тон*, несмотря на претензии города Саутгемптон.-----

Теперь линия берет направление на север и проходит через Бретби (на реке Трент) до Дерби, полностью включая Лестершир. И здесь граница леса, который первоначально покрывал угольный район, по-видимому, была западной границей датских вторжений, за которыми лежали Ротерхэм, Шеффилд и Лидс, но в пределах которых находилась большая часть Ноттингемшира и значительная часть Дерби. В Йоркшире Восточный Райдинг является датским и в значительной степени Северным; действительно, западные истоки Уза, по-видимому, были прослежены до их истоков, а водораздел Англии был пересечен. Это приводит к многочисленным публикациям [248] в Камберленде и Уэстморленде [29] -*Kirk—от*, *Apple-от*, &c.

Вот и все, что касается очень неправильных и примечательных очертаний области форм, расположенных рядом с ее южной и западной сторон. На северо-востоке она почти совпадает с долиной Тиса — почти, но не совсем; поскольку в Дареме у нас есть *Ра-by*, *Села-by*, и *Рам-by*. Производные *castra*, с другой стороны, являются in -*ch-*; например, *Ебсн* сложный эфир, *Снэфир* ле-стрит, *Лансн* сложный эфир (*Lan-caster*). В Нортумберленде их нет.

Я рассматриваю это как единственную большую главную датскую территорию Великобритании, ее обитатели были выведены из ряда первичных поселений на реке Хамбер. Это совпадает главным образом с водной системой Трента, делает Линкольншир и Восточный Райдинг Йоркшира метрополиями и наводит на мысль, что по сравнению с Хамбером реки Уош и Тис были незначительными. Старейшим и наиболее основательно датским городом был Гримсби. Поселения, как правило, были небольшими. Я делаю это вывод из того, насколько имена составлены из -*by* и существительного в родительном падеже *единственного* (*Candel-s-by*, *Grim-s-by*, &c.). Danish names such as Thorold, Thurkill, Orme, &c., are eminently common in Lincolnshire; and, at Grimsby, [249], до сих пор сохранился след знаменитого датского героя Хавелока. сохранился на *Хавелок-стрит*. С другой стороны, количество датских идиом в провинциальных диалектах никоим образом не пропорционально преобладанию форм in -*by*. В Линкольншире он невелик, хотя в Йоркшире и Камберленде больше.

Примечательна степень, в которой реки, впадающие в Водоем, не характеризуются присутствием форм в *by*. Только у Уитхема и Велланда (и то частично) есть *бычки* на их берегах. Снова —

Чуть выше Ярмута, между Яром, Северной рекой и морем, находится замечательное скопление форм, созданных. Их в этом маленьком урочище больше, чем в остальной части Норфолка, Саффолка и Эссекса вместе взятых — *Mault-om*, *Orms-ло*[30] (дважды датский), *Nemes-om* и др. Это может указывать либо на поселение непосредственно из Скандинавии, либо на вторичное поселение из Линкольншира.

Каким бы сомнительным это ни было, можно с уверенностью отнести *быков* на западе Англии к датчанам Камберленда и Вестморленда, датчанам Долины Эдема. Эти распространяющиеся

О. На север, следуя либо вдоль побережья Галлоуэя, либо вдоль водной системы Аннана, Локкер-бии др.[250]-

Б. На запад, к острову Мэн—

С. На юг в—

а. Чешир, Ланкашир и Карнарвоншир (*Ормс-хед*), однако всегда на умеренном расстоянии от Си—Хорна *-by*, *Ормс-курк*,[31] *Уит-by*, *Ирэ-by*, *Хелс -отис*.—

б. Пембрукшир; где в *Haver-ford* и *Mil-ford* элемент *ford* эквивалентен датскому *Fiord* и шотландскому *Firth*, и переводит латинское слово *sinus*—не *vadum*. *Guard-* по-рыбьи *-guard* тоже датский; как и *Тен-by* и *Гарольд-Стоун*.

Таково распределение одной ветви скандинавов, а именно: выходцев из Ютландии, Датских островов и (возможно) Юга Швеции. У норвежцев в Норвегии все по-другому. Шетландские острова, Оркнейские острова, Кейтнесс и Сазерленд, Гебридские острова и Ирландия образуют здесь линию вторжения. В человеке сошлись две ветви — датская с востока и норвежская с севера и востока.

Многочисленные подробности, касающиеся скандинавов в Британии, можно найти в книге м-ра Ворсаи "Датчане и северяне"; и, кроме того, доказательство различия, только что проведенного между[251] датчанами Южной Британии и норвежцами Шотландии, Гебридских островов и Ирландии. Оно заключается в явлениях, связанных с формой - *посредством*.

а. Какими бы распространенными они ни были в Дании и Швеции, в Норвегии они почти полностью отсутствуют.

б. Как и другие скандинавские элементы, формы, используемые *by*, почти полностью отсутствуют в Шотландии и Ирландии.....

Следовательно—*Нортман* или *скандинав* означает *датчанина* в Южной Британии, *норвежца* в Шотландии и Ирландии и *датчанина или норвежца*, в зависимости от конкретного случая, на острове Мэн, Нортумберленде и Дареме. Это хорошо показано, и это впервые, в упомянутой ценной работе.

Можно ли продолжить этот анализ? Вероятно, можно. Помимо рассмотрения фризоз Фрисландии,[32] есть ссылка на северо-фризов.[33] Некоторые из них вполне могли быть

частью скандинавского вторжения. Ближайший подход к абсолютным доказательствам по этому вопросу можно найти в Восточном Райдинге Йоркшира; где в Холдернессе мы имеем фризские формы *News-om*, *Holl-ym*, *Arr-am*, а также составное название *Fris-marsh*. Лестерширский фриз-*om North*-фризский.,,

Опять же, автор, который, как и нынешний, считает, что до сравнительно недавнего периода Южная[252] Ютландия, Датские острова и Юг Швеции, *по крайней мере*, были сарматами, имеет право спросить, не могли ли представители этого племени также способствовать увеличению скандинавского воинства. Предполагается, что они это сделали; *апостериорные* доказательства скудны. Два персонажа нашей популярной мифологии, однако, кажутся славянскими — Старый *Боги* и Старый *Скретч*. *Бог* по-славянски - это *Бог* или *Деймон*; так что *Черне-бог*=*Черный Бог*, а *Биле-бог*=*Белый Бог*; тогда как готская интерпретация не является равно вероятной.

Старый *Скретч* - это *Волосатый*, или *Пилосус*, как его имя передается в глоссиях. В чешском мы имеем формы *scret*, *screti*, *scretti*, *skr'et*, *s'kr'jtek*=*демон, домашний бог*; в польском - *скржом* и *скржитек*; в словенском - *шкратие*, *шкратели*. С другой стороны, в древненемецком, исландском и некоторых нижненемецких диалектах это слово встречается так же, как и в английском. Тем не менее, сочетание звуков настолько славянское, а название распространено на столь значительной части славянской территории, что я рассматриваю его как по существу и изначально принадлежащее к этой семье.

Этнологический анализ скандинавов - это один вопрос; дата их первого вторжения - другой. Настоящую главу открывают утверждения "Англосаксонской хроники". Есть ли[253] причина их критиковать? Тот факт, что датчане зимовали в Англии в 787 году н.э., не вызывает сомнений. Из-за того, что они никогда не делали этого раньше, они лишь дают неудовлетворительное отрицательное утверждение.

Со своей стороны, я не хотел бы отрицать присутствие скандинавов в определенных частях Великобритании даже в самом начале Исторического периода. То, что так было с Оркнейскими и Шетландскими островами, пожалуй, мало кто склонен отрицать. Но глоссарий *дал*[34], объединяющий исключение, которое может быть сделано для слов *пенн фейхел*, [35] дает вероятность к скандинавскому происхождению *пиктов* которое до сих пор не было общепризнанным — настоящий автор, среди прочих, отрицал это.

Когда бритты заняли большую часть острова, их встретили *пикты* из *Скифии*. Однако пикты впервые высадились не в какой-либо части Великобритании.

Это было на северном побережье Ирландии, которое тогда удерживали шотландцы. Но у шотландцев не было для них места, поэтому они рассказали им о противоположном острове Британии и порекомендовали завладеть им, что и было сделано соответствующим образом. "И поскольку у пиктов не было жен, и им приходилось искать их у скоттов, они были предоставлены с единственным условием, что всякий раз, когда наследование становилось[254] сомнительным, женская линия должна быть предпочтительнее мужской; что сохраняется среди пиктов даже сейчас". Эта особенность пиктского закона о престолонаследии интересна; и поскольку Беда говорит о ней как о свидетельстве того времени, она должна считаться одним из немногих определенных фактов в истории пиктов. Другое утверждение истинной важности

состоит в том, что Священные Писания читались на всех языках Великобритании; всего их было пять: латинский, англоязычный, британский, шотландский и *пиктский*.

Мог ли этот *пиктский* быть скандинавским языком, тесно связанным с англосаксонским, без ведома Беда? Однажды я поспешно ответил отрицательно, но тот факт, что он фактически упускает из виду готический характер слова *дал* (=часть), изменил мое мнение.

С другой стороны, их вывод из Скифии ни к чему не приводит. Текст, которым Беда снабдил свое заявление, дошел до нас, хотя, к сожалению, в трех разных прочтениях. Это от Гильдаса, и, похоже, это одна из наименее удачных попыток этого автора писать красиво.

Он называет Германский океан *Титической долиной*, или Долиной *Tutusa* (*Фетиды*?). В одной из двух рукописей, которые отклоняются от формы *Tithecam Vallem*, читается *Aticam*, а в другой *Styticam*. Я привожу тексты Гильдаса полностью. They may serve to shew his style:—"Itaque illis[255] ad sua remeantibus, emergunt certatim de curucis, quibus sunt trans Tithecam vallem vecti, quasi in alto Titane incalescente caumate de aridissimis foraminum cavernulis fusci vermiculorum cenei, tetri Scotorum Pictorumque greges, moribus ex parte dissidentes, et una eademque sanguinis fundendi aviditate concordēs, furciferosque magis vultus pilis, quam corporum pudenda pudendis proxima vestibus tegentes, cognitaque condebitorum reversione, et reditus denegatione, solito confidentius, omnem Aquilonalem extremamque terræ partem, pro indigenis muro tenus capessunt."—*Historia*, §. 15.

Но, возможно, Гильдас с готовностью написал "Скифику", поскольку для этого у него *была* причина, как говорили в шестом веке, для этого. Вероятно, это были следующие строки из Вергилия: —

"Aspice et extremis domitum cultoribus orbem,
Eoasque domos Arabum, pictosque Gelonos."—G. xi. 115.

Невозможно доказать, знали ли Гильдас или Беда об этой строке или перевели ее так, как если бы *пикты* были *гелоны*; но то, что автор сделал это ненамного позже Беда, подтверждается следующим отрывком из Жития святого Водоала, написанного примерно в начале десятого века: "Благословенный Водоал был (как говорят) представителем народа, несущего стрелы, — *гелоны*, которые, как полагают, ведут свое происхождение из *Скифии*. О[256] ком, поэт пишет *пиктоски-гелоносы*; и с того времени и по сей день их называют *пиктами*." [36] *Sagittiferi* такое же виргилийское, как и слово *Пикти*—

"Hic Nomadum genus et discinctos Mulciber Afros,
Hic Lelegas, Carasque sagittiferosque Gelonos
Finxerat."—Aen. viii. 725.

Другим элементом в рассуждениях о дате появления первых скандинавов является тот факт, что не один исследователь заметил в терминологии писателя столь раннего, как Птолемей, слова с более или менее скандинавским акцентом —*например*., *Ar-beia*, *Leucori-bi-um*, *Vand-uarii* (*Aquicolae*), *Lox-ius fluvius* (= река Лосося) и, возможно, некоторые другие. другие.

Утверждать, что во втором веке среди нас были скандинавы, потому что определенные слова были скандинавскими, а затем выводить скандинавский характер рассматриваемых слов из присутствия скандинавов - это порочный круг, от которого мы должны держаться подальше. В то же время неспособность ранних историков дать отрицательный ответ, оплошность Беды в отношении слова *дали* исключения, которые можно отнести к глоссарию *пенн фейхел*, - все это важные элементы. Настоящий автор полагает, что до 787 г. н.э. в Британии *были* скандинавы, а также что этими скандинавами, *возможно*, были пикты.[257]

Датские и норвежские подданные Канута дают нам *прямой*, норманны Вильгельма Завоевателя - *косвенный* скандинавский элемент.

"Последние завоеватели этого острова были также самыми храбрыми и лучшими. Я не исключаю даже римлян. И, несмотря на наши симпатии к Гарольду и Хирварду и наше отвращение к основателю Нью-Фореста и опустошителю Йоркшира, мы должны признать превосходство норманнов над англосаксами и англо-датчанами, с которыми они встретились здесь в 1066 году, а также над выродившейся франкской *знатью* и подавленными и раболепствующими романскими провинциалами, у которых в 912 году они отняли округ на севере Галлии, который до сих пор носит название Нормандия".[37]

Это подводит нас к анализу крови *норманна*, или *северянина*. Поскольку он является жителем такой далекой к югу страны, как Нормандия, таково его назначение; поскольку скандинавы, которые в восьмом, девятом и десятом веках опустошали Великобританию, распространились также вдоль берегов Континента. И здесь перед ними встают те же вопросы, что и перед скандинавами Линкольншира, Шотландии и острова Мэн. Они могут быть признаны норвежцами и могут быть признаны датчанами; у них могут быть или[258] у них могло не быть предшественников; их кровь, если датская, а не норвежская, могла быть джутовой или фризской; они могли отличаться от определенных союзных завоевателей, известных под именем *саксонцев*, или они могут быть саксами предыдущего периода.

Однако на самом деле они, по-видимому, были норвежцами из Норвегии, а не датчанами с Ютландии и Датских островов; норвежцами без сопровождения женщин и норвежцами, которые сохраняют свое отдельное гражданство в очень незначительной степени. Они заключали союзы с французами и перенимали привычки и манеры местных жителей. По материнской линии они были от начала до конца кельтскими, а по отцовской - кельтскими, римскими и германскими. О том, что этот последний элемент был важен, можно судить по именам герцогской и королевской семьи: Уильям, Ричард, Генри и др., именам столь же скандинавским, сколь римским или галльским.

Следовательно, кровь даже истинных норманнов была неоднородной; в то время как (более того) сама армия была лишь частично набрана на земле Нормандии — бретонцы, которые были почти чистокровными кельтами, фламандцы, которые были кельтогерманцами, и валлоны, которые были кельтогерманцами и римлянами, - все они помогли увеличить войско Завоевателя. Что они совершили в Гастингсе и как они присвоили страну, является вопросом гражданского общества[259], а не историка физики; распределение их крови среди нынешних англичан является проблемой для герольда и специалиста по генеалогии. Элементы, которые они принесли, были только теми, что были у нас раньше — кельтскими, римскими, германскими и скандинавскими. Однако способ их сочетания отличался. В немецкой крови также были небольшие различия. Это было скорее Откровенно, чем под Углом.

Кельты, римляне, германцы и скандинавы, таким образом, поставляют нам основные элементы нашего населения, элементы, которые смешаны друг с другом в многочисленных степенях сочетания; в таком количестве, что в случае с последними тремя нет и намека на чистоту.

Как бы легко ни было найти типичного и типичного кельта среди гэлов Коннахта или камбро-бриттов Северного Уэльса, немца, столь же подлинного и типичного, которого писатели любят противопоставлять ему, нельзя найти в пределах четырех морей, ближайший вариант - фризец Фрисландии.

Важно также помнить, что смешение, которое уже имело место, все еще продолжается; и поскольку три чистых источника кельтской крови, без соответствующего источника готической, текут полным ходом, результатом является медленное, но верное добавление кельтских элементов к так называемой англосаксонской крови,[260] элементов, которые заметны в Британии и которые очень значительны в Америке. Гэл или британец, который женится на англичанке, передает, со своей стороны, чистую кельтскую линию, тогда как ни один англичанин не может добиться подобной примеси германизма — его собственная порода является более или менее гибридной.

Предыдущие страницы были посвящены ретроспективе английской этнологии. Главные вопросы в перспективе - это только что указанный вопрос и последствия изменения территории в случае с американцами.

СНОСКИ:

[27] Повсюду это датские формы — *Асгар*-, *Хакон*- и *Карл*- будучи столь же мало англосаксонскими, как *-бу*. *Карл-бу* по-англосаксонски было бы *Чарлтон*.

[28] норт-эйвон-тоншир.

[29] Также *Литейщик*-тонна=*Честер*-тонна. Многочисленные формы в *туэйте*, как показал мистер Ворсаи, являются норвежскими.

[30] Дважды датский: англосаксонская форма *Orm* являющаяся червем.

[31] Вдвойне скандинавский: англосаксонская форма была бы *Worm-church*. Обычно в соединениях такого рода датская форма *Kirk* является приставкой, англосаксонская *церковь* - аффиксом; например, *Kirk*-рядом, *Внецеркви*.

[32] См. стр. 240.

[33] См. стр. 177 и с.

[34] См. стр. 226.

[35] См. стр. 229.

[36] Из Mabillon.—Zeuss, стр. 198.

[37] Пятнадцать решающих битв мира.—Автор: профессор. Кризи, *Гастингс*.

КОНЕЦ.

ЛОНДОН:

Т. Э. Меткалф, печатник, 63 года, Сноу Хилл.

РАБОТЫ ДОКТОРА ЛАТАМА.

В четырех одинаковых томах, каждый по 5 штук.

I.

ЭТНОЛОГИЯ БРИТАНСКИХ ОСТРОВОВ.

II.

ЭТНОЛОГИЯ БРИТАНСКИХ КОЛОНИЙ.

III.

ЭТНОЛОГИЯ ЕВРОПЫ.

IV.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО МИГРАЦИИ.

В 8 экземплярах, иллюстрированный, цена 21 доллар.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ РАЗНОВИДНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА.

"Истинно мужские умы Англии, Континентальной Европы и англосаксонской Америки оценят ее как лучшую книгу своего времени на лучшую тему своего времени". -*Еженедельные новости*.

"Наиболее очевидной характеристикой стиля доктора Лэтема является та, которая превосходно подходит для популярного рассмотрения подобных тем. Он скуп на слова и переходит прямо к сути — выражая ясно и коротко все, что у него есть сказать, и останавливаясь на каждой части своей темы лишь до тех пор, пока не продемонстрирует свое мастерство в ней и не выкажет искреннего желания, чтобы все, что он знает, ясно дошло до умов его читателей. Таким образом, в двух небольших томах он поместил столько информации, сколько мы когда-либо видели в подобном объеме; и сделал это так, чтобы не оставить оснований для жалоб на неясность у читателя, уделяющего ему изрядную долю внимания".—*Глобус*.

ДЖОН ВАН ВОРСТ, ПАТЕРНОСТЕР-РОУ, 1.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ
ОФ
БРИТАНСКИХ ОСТРОВОВ.

Эта серия работ иллюстрирована многими сотнями гравюр; каждый вид был нарисован и выгравирован под непосредственным наблюдением авторов; были наняты лучшие художники, и не было потрачено ни сил, ни средств.

Несколько экземпляров были напечатаны на бумаге большего размера royal 8vo.

"ЧЕТВЕРОНОГИЕ" профессора Белла. Готовится новое издание.

"ПТИЦЫ" мистера Яррелла. Второе издание., 3 тома. 4л. 14с. 6д.

ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ "ПТИЧЬИХ ЯИЦ" мистера Хьюитсона. 2 тома. 4л. 10с.

"РЕПТИЛИИ" профессора Белла. Второе издание, 12с.

"РЫБЫ", мистер Яррелл. Второе издание, 2 тома. 3л.*

РАКООБРАЗНЫЕ, автор профессор Белл. Сейчас в процессе публикации, частями по 2с. 6д.

МОРСКИЕ ЗВЕЗДЫ, профессор Эдвард Форбс. 15с.

"ЗООФИТЫ" доктора Джонстона. Второе издание, 2 тома. 2л. 2с.

МОЛЛЮСКИ И ИХ РАКОВИНЫ, автор профессор Эд. Форбс и мистер Хэнли. Сейчас в процессе публикации, частями по 2с. 6д.; или на крупной бумаге, с цветными листами, по 5с.

"ЛЕСНЫЕ ДЕРЕВЬЯ", мистер Селби. 28с.

"ПАПОРОТНИКИ", мистер Ньюман. Третье издание. Сейчас в печати.

ИСКОПАЕМЫЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ И ПТИЦЫ, профессор Оуэн, 1л. 11с. 6д.

ОБЩИЙ ОЧЕРК ЖИВОТНОГО ЦАРСТВА, профессор Т. Раймер Джонс. 8во. Готовится новое издание.

* "Эта книга должна получить широкое распространение не только из-за ее научных достоинств — хотя они, как мы частично показали, велики и знаменательны, — но и потому, что она написана популярно и, следовательно, может привлечь всеобщее внимание к предмету, который следует рассматривать как один из важнейших. Рыбами интересуется каждый — политэкономист, гастроном, торговец, человек науки, рыболов, бедняк, богатый. Мы приветствуем появление этой книги как начало новой эры в естественной истории Англии". — *Ежеквартальное обозрение*, № 116.

ДЖОН ВАН ВОРСТ, ПАТЕРНОСТЕР-РОУ, 1.

РАБОТЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ МИСТЕРОМ ВАН ВОРСТОМ.

ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОДОНОСНЫХ СЛОЕВ МЕСТНОСТИ ВОКРУГ ЛОНДОНА, особенно в отношении водоснабжения Мегалополиса; и включая некоторые замечания о родниках. Джозеф Прествич, июнь, F.G.S., & c. 8 в., с картой и гравюрами на дереве, 8с. 6д.

РУКОВОДСТВО ПО БРИТАНСКОЙ БОТАНИКЕ: содержит список цветковых растений и папоротников, расположенных в соответствии с Естественными порядками. Автор: С. С. Бабингтон, М.А., F.L.S., F.G.S. и др. Третье издание, 12 м., 10с. 6д.

ЛОВЛЯ РЫБЫ НАХЛЫСТОМ В СОЛЕНОЙ И ПРЕСНОЙ ВОДЕ. С шестью цветными пластинками, изображающими искусственных мух, 8 шт., цена 7s. 6д.

АНГЛИЯ ДО НОРМАНДСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ. 16 м., сукно, 2с. 6д.

INSTRUMENTA ECCLESIASTICA. Под редакцией Экклезиологического общества позднего Кембриджского Камдена. Вторая серия. Частями в 2с. 6д.

ИЛЛЮСТРАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА И МАНУФАКТУР. Автор: Артур Айкин, F.L.S., F.G.S. И с. На листе бумаги 8в., иллюстрированном, ткань 8с.

НАЧАЛЬНЫЙ КУРС ГЕОЛОГИИ, МИНЕРАЛОГИИ И ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ. Дэвид Т. Энстед, магистр, Ф.Р.С., профессор геологии Королевского колледжа в Лондоне, & c. Сообщение 8в., Иллюстрированное, цена 12s. Также профессором Энстедом, —

ДРЕВНИЙ МИР, или Живописные зарисовки сотворения мира. С 149 иллюстрациями. Новое издание, пост 8., 10с. 6д.

УЧЕБНИК ГЕОЛОГА. Дурацкий пейзаж 8в., 3с. 6д.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ ИСКАТЕЛЕЙ ЗОЛОТА. Дурацкий пейзаж 8в., 3с. 6д.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ КАШАЛОТА и очерк китобойного плавания в Южных морях. Автор: Томас Бил. Сообщение 8в., 12с.

МЕДОНОСНАЯ ПЧЕЛА: ее естественная история, физиология и управление. Эдвард Беван, доктор медицины, новое издание, 12 м., с иллюстрациями, 10с. 6д.

ИЛЛЮСТРАЦИИ ИНСТИНКТА, выведенные из Повадок британских животных. Джонатан Коуч, Ф.Л.С., член Королевского геологического общества и Королевского института Корнуолла, & c. Сообщение 8 в., 8с. 6л.

ОСТРОВ МЭН: его история, физическая, Церковная, гражданская и легендарная. Преподобный Дж. Дж. Камминг, магистр, заместитель директора колледжа короля Уильяма в Каслтауне. Сообщение 8во., иллюстрированное видами и разделами, 12с. 6д.

РЕДКИЕ И ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЖИВОТНЫЕ ШОТЛАНДИИ, представленные живыми объектами: с практическими наблюдениями за их природой. Автор: сэр Джон Грэм Дэлиелл, Барт., 2 тома с 4 по 4., содержит 109 цветных табличек, 6л. 6с.

ПУТЕШЕСТВУЕТ По ЛИКИИ, МИЛЬЯСУ И КИБИРАТИДУ в компании с покойным преподобным Э. Т. Дэниеллом. Авторы: профессор Форбс и капитан Дж. Т. А. Б. Спратт, Р.Н., 2 тома, 8 об., Иллюстрированный, 36с.

ДЖОН ВАН ВОРСТ, ПАТЕРНОСТЕР-РОУ, 1.

РАБОТЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ МИСТЕРОМ ВАН ВОРСТОМ.

ПТИЦЫ ЯМАЙКИ. П. Х. Госсе. Сообщение 8в., 10с. Также г—ном Госсе,-

КАНАДСКИЙ НАТУРАЛИСТ. С 44 иллюстрациями самых замечательных представителей животного и растительного мира. Сообщение 8в., 12с.

КНИГА НА БЕРЕГУ МОРЯ: введение в естественную историю британских побережий. Автор: профессор Харви, доктор медицинских наук, второе издание М.Р.І.А. Иллюстрация 8в., с 69 иллюстрациями, 5с.

РУКОВОДСТВО По БРИТАНСКИМ МОРСКИМ ВОДОРΟΣЛЯМ: содержит общие и специфические описания всех известных британских видов морских водорослей с таблицами, иллюстрирующими все роды. Автор: профессор Харви. 8в., 21с. Цветные копии, 31с. 6д.

ОСНОВЫ БОТАНИКИ: знакомое введение в изучение растений. Автор: Артур Хенфри, Ф.Л.С., преподаватель ботаники в больнице Святого Георгия. 16 м., с иллюстративными гравюрами на дереве, 3с. 6д.

НАБЛЮДЕНИЯ В ОБЛАСТИ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ; с Календарем периодических явлений. Преподобный Леонард Дженинс, магистр, Ф.Л.С., 8 октября, 10с. 6л.

"ПРОГУЛКИ РЫБОЛОВА". Эдвард Джесси, Ф.Л.С., автор книги "Подборки по естественной истории". Пост 8в., 10с. 6д.

ВВЕДЕНИЕ В КОНХОЛОГИЮ, или Элементы естественной истории моллюскообразных животных. Автор: Джордж Джонстон, доктор медицины, член Королевского колледжа хирургов Эдинбурга. 8в., 102 иллюстрации, 21с.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ЖИВОТНЫХ. Автор: профессор Т. Раймер Джонс, F.R.S., F.Z.S. Два тома, с 209 иллюстрациями, пост 8в., по 12с. каждая.

ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОГУЛКИ По САССЕСКУ. Автор: А. Э. Нокс, М.А., F.L.S., 8 в., с четырьмя литографическими видами, 7с. 6д. Второе издание. Также мистером Ноксом,—

ОХОТНИЧЬИ ПТИЦЫ: их друзья и враги. С иллюстрациями Вольфа. Отправлено 8 шт., цена 9с.

ЗНАКОМОЕ ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ НАСЕКОМЫХ. С многочисленными иллюстрациями. Эдвард Ньюман, F.L.S. One, том 8, 12с.

РУКОВОДСТВО ПО ИЗГОТОВЛЕНИЮ ГОТИЧЕСКОЙ ЛЕПНИНЫ. Ф. А. Пейли, М.А. Второе издание, иллюстрированное почти 600 примерами. 8в. 7с. 6д.

КУПЕЛИ ДЛЯ КРЕЩЕНИЯ. Серия из 125 гравюр, относящихся к разным периодам, сопровождаемых описаниями; и Вступительный очерк мистера Пейли. 8в., 1л. 1с.

БЫТОВЫЕ СЦЕНЫ ГРЕНЛАНДИИ И ИСЛАНДИИ. 16 м., Иллюстрированное, 2с. 6д. Второе издание.

БЕДНЫЙ ХУДОЖНИК, или Семь взглядов и один объект. Фкап. 8в., 5с.

"ВИКАРИЙ ГОЛДСМИТА Из Уэйкфилда". С 32 иллюстрациями Уильяма Малреди, Р.А.; гравировка Джона Томпсона. Площадь 8в., 1л. 1с., или 36с. в Марокко.

БОЖЕСТВЕННЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ ПЕСНИ Уотта. С 30 иллюстрациями К. В. Коупа, Р.А.; гравировка Джона Томпсона. Площадь 8в., 7с.ш., 6д. или 21с. в Марокко.

ДЖОН ВАН ВОРСТ, ПАТЕРНОСТЕР-РОУ, 1.

Поправки автора:

стр. 9, 'Фарерские внесены изменения в *Фарерских*: 'Фарерских островах.

стр. 17, "тысячелетия" исправлено на *millenniums*.

стр. 28, "тысячелетия" изменены на *millenniums*.

стр. 47, "Периегета" исправлена на "*Перуегет*": "Дионисий Периегет".

стр. 48, "Просепина" исправлено на *Прозерпина*: "Церера и Прозерпина".

стр. 52, "лодки" с поправками к *книгам*: "другая часть книг Цезаря".

стр. 61, "Luxumbourg" исправлено на "Luxembourg". *Люксембург*.

стр. 64, слово "потенциальный" изменено на *potentate*.

стр. 67. "Дивиатикус" исправлено на *Дивитиакус*.

стр. 76, "ПЕАНН ФАХЕЛЬ" исправлено на *ПЕНН ФАХЕЛЬ* (в заголовке).

стр. 79, кн. 7, "Филологический" изменен на *Филологический*.

стр. 89, 'Oose внесены изменения в УЗ: 'рек ... УЗ'.

стр. 92, "философ" исправлено на *философ*: "философ Сенека";
"Сервий" исправлено на *Север*: "Император Север".

стр. 95, "-uis" изменено на *-ius*: "формы в *-ius* и *-inus*".

стр. 98, "Британцы" исправлены на *Британцы*: "беспокоят южных британцев".

стр. 107, "там" исправлено на *их*: "если их даты были".

стр. 124, вторая запись вместо "LXXVII" изменена на "LXXVIII".

стр. 125, "XCLIV" исправлено на *XCIV*.

стр. 126, "CXLIX" с поправками, внесенными в *CLVI*.

стр. 149, "Луненбург" исправлено на *Люнебург*.

стр. 153, "Хевель" исправлено на *Гавел*: "река Гавел".

стр. 154, "Верини" исправлено на *Варини*: "Варини из Тацита".

стр. 167, "Франки" исправлены на *франки*: "Меровингские франки".

стр. 171, '(житие святого Бонифация:)' исправлено на *(житие святого Бонифация)*; 'Ceadmon' исправлено на *Cædmon*.

стр. 173, "Голландец Гольштейнский" с поправками на *герцогство Гольштейн*.

стр. 184, 'cristened' внесены изменения в *крещении*.

стр. 193, слово "британец" изменено на *Британия*: "побережья Галлии и Британии".

стр. 195, "Пелопоннесс" исправлено на *Пелопоннес*.

стр. 202, дополнительные "и" удалены: "и *и* в адаптированной форме".

стр. 204, "Нибелунги лгали" с поправками на *Нибелунговед*.

стр. 222, "Британия" изменено на *Бретань*;
"Британия" изменено на *Бретань*.

стр. 227, добавил "а": "плохая причина для *а* хорошей".

стр. 228, дублирующий текст удален: "*нарушает логический вывод*".

стр. 231, "Хенгест" исправлено на "*Хенгист*".

стр. 238, "Британцы" исправлены на *британцы*: "как британцы из".

стр. 242, "Глостершир" исправлено на *Глостерш.* (в таблице).

стр. 243, "Глостер" исправлено на *Глостер*.

стр. 245, "Скандинавия" изменено на *Скандинавия*.

стр. 246, 'Willoug-by' исправлено на *Willough-by*.

стр. 254, "pars" изменен на *часть*.

Дополнительные примечания:

стр. 169, "Хильдубрант" и стр. 171, "Хильдебрант": Поскольку автор не проявляет явных предпочтений, оба варианта остаются напечатанными.